

Стефан Хеллер
психология и эзотерика
свободы

Стефан Хеллер

ПСИХОЛОГИЯ И ЭЗОТЕРИКА
СВОБОДЫ

Стефан Хёллер

**Психология
и
эзотерика свободы**

Москва
2014

Вступление. Гнозис Свободы

Конец 1980-ых и начало 1990-ых годов были ознаменованы рядом почти удивительных событий, которые освободили народы Советского Союза и его союзных государств от длительного притеснения системой, под гнетом которой они были вынуждены жить в течение многих десятилетий. Движущая сила этих событий везде одинакова — желание независимости. Как это часто бывало в истории нашей беспокойной планеты, — именно свобода стала жизненно необходимым и всецело сильным фактором в делах мира, а не экономика, или подъем уровня жизни, или беспокойство о чистоте окружающей среды, или любая из тех многочисленных проблем, объявленных в последние годы, чтобы отвлечь человечество от танков и оружия его угнетателей. Их целью была свобода — простая и понятная.

Что же тогда есть свобода, и почему люди снова и снова рискуют всем ради этого неуловимого подарка богов? Что мы должны сделать, чтобы достичь ее, и когда-то достигнув, не потерять ее снова? Многие боролись за свободу, равенство и братство за последние несколько сотен лет лишь затем, чтобы быть угнетенными после своей победы новой и еще более страшной тиранией. Тогда мы должны спросить, что идет не так как надо с поисками человечеством свободы? Почему на свободу бросают взгляд часто лишь мимоходом, как на само собой разумеющуюся реальность, но порой обретенную лишь на время?

Если мы хотим ответить на этот вопрос объективно, мы должны сначала освободить идею свободы от ореола философской абстракции, которой ее так часто окружают. Понятие “свобода” не существует как своего рода независимая платоническая идея, она должна пониматься как данность на экзистенциальном уровне в жизни людей. К. С. Льюис сказал, что никто никогда не испытывает зубную боль в общем смысле, не ест абстрактную еду; скорее каждый испытывает определенную боль и ест конкретную еду. В той

же самой манере можно было бы сказать, что свобода — способность определенных людей быть свободными от определенных ограничений, препятствующих их росту, счастью и благосостоянию. Свобода не есть всего лишь незначительный и неуловимый набор абстрактных идей и идеалов. Когда философы Просвещения говорили о “*les droits de Homme*” (правах человека), они подразумевали права определенных людей обладать конкретными личными свободами.

Как только мы подходим к тому, чтобы признать то, что понятие свободы неразрывно связано с концепцией личной свободы, мы вскоре признаем, что мы не можем говорить о свободе, не уделяя внимание более широкому контексту, в пределах которого живут люди, находится их бытие. Этика неизбежно основывается на той или иной форме метафизики, ибо чрезвычайно трудно сформулировать жизненные принципы без моральной схемы или согласованных жизненных утверждений. Если жизнь не имеет смысла, исходя из ниоткуда, и не имеет цели вне момента времени, этические принципы становятся бесполезны. Точно так же, свобода личности представляется бесполезной, и поэтому не нуждается в правдивом обосновании, без своего рода метафизического образа природы, потенциала и смысла жизни каждого отдельного человека. Если мы желаем доказать суждение, что свобода необходима, хороша или полезна, мы должны сначала задать эти основные вопросы: Каково значение личности? Кто и что есть человек? Откуда люди пришли и куда они идут?

Многие люди в современном мире, заинтересованные проблемой свободы и личности, задают эти вопросы. Распад советской власти в Центральной и Восточной Европе сделал их еще более актуальными и необходимыми. Люди демократических стран Запада тоже скоро столкнутся с подобными вопросами и даже обвинениями от прежних коммунистических стран. А ведь они вполне могут заявить, что у нас нет никакого последовательного и значимого набора идей, чтобы справиться с проблемой других идеологий,

или предложить замену коллективистским и тоталитарным идеологиям, дискредитированным в последнее время. Публицист Ирвин Кристал умно подметил это затруднительное положение, когда написал, что, любящее свободу движение, к которому он относил себя, отчасти испытывала недостаток в определенном “позвоночнике” мысли. Кажется, что у врагов свободы всегда есть метафизическая, внутренне последовательная систематизация ценностей, опыта и значения, в то время как у защитников свободы нет такой поддержки. У тирании есть суждения относительно смысла жизни, но свобода обычно оказывает только экзистенциальное влияние своей собственной ценностью. У мастеров порабощения, кажется, всегда есть внушительная философия, чтобы оправдать структуру их рабской власти; как это имело место с марксизмом-ленинизмом. Навстречу таким идеологическим аргументам, свободные могут только повторить, какое это прекрасное чувство — быть свободными.

Не то, чтобы ориентированная на свободу мысль всегда нуждалась в идеологических подкреплениях. Во-первых, есть те, кто яростно настроен против всех идеологий, сама оппозиция которых имеет тенденцию напоминать их собственную идеологию. Есть и те, кого можно было бы назвать традиционалистами, преданность которых принадлежит господствующим религиям Иудаизма и Христианства, часто в своем ортодоксальном и/или евангелистском понимании. Требование этих групп — любить свободу открыто, чтобы бросить вызов, однако, больший период еврейской и христианской истории не признавал ценности личной свободы. Если еврейско-христианский Бог и его заповеди — истинная основа для прав человечества, то почему почитатели и духовенство этого Бога частенько игнорировало эти права столетиями и даже тысячелетиями? Кроме этих и подобных аргументов, мы должны признать, что западное общество сегодня имеет существенное меньшинство, которое, хотя духовно развито, не является частью господствующей тенденции религиозного толка. В числе этих

людей многие, теоретики и практики, ценность свободы для которых велика. Среди нас сегодня живут мужчины и женщины, кто неистово предан свободе, но в то же самое время не может согласиться с господствующим представлением — что иудейско-христианский Бог — это сила освобождения в современном обществе.

Этот круг включает множество лиц, которые развили пристальный интерес к современной научной дисциплине — глубинной психологии, часто известной как психоанализ или аналитическая психология. Основы глубинной психологии приняли статус жизненной философии для многих. Среди выдающихся представителей этой научной мысли К. Г. Юнга в настоящее время проявляется сочувствующий интерес к нашей культуре. Юнг был хорошим примером современного, творческого, интеллектуального и воодушевленного человека; он был глубоко религиозен, или, как мы могли бы сказать, духовно ориентирован, но он был далеко удален от господствующей тенденции традиционной религиозной догмы. Те, кто хочет исследовать его вклад в культуру, находят синтез человеческого знания, иногда еще не открытого. Начиная как психиатр — с намерения лечить безумных, Юнг обнаружил великую истину действия человеческой психики, феноменологию которой он исследовал. В самых глубоких закоулках человеческого разума Юнг обнаружил некоторые ранее затененные или неизвестные силы и образы, которые сильно связаны с важными аспектами мифологической культуры, религии, искусства, философии и литературы. Основываясь на этих и сопутствующих открытиях, Юнг развивал много идей социологического и политического характера. Так как он жил в эру двух мировых войн, нацистского и коммунистического тоталитаризма, Юнг естественно касался главных социальных и исторических вопросов своего времени, и нашего времени также.

С мыслью Юнга тесно связана духовная школа, которая была оклеветана и неправильно понята в прошлом, а теперь вновь привлекает много внимания. Эта школа — древняя

духовная философия гностицизма. Юнг был, как некоторые увидели теперь, современным гностиком. (См. мои книги, Гностицизм Юнга и Семь наставлений мертвым, 1982, Потерянные евангелия Юнга, 1989). В течение прошлых двадцати лет возникал все более и более сильный и сочувствующий интерес к изучению гностицизма. Открытые в 1945 и опубликованные в 1977 важнейшие гностические писания и последующие литературные комментарии восстановили и фактически реабилитировали в значительной степени учение гностиков. (См. Библиотека Наг Хаммади, под ред. Джеймса Робинсона, 1977, и Гностические Евангелия, Элейн Пэджелс, 1979.)

Гностицизм наиболее часто понимается как христианская ересь первых трех столетий нашей эры, и очень немногие признавали в нем наличие социального или политического подтекста. Одно исключение было сделано покойным австрийским ученым эмигрантом Эриком Воеджелином в 1950-ых, когда в книгах о новой политической науке, правопорядке, истории и других, по большому счету было выдвинуто неправдоподобное предположение о том, что гностицизм был некоторым неясным образом исконным предком большинства политических идеологий, которое автор считает несправедливым. Воеджелин утверждал, что все современные тоталитарные идеологии были в некотором роде духовно связаны или происходили из древнего гностицизма. Он рассуждал, что, раз уж у гностиков была небольшая симпатия к Богу Ветхого Завета, даже представленному как Бог-Отец в христианстве, они не будут желать воссоединиться с ним на небесах. Таким образом, они должны желать заменить такие небеса земной утопией, раем на земле. В то же самое время, Воеджелин допустил, что гностики расценивали земное царство как не особенно привлекательное. Воеджелин так и не потрудился убрать это противоречие, и таким образом его аргумент был изначально испорчен. Под давлением более умеренного и лучше информированного академического климата энтузиазм по

поводу Воеджелина значительно стих в последние десятилетия. Для примера, ученый и сенатор Сэмюэль Хаякава подверг субъективную теорию Воеджелина серьезной критике, определив их автора как своего рода академический рычаг. В дискредитированной теории Воеджелина мы можем почерпнуть много полезного вдохновения для современной гностической мысли, особенно в свете учения Юнга.

Эта книга утверждает, что психологический и духовный подход к свободе, представленный Юнгом, до него гностиками, наиболее подходит для того, чтобы стать идеологической поддержкой для современных приверженцев свободы человека. Идеи Юнга также поддерживают воззрения многих из нас, касающиеся влияния правительства, административно-командной экономики, вмешательства правительства в частную жизнь граждан и почти неизбежное объединение этих условий в тоталитарной тирании. Может случиться так, что для некоторых логический позитивизм и материалистический рационализм Рэнда Эйна послужит удовлетворительным идеологическим оправданием жизненного приоритета свободы. Кроме того, он открывает сферу возможностей для остальных, особенно для тех, кого не смущают логические или исторические несогласованности, “старинная религия” фундаментализма может послужить достаточным основанием для беспокойства о свободе. Однако, есть другие альтернативы. Между утвердившимся в вере христианством и рационалистическим атеизмом есть средний уровень, где Разум и Дух, или, как сказал бы Юнг, Эго и Самость могут встретиться на свободе.

С какой бы точки зрения это не рассматривалось, с какой высоты ума или духа не наблюдалось, свобода чрезвычайно важна. Свобода драгоценна и как цель человеческих усилий и как средство для достижения наивысшей цели человеческого существования. Свобода — парадоксальная реальность, легко теряемая из виду в жизненном вихре. Не всегда свободу легко заметить. Когда немецкая армия внедрилась в крошечную Австрию, когда российские танки

вошли в Будапешт или Прагу, когда рабочие Варшавы и Гданьска уходили со своих фабрик в концентрационные лагеря для борьбы с их “социалистическими” владельцами, было нетрудно понять, что гарантировала свобода. Определенное Нечто, что-то основное, возвращалось законным владельцам. Когда героические члены русских защитников белого дома, бросили вызов силе войск, посланных против них коммунистическими заговорщиками в августе 1991, было ясно, где свобода, а где тирания.

Есть и другие времена, когда свобода имеет тенденцию ускользать от нас, когда линии размываются. Парадоксальным, все же драгоценным, является вопрос свободы. Когда кто-то влюблен, он чувствует бесконечную свободу, держа любимую за руку, но завершение отношений показывает, что вместо свободы, он получает новый набор утомительных личных проблем, перемещенный в центр сознания, стирающий идею свободы. Аналогичным образом, когда мужчины и женщины, склонные к идеализации, глубоко обеспокоенные проблемами человеческих страданий и несчастий, стараются выстроить государство всеобщего благоденствия, в котором, как они надеются, не будет многочисленных несчастий, но вместо этого понимают, что то, что они создали, разрушило индивидуальность абсолютно, реальность свободы начинает угасать и уплывать как мираж. Свобода, по всей видимости, есть великий и драгоценный парадокс нашего времени, и любого времени. В этом мире мы хотим свободы, направляя наши силы к пониманию нашего желания, мы часто становимся “несвободными”.

И все же, мы должны принять фундаментальную реальность свободы. Видение свободы не иллюзия, и не мираж. Глубоко внутри нас, некий голос заявляет нам о том, что некоторым таинственным способом мы действительно “родились свободными” и что мы должны воплотить в жизнь наше неотъемлемое право. Теперь, как и прежде, стремление к свободе человека — одно из самых достойных, если не самое достойное из всех начинаний.

Глава 1. Индивидуальная Душа против массового мышления

Одно из самых неблагоприятных обстоятельств современной жизни — вырождение и искажение понятия и значения слова политика [politics]. Аристотель заявил с бесконечной проницательностью, что человек — политическое животное. Слово “политика” в ее оригинальном значении получено из слова polis, которое означает город или полис — в греческом государстве. От этого ключевого слова люди в период становления западной философии получили слова politeia “государство”, и polites — “гражданин”. Даже английское слово “гражданин” [cityzen] содержит слово “город” [city]¹, таким образом, заостряя внимание на одном из самых больших и самых творческих культурных архетипов человечества — на городе.

Город был с нами в течение очень долгого времени, и его значение для роста человеческого сознания было огромным. Вавилон, Египет, Греция и Рим заработали себе репутацию прародителей Западной культуры тем, что они развивали города, в которых могла иметь место великая алхимия человеческого роста и трансформации. Поскольку алхимики знали, что Философский Камень и Эликсир Жизни могут быть получены только в должным образом подготовленном сосуде великой силы, народы древнего Средиземноморья понимали, что города были необходимы как сосуд трансформации, которые может явить такие чудеса культуры, как искусство, образование, религия и философия. Города также сделали возможной сознательную жизнь общины, которая позволяет свободным, развивающимся людям жить вместе в условиях, способствующих личному и коллективному Духовному росту.

Карл Густав Юнг — большой знаток законов и целей духовного роста одобрительно отзывался об утверждении

---

¹В русском языке созвучные слова “горожанин” и “гражданин” — здесь и далее все пояснительные ссылки переводчика.

популярном в религиозных кругах во времена Средневековья, которое было вероятно взято из более ранних, дохристианских источников: *Extra Ecclesiam Nulla Salus*, обычно несколько неправильно переводимое как “За пределами церкви нет никакого спасения.” Прежде, чем он стал употребляться в христианстве, древние греки использовали термин *ekklesia* для обозначения собрания людей, или жителей города-государства. Юнг, таким образом, использовал это утверждение для того, чтобы обозначить, что в психологическом смысле сообщество, особенно сообщество специфического вида (*ekklesia*, или, в его латинской форме, *ecclesia*) содержит великое исцеление, или спасение (*salus*) для человечества. Таким образом, это утверждение, на самом деле, означает, что здоровье, спасение, целостность (все понятия, содержащиеся в слове *salus*), недоступны вне контекста сообщества.

В *ekklesia*, или в избранных кругах города в его классическом смысле, присутствует некая таинственная сила, священная и мистическая. В городе-государстве человек уже дифференцирован в значительной степени от коллективного или массового ума. Инстинкт стада в большой степени преодолен. Люди — личности; у них есть свое отдельное занятие, свои собственные цели и задачи.

Горожане не только вне власти стадного инстинкта, они уже не рабы своей природы. Мы должны помнить, особенно сегодня, когда теневая сторона урбанизации превратила многих людей в романтических поклонников природы, что принятие городского, а не сельскохозяйственного образа жизни, принесло большие возможности для роста сознания многих людей на протяжении всей истории. В классическом смысле, городской образ жизни предоставляет людям возможность быть свободными от слепой тирании природы, ее циклов и законов. В городе люди становятся независимыми; другими словами, они становятся своим собственным законом, вместо того, чтобы подчиниться естественным обязанностям. Возможно, в наши дни легко забыть, как ограни-

чение и угнетение природы может быть губительным для человеческого сознания. Юнг мудро указал, что природа — один из первичных символов архетипа Великой

Матери, которая, в свою очередь, является одним из первичных символов бессознательного состояния. Природа и вместе с нею животность, племенной и стадный инстинкт являются наибольшим носителем бессознательного в человеческой жизни.

Поскольку эти факторы являются ведущими, люди становятся более сознательными, и с сознанием прибывает независимость, суверенитет и способность человека обратиться к собственным сознательным ресурсам, — пониманию, выбору, суждению, причине и следствию. Поскольку было бы ошибкой предположение, что природа, инстинкты и коллективные факторы могут быть, или должны быть, подавлены и изгнаны из жизни человека или сообщества, мы должны понять, что именно городская жизнь, а не пасторальная или сельскохозяйственная жизнь, исторически принесла истинный рост сознания.

Поэтому греческие полисы, города, и их сообщество, ecclesia, стали уникальными архетипическими и творческими событиями в жизни человечества. Впервые в истории свободные люди начали вовлекаться в политический процесс, принимая активное и ответственное участие в управлении им. Мнения, высказанные Платоном и другими ведущими мыслителями относительно формы правления, отражают глубокую психологическую окраску этого политического процесса. Из трех форм правления, известных грекам (демократии, аристократии и тирании), философы предпочитали аристократию, потому что, на их взгляд, она представляла власть лучших (самых сознательных) людей, элиты, которая будет управлять в соответствии с просвещенным духом сознания. Непосредственная демократия представлялась слишком опасной для мудрецов классической древности. Они чувствовали, что она могла бы легко привести к господству толпы или по-

добным стадным проявлениям. Следовательно, греки были ответственны за уникальное и ценностное использование политического процесса для роста сознания народа. Политика, в классическом греческом понимании ее значения, была действительно явлением психологической индивидуации.

Политика как средство сознания

Понятно, что политика может и действительно должна представлять нечто радикально отличающееся от того, чем она стала в современном понимании общества. Политика, наука сообщества, является, в некотором смысле, также выражением науки о душе и искусства духовного роста и преобразования. Жизнь сообщества может иметь пользу для роста, усиления и расширения индивидуального сознания. В современном обществе это редко имеет место, но сие прискорбное обстоятельство ни в коем случае не умаляет того факта, что у политического процесса может быть такая духовная ценность, и что бывали времена, когда эта ценность была открыто признана и явлена.

И Юнг, и гностическая мудрость могут пролить значительный свет на ценность политики. Гностики были носителями греческой культуры, жили и работали в так называемый эллинистический период древности, когда греческий дух, усиленный и обогащенный другими культурными влияниями, действовал как великолепный агент синтеза духовных потоков. Само слово гностикоз, “знаток”, имеет, конечно же, греческое происхождение. Греки называли определенных людей, которых признавали необычно просвещенными в духовных делах, гностикой, или “людьми знающими”. Со своей точки зрения мы могли бы сказать, что гностики были и по отдельности, и вместе проводниками индивидуации. У таких людей, как само собой разумеющееся, должно быть великое и честолюбивое желание свободы, и гностиков определенно волновал этот вопрос.

Соответствуя преобладающему жанру, гностики не говорили о проблеме свободы открыто или прямо, но, скорее, использовали миф и поэтические образы для высказывания своих идеалов и забот. Их центральным мифом была не какая-то простая басня, но вопрос глубокого духовного свойства, отображающий экзистенциальную потребность души освободить себя от оков и ограничений мира. Важную роль в этом мифе играли демиурги и архонты. Они представлялись как космическо-психологические тираны и угнетатели души, естественное стремление которой предрасполагало их к враждебному отношению к человеческой свободе, будь она духовной или физической. Гностики видели себя немногочисленными защитниками личной свободы, борющимися, при помощи духовных средств, против вездесущих сил тирании в царстве природы и бытия. Озабоченность гностиков проблемой свободы привела к большому количеству споров и укрепляла положение антиномизма, означавшего оппозицию жестким структурам религиозной законности (анти — “против”; номоз — “закон”). Гностический подход к религии был и чрезвычайно индивидуалистическим, и нонконформистским. В целом, было бы не совсем правильным говорить, что гностики на протяжении всей истории были борцами за свободу. Но, несомненно, именно эта борьба, как оказалось, привела их к краху. Гностики не были организованы авторитарным способом и, следовательно, не имели никаких эффективных структур власти. Таким образом, они были захвачены силами, обладающими той властью, которой им самим не доставало — сторонниками жесткой руки, ортодоксальной, недавно организованной Константиновской церковью, поддерживаемой самой могущественной структурой власти в древней истории — Римской империей. Не только Гнозис и гностицизм были глубоко связаны с идеалами духовных основ политической свободы. Гностические школы были, фактически, последними остатками этой свободы, когда они были уничтожены в третьем и четвертом веках.

Современный Гнозис Юнга

К.-Г. Юнг, современный Гнозис которого использовал психологическую форму для своего выражения, излагал принцип свободы в соответствии с Гнозисом древних. Хотя это был психологический Гнозис, тем не менее, он был Гнозисом. Учение Юнга содержит идею, что у души есть врожденная тенденция к индивидуации, процессу, цель которого — окончательная целостность, суверенитет, свобода и независимость. Процесс индивидуации, согласно Юнгу, состоит в большой степени из союза противоположностей в психике. Высшее и низшее, мужское и женское, добро и зло, должно, в конечном счете, быть

согласовано в душе человека. Объединение этих противоположностей, кроме того, всегда приводит к освобождению тени, обнажая свет и тьму внутри себя, тени, которая является в значительной степени антиномическим гностическим принципом. Психология Юнга учит, в основном, о свободе, свободе и освобождении, или увеличении свободы. В психологическом отношении это означает свободу от комплексов, от рабства бессознательного; от односторонности сознания и от чрезмерной привязанности сознательного эго к себе и к его ценностям и верованиям. Хотя Юнг является борцом за психологическую свободу, в то время как гностики были религиозно-духовными борцами, обе позиции имеют определенное социальное значение и имеют значимые политические и социальные последствия. Обозначить некоторые из них и применить их в современном контексте — такова цель этой и последующих глав. Для начала, я укажу некоторые из самых важных гностических идей, содержащихся в современной форме в учении Юнга, которые могли бы помочь осветить понятие свободы.

Конфликт Человека с Массой

Первой, и самой важной из этих идей является конфликт отдельной человеческой психики, или индивидуальной пси-

хики, с массовой психикой, или, как это можно назвать, конфликт личности с группой. Мы живем сегодня в мире, очень отличающемся от греческих городов-государств. В нашей, по большей части, массовой культуре, преобладают количественные культурные факторы. Поселения огромны; гигантские города, и конфликты, и проблемы существуют во всеобщем масштабе. Психологические значения этого условия являются значительными и рискованными, потому что, при таких обстоятельствах, проблемы приобретают подавляющий аспект и могут раздавить человека. Проблемы современности имеют тенденцию становиться настолько большими, что люди имеют тенденцию сдаваться и ничего не делать для их решения. Мы не должны забывать, что нам следует выбирать проблемы именно нашего масштаба. Ни в коем случае не допустимо думать о проблемах слишком глобально, слишком космически. Мы должны делать так, чтобы наши проблемы оставались маленькими, так, чтобы мы были в состоянии решить их.

Однако следует учесть, что массовое мышление — не только результат глобальности мира, в котором множество вещей существует в массовом или огромном масштабе. Юнг сказал, что был определенный исторический процесс, который и произвел современное массовое сознание. Политические и социальные теории и методы не существуют в философском и психологическом вакууме; они органически связаны с двумя важными факторами:

- (1) взглядом человека на Вселенную, и
- (2) взглядом человека внутрь себя самого.

Понятия общества, правительства и правосудия

всегда опираются на космо-концепцию и на представление себя и других. Эти две концепции не могут всегда сознательно выражаться словами, но они, однако, всегда присутствуют. Таким образом, позади каждого политического и социального состояния стоит и метафизика, и метапсихология.

Чтобы проиллюстрировать это, можно напомнить несколько исторических моментов. Во времена феодализма и до-коммерческого и до-финансового характера средневекового общества, св. Августин выдвигал понятие *Civitas Dei*, понятие необыкновенно вдохновленного “благочестивого” общества. Точно также, в течение первых ста пятидесяти лет своей истории, Соединенные Штаты основывали свою политическую и социально-экономическую практику на идеях и идеалах времен Просвещения, с его существенной верой в совершенствование людей. Эта основа привела к экономическому прорыву, свободному предпринимательству и различным формам проявления индивидуализма, чтобы погубить эти идеалы. На противоположном полюсе национал-социалистическая (нацистская) Германия с ее множеством ужасов также не принесли свободы, будучи простым выражением кликушества сумасшедших. Скорее, позади нацистского ужаса вырисовывался безжалостный миф, оправданный метафизической святостью расы. Точно также коммунистическая Россия и ее союзники (включая китайского Мао и азиатских диктаторов).

Западная культура базировалась в течение приблизительно двенадцати-тринадцати сотен лет на христианском духовном мировоззрении. Подсчитаем: его господство началось примерно в 400 году нашей эры, а завершилось к 1600 году нашей эры. Это мировоззрение ни в коем случае не было прекрасной идеологией; в его ткань были вплетены суровые репрессии, как говорил Юнг, в основном против природы, пола и творческого воображения. Это было мировоззрение, характеризовавшееся весомой долей бессознательного; и культура, основанная на нем, была жестокой, сильной и суверенной, что сдерживало ее в течение долгого времени. Политическая и этическая система этой идеологии и общества была неэффективной и имела незначительную силу. Тогда структура начала рушиться. Первый удар пришел из науки, точнее говоря, из астрономии. Николай Коперник, Галилео Галилей и Иоганн Кеплер бросили вызов

Птолемеевой системе геоцентрической астрономии, таким образом, напав на символическую структуру традиционной концепции христианского космоса. Следующее нападение было сделано Николо Маккиавели в области политической прозорливости, когда он объявил, что никакие обычные правила этики не состоятельны в том, чтобы связать правителя страны. Таким образом, небеса и правители освободились от условий средневекового христианского закона космоса. Тогда началась реформация Лютера и Кельвина, которые разделили ранее единую ткань церкви. Эти явления сопровождались открытиями в физике Исаака Ньютона, который освободил микромир физического мира от прямого божественного руководства и управления.

Просвещение вывело средневековую теологическую космологию более или менее успешно из философии и литературы: Вольтер, Руссо и их товарищи отделили церковь от государства интеллектуальной и творческой культуры, что казалась невозможным несколькими столетиями ранее. Следующий шаг был сделан Промышленной революцией, которая освободила область экономики от этической структуры традиционного христианства. Тогда эволюционная теория Чарльза Дарвина захватила сферу биологии, само тело человека, и исключила из этой жизненной области руку Создателя. И, наконец, в начале двадцатого века психология, во главе с Зигмундом Фрейдом, сделала удачный и изящный ход, доказав, и, по крайней мере, убедив миллионы людей, что в душе нет никакой божественной тайны, никакой красивой романтической искры. Вместо них ум или психика — жилище жестоких страстей, темных комплексов и странных составляющих, таких как индивидуальность, либидо и супер-эго. Таким образом, средневековую космологию увели от космоса, от политики, от тела церкви через ересь, от философии, от физики, от биологии, от экономики и, в конечном счете, от последней цитадели религиозных и духовных факторов, — от самой души человека. Эти исторические события имели два последствия:

(1) Они разрушили господство над западной культурой христианской космологии, сформулированной в древности и в средневековые времена;

(2) Они вызвали большие и серьезные психологические вихри, которые привели к тому, что Юнг признавал как массовое сознание в современной культуре.

Несколько факторов, таким образом, способствовали росту массового сознания:

а) Реформация освободила государство от влияния Церкви и дала ему больше тоталитарной власти, чем оно имело когда-либо прежде.

б) Просвещение делало чрезмерный акцент на рационализме и привело к страшному угнетению бессознательной стороны психики.

с) Просвещение и промышленная революция вместе принесли все более и более отчужденный индивидуализм, мнение, эгоизм и отсутствие связи с коллективными сферами жизни. Это, как говорил Юнг, принесло сенсационное возвращение к коллективному в виде возникновения социализма и коммунизма,

д) Уход государства и правительства от контекста обязательной религиозной космологии наделил его еще большей властью, как у Ницше “желание-сила”, создались несдержанные тоталитарные общества, с диктатурами различных видов. Некоторые объединились ради “компенсационного возвращения к коллективному в человеке”, как национал-социалистическое государство Гитлера и так называемые народные демократии, а также тоталитарные режимы коммунистических стран.

е) С появлением фрейдистских идей в области образования и социологии возникла попытка подвергнуть множество личных и социальных явлений холодному, рационалистическому представлению, которое оценивает людей с точки зрения таких абстракций как национализация, регулирование, инфантильность и самовлюбленность. Эти понятия шли вразрез с исключительностью личности, чувством собствен-

ного достоинства, оптимизмом и творческим потенциалом. Эти влияния также поспособствовали снижению стандартов образования, и, соответственно, интеллектуальных навыков, личностной целостности и дисциплин, образованных этой системой. Низшие круги ада современного общества были, таким образом, подвержены образованию, в котором они потеряли свою собственную душу.

Все эти явления произвели новое творение, которое Юнг назвал “массовое психэ.” Что это такое? Вот некоторые из характеристик, упомянутых Юнгом. Человек с массовым психэ социально изолирован от других людей, поскольку они отделены от бессознательного, а не в связи с инстинктами. Кроме того, этот человек лишен духовных корней, не имея жизненной связи с символическими системами и подлинными традициями религиозно-мистического характера. Такой человек эстетически нечувствителен, невысоко ценит красоту в природе или в искусстве, ему недостает, в некотором смысле, романтики и воображения увидеть ее вне личных проблем эго. Наконец, человек с массовым нравом ждет, что экономические и политические изменения и перевороты решат все проблемы и сложности, потому что он или она ищет источник всего добра и зла в объективной окружающей среде, а не в тонких, внутренних факторах. Юнг сказал однажды, что он испытывал желание “построить политическую теорию невроза, поскольку человек сегодня, в основном, взволнован своими политическими страстями”.

Тогда человек с массовым психэ — это новый вид политического животного, самого низшего животного времен древних пород. Гражданин древнего города-государства использовал общественный институт (*respublica* или *gerpublic*) сознательно для продвижения процесса индивидуации, в то время как современный человек с массовым психэ неправильно использует политику как нереальную экстравертную проекцию и возможность, чтобы пережить давление и зло бессознательного. Именно здесь люди становятся все более

и более вовлеченными в массовое мышление. Они примыкают к коллективным и политическим движениям тогда, когда их уже сомнительная и небольшая индивидуальность истощается до крохотных размеров. Имитация, зависимость, нехватка личного суждения, понижение умственного уровня — неизбежное сопровождение погружения человека в массовое движение. Политические массовые движения — великие разносчики массового мышления, и, как таковые, они, прежде всего, несут в себе моральную опасность. Этика группы или движения обратно пропорциональна его численности. Юнг сказал, что у любой большой компании, состоящей из совершенно замечательных людей, этика и мораль громоздкого, глупого и жестокого животного, и чем больше организация, тем более неизбежна ее безнравственность и слепая глупость. Так римляне (у которых было мудрое высказывание для каждого случая), говорили: *Senatus bestia, senatores boni viri*, (“Сенат — монстр, но сенаторы — хорошие люди”).

Каково же тогда решение грандиозной проблемы массового мышления? Из сказанного выше очевидно, что ответ не может быть найден в идеологиях и тем более в движениях, независимо от того, насколько похвальны объявленные ими цели. Решение — не движение, но личность. Человек — единственная надежда, и так как даже человек с массовым нравом — скрытая индивидуальность, он — сильная надежда и перспектива.

Юнговский Гнозис Надежды

Социальное и историческое послание Гнозиса Юнга — одна из надежд, основанная на принципе внутренней борьбы в душе каждого человека. Самость — упоение славой. То, что на самом деле происходит в истории, происходит не на маршах протеста, не на полях сражений и не на баррикадах, а внутри нас. К.-Г. Юнг выразил это так:

Когда мы обратимся к истории человечества, мы увидим только самую поверхность событий, и даже они искажены

тусклым зеркалом традиции. То, что было на самом деле, не понять исследователям истории, поскольку реальные исторические события глубоко скрыты, пережиты всеми и не восприняты никем. Это самый личный, самый субъективный, психический опыт и жизнь. Войны, династии, социальные революции, завоевания, и религии — вот большинство поверхностных признаков скрытой психической основы человека, неизвестной ему самому, и поэтому не учтенной ни одним летописцем. Великие события мировой истории сами по себе имеют небольшое значение. То, что действительно важно, в конечном счете, является только субъективной жизнью человека. В нашей сугубо личной и субъективной жизни мы не только те, кто переживает, но и те, кто делает время. Наш век — это мы сами².

Эту гностическую, или интерналистскую точку зрения относительно легко понять, и даже согласиться с ней, но сделать здесь надлежащие выводы — самое трудное. С одной стороны, мы должны признать, что это бесполезно, так же как и неправильно использовать отрицательное проецирование в социальных и исторических делах. Материал отрицательного проецирования всегда противоречив. Если я буду плохо себя чувствовать, — беспомощный, подавленный, измученный, испытывающий недостаток в силе эго и т.д., то я не компенсирую это, если я обвиню “их” в своем состоянии, кем бы “они” ни были. Ни один бедный мужчина или женщина не стали более богатыми, выступая против богача; ни один сын или дочь со слабым эго не стали сильными, обвиняя и клеветая на властную мать или чрезмерно строгого отца. Проецирование наших отрицательных условий на других создает иллюзию усовершенствования, но это — фактически нездоровый механизм, через который мы пытаемся заставить нас почувствовать себя лучше. Пробуждение, од-

---

²“Значение психологии для современного человека” из *Civilization in Transition*.

нако, является всегда резким, болезненным и тяжелым, похожим на сильное похмелье после неблагоприятной пьянки.

В то время как отрицательное проецирование имеет небольшую ценность, оно часто привязано к внешней причине и придает ей большую силу. Этот феномен, который был бичом идеологий на протяжении всей истории, является пагубным и опасным для общества и человека. Юнг выразил эту идею следующим образом:

Когда проблема, которая является в основе личной, и поэтому очевидно субъективной, посягает на внешние события, которые содержат те же самые психологические составляющие, как и личный конфликт, она внезапно преобразовывается в общий вопрос, который охватывает все общество. Таким образом, личная проблема получает значимость, которую до настоящего времени желала получить, так как у царства внутренних разногласий есть почти убийственное и унижительное качество, опускающее каждого в оскорбленное состояние внутри и вовне, подобно царству, опозоренному гражданской войной. Именно это позволяет скрывать от общественности личный конфликт, если, конечно, он не страдает от сверхсмелого чувства собственного достоинства. Но когда случается, что связь между личной проблемой и большими современными событиями отделена и понята, относительность установлена, это обещает освобождение от изоляции личного; другими словами, субъективная проблема усилена до размера общего вопроса нашего общества³.

Как правило, такое усиление производит больше проблем, чем решает. Когда личные неврозы находят социальные и политические причины, они не теряют свой невротический характер; они только перерастают в массовые неврозы. Вместо личной проблемы они становятся общим безумием. Этот простой принцип, является одним из наиболее часто

---

³“Психологические типы”.

игнорированных жизненных фактов, и поэтому причиной самых больших бедствий в истории. Цитирую Юнга снова:

Настолько легче проповедовать универсальную па-нацею всем остальным, нежели применить ее непосредственно — и, поскольку, как все мы знаем, вещи никогда не настолько плохи, когда все плывут в одной лодке. Никакие сомнения не могут существовать в стаде; больше толпа — лучше правда — и крупнее катастрофа⁴.

В психологическом аспекте мудрое отношение должно проявляться в неизменной подозрительности к ситуациям, которые могут привести к массовому неврозу или подобному стадному поведению, короче говоря, ко всем тем убеждениям коллектива, которые узурпируют суждение и дискриминируют человека.

Каждый человек должен стать его или её собственным движением, личной и уникальной единицей-активистом, собственной политической партией. Только непрерывная бдительность перед лицом соблазнов и искушений коллективной единицы удержит нас свободными от массового мышления. Юнг упоминает в этом отношении комический пример одного из его друзей. Юнг однажды оказался с этим другом в огромной толпе людей. Его друга занимала эта толпа до тех пор, пока он внезапно не воскликнул, “Здесь у Вас есть самая убедительная причина для того, чтобы не верить в бессмертие; все эти люди хотят быть бессмертными!” С другой стороны, очевидно, что интеллектуальные и полезные изменения и преобразования должны происходить в обществе, а другими словами, социальное продвижение желательно. Может ли такое продвижение произойти без движений, коллективных причин и их сопутствующих проблем? Юнг, очевидно, полагал, что такое продвижение могло быть достигнуто с минимальным участием людей в коллективных идеологиях и их причинах:

---

⁴Психология и Алхимия.

Наш упадок идеологии — это долгожданный антихрист! Поскольку общности — просто скопление людей, их проблемы также скопление отдельных проблем. Одна компания людей идентифицирует себя с превосходящим человеком, и не может спуститься, и другая идентифицирует себя с низшим человеком и хочет достигнуть поверхности. Такие проблемы никогда не решаются законодательством и уловками. Они решаются только общим изменением отношения. И это изменение не начинается с пропаганды, массовых митингов и насилия. Оно начинается с изменений внутри людей. Это будет продолжаться долго, поскольку преобразование желанный и нежеланный, взгляды на жизнь и ценности различны, и только накопление таких отдельных изменений произведет коллективное решение⁵.

Чтобы произвести социальный прогресс, необходимы интегральные процессы внутри человека. Исцеляющий эликсир истории человечества не политическая, социальная или даже религиозная идеология со своими движениями, сторонами, организациями и церковью, но психическая жизнь личности, с ее ростом и интеграцией, ее становлением, целостным и полным. (Нужно отметить, что политическая жизнь в Соединенных Штатах была исторически освобождена от идеологии. В этом случае, как это часто имело место в Америке, политический процесс становился практическим вопросом решения проблемы и прагматической острой необходимостью, даже при том, что игра противоборствующих отношений политических партий несла минимальную опасность массового мышления, и личностный рост в пределах политического процесса представлялся наиболее вероятным. Однако, то искушение фанатизма “крестовых походов” и псевдорелигиозного влияния в политике, среди которых проглядывают советские установки марксизма, становится наиболее заметно чем когда-либо, и должно

---

⁵ Психология и Религия, Запад и Восток.

быть побеждено. Как это ни прискорбно, марксистские идеологические элементы не исчезли из американского общества, хотя они и имеют тенденцию избегать марксистского лейбла.

Коллективные события психики не замена для опыта личностного преобразования. Мало того, что они не в состоянии занять его место, но очень часто они недружелюбны к нему, потому что они понижают уровень осознанного знания человека. Юнг убедительно выразил это так:

Я подвергаю то, что называют общим опытом в пределах группы, усвоению на более глубоком уровне сознания, чем тот, который я испытываю наедине с собой. Поэтому опыт группы является намного более частым чем отдельный опыт преобразования. Также его намного легче достигнуть, поскольку у коллективного присутствия многих людей есть большая наводящая на размышления власть. Личность в пределах группы является чрезвычайно поддающейся внушению. Как только он становится частью группы, человек становится ниже своего обычного уровня. Конечно, он может сохранить память о своем этическом превосходстве, о том, кем он был наедине с собой, но когда он находится в группе, эта память — не более, чем иллюзия. Она не может ничего сделать для того, чтобы отказаться от предложения, принятого всей группой, даже если предложение является безнравственным. В пределах массового мышления человек не чувствует смысла, ответственности, а также никакого страха⁶.

Эту правду несколько трудно оценить в пределах контекста американской культуры, с ее исторически высокой оценкой принципа большинства и демократии. Мы должны помнить, — то, что истинные философские основы американской системы никогда не содержали в себе понятие,

---

⁶ Два эссе относительно аналитической психологии.

что большинство всегда нравственно право, или что оно философски правильно и безошибочно.

Большинство может быть неправым, и всегда должна иметься сильная гарантия, что против потенциальных излишков большинства будут приняты меры. Тирания, принятая большинством, по-прежнему является тиранией, и часто еще более ужасной, чем осуществляемая меньшинством, которая в конце концов должна когда-либо разрушиться. Даже при том, что этот принцип самоочевиден, мы видим такую несправедливость, как самосуд и притеснение расовых и религиозных меньшинств большинством — это своего рода ложный миф о достоинствах положения большинства, однако просочившийся в идею о демократических государствах. Принятие наименьшего общего знаменателя как нормативного во многих областях жизни, особенно в образовании, эстетике, искусстве и связанных с ним областях, и последующий антиинтеллектуализм и возвеличивание вульгарности, и интеллектуальной и этической запущенности, является всеобщим явлением в нашей культуре. Слишком часто мы забываем, что демократия не подразумевает, что положение большинства автоматически истинно или нравственно правильно. Напротив, демократия подразумевает, что люди смеют быть людьми, даже против преобладающих мнений большинства, если личная совесть диктует им это.

Личностное преобразование и польза для общества

Как бы то ни было, один из самых важных вопросов все еще остается без ответа. Если личностный процесс трансформации возможен и желателен, как этот процесс должен отразиться в истории, и как может это принести пользу структуре общества? Другими словами, если мы продолжим продвигаться в нашем внутреннем, и личном преобразовании, то мир станет лучше? Ответить на этот вопрос чрезвычайно трудно. Все зависит от интерпретации слова “лучше”. Что мы подразумеваем под словом лучше? Чье определение лучшего мы примем, оценивая улучшение

ние или усовершенствование общества? С точки зрения гностицизма и его современного проявления в представлении Юнга, истинное усовершенствование любого состояния должно включать оба из противоположных факторов, которые составляют ткань вопроса под рукой. Усовершенствование, или продвижение не подразумевает постепенное исчезновение и возможное отсутствие зла или конфликта, и постоянное увеличения того, что можно назвать хорошим. Против различных вариантов утопизма, и в противоречие им Юнг предоставляет Гнозис, который борется за целостность, а не обычное совершенствование⁷. Чтобы сделать общество лучше не обязательно вовлекать линейное улучшение обычного сорта.

Истинность этого суждения и представления легко просматривается в теории, но затуманена эмоциональным отношением и реакциями на практике. Чтобы увидеть реальное улучшение в обществе, часто необходимое для теневой стороны жизни, нужно просто взглянуть на него, вместо того, чтобы существовать в темных перерывах репрессий и пренебрежения. Можно привести множество примеров этого. Расовый вопрос, конечно же, требовал и требует признания и внимания, и только посредством часто горького опыта проявления и признания можно разработать надлежащее решение серьезных проблем. Расточительные и непредусмотрительные пути коммунистических государств, так же как и многих социалистических государств третьего мира, могли быть остановлены только мерами, которые неблагоприятно отразились на экономике или качестве жизни многочисленных граждан. В государстве, так же как в душе человека, принятие темной тени часто приносит бурю и несчастье; вещи должны стать хуже прежде, чем они смогут стать лучше. В этом утверждении скрыта известная мудрость, что хорошее и плохое, лучшее и худшее, взаимодополняю-

---

⁷См. главу 6.

шие друг друга противоположности, которые только вместе составляют истинное совершенство.

Это признание имеет первостепенную важность для общества. Поскольку мы видим, что общество должно признать не только так называемое добро, но также и зло, наше государство может в действительности стать алхимическим сосудом окончательного преобразования. Возможно то, что мы получим в конечном счете, не будет лучшим обществом, но оно станет более целостным, прекратив подавлять свою собственную теневую сторону, и вместо этого даст ей должное признание — мы надеемся, не будучи охваченным ею. В этом случае общество прекратит быть репрессивным владельцем своих граждан; скорее оно станет выражением множества людей, которые являются законными членами его еkklesia. Мы не должны бояться, что общество распадется, станет декадентским, или иначе пострадает в результате таких событий. Для чего или для кого создано общество, если не для нас самих? Где мы приобрели нелепое понятие, что общество — своего рода самосуществующее юридическое лицо, имеющее свою жизнь и значение кроме жизни и значения его составляющих членов? Юнг обозначил этот вопрос более ясно:

Человек не может существовать без общества, так же как он не может существовать без кислорода, воды, белков, жиров, и так далее. Общество — одно из необходимых условий его существования. Было бы смехотворно утверждать, что человек существует, чтобы дышать воздухом. И настолько же смехотворно утверждать, что человек существует ради общества. "Общество" — не что иное как понятие симбиоза группы людей. Понятие — не носитель жизни. Единственный и естественный носитель жизни — человек, и это сохраняется в природе⁸.

Давайте возьмем смелость осуществить быструю трансформацию в западном обществе, записав конец губитель-

---

⁸Психотерапия сегодня.

ной философии исключительной середины, которая предотвращает союз противоположностей. Верно, что множество нежелательных условий существуют в нашем обществе, и что некоторые из них резко обострились в последние годы и десятилетия. Преступность является необузданной, и жизнь менее безопасна, чем это было некоторое время назад. Священные образы семьи и дома запятнаны. Моральные установки прошлого имеют меньший вес, чем раньше. Бедность и болезнь, физические и психологические несчастья распространяются. Однако, нет никакой причины предполагать, что эти знамения времени несут подтекст вне своего непосредственного значения. Это не знамения на небесах, египетский мор или предвестники гибели и апокалиптического конца. Напротив, они указывают на то, что множество теней, ранее заключенных в тюрьме адского преступного мира цивилизации, теперь вышли на свет, где мы можем увидеть их и понять их. Усредненное мышление никогда не выйдет из конфликта и борьбы, и единственным истинным миром для него всегда будет кладбищенский покой.

Наибольшая опасность, стоящая перед нашей культурой и обществом, — это не преступность, моральное снижение, бедность или даже очень известные факторы загрязнения и экологической неустойчивости. Скорее — это коварное, но смертельное явление массового мышления. Если мы можем сражаться с этой опасностью и держать ее в страхе, то нас можно уверить, что потенциал творческого и поддающегося трансформации будущего может быть реализован. Если мы проигрываем этому врагу, наши шансы для будущих изменений и роста невелики. Пока мы продолжаем сопротивляться массовому мышлению, пока мы упорствуем высказываниям бурных коллективных движений того или другого вида, внутри нас может справедливо теплиться милосердная надежда, что алхимия истории создаст через нас и в нас Философский Камень, Эликсир Жизни, образец целостности, которая является творческим союзом противоположностей.

Действительно, сейчас мы можем сказать и от нашего имени то, что Юнг сказал после Второй мировой войны, “принимая во внимание то, что, как я прежде полагал, моей необходимой обязанностью было открыть других людей, я теперь понял, что сам нуждаюсь в открытии.” Так что давайте открывать нас, и можно быть уверенными, что история и мир ответят на такое требование. Давайте открывать нас, что означает возвращать нас к целостности. Древние гностики говорили, что светлый человек освещает целый мир. К. Г. Юнг заявил, что человек — единица, которая склоняет чашу весов истории. Мы — отдельные самостоятельные единицы, и таким образом груз ответственности на нас. Поскольку Будда сказал, что “Вы страдаете от вас самих”, И в той мере, что это личное, и все же всеобщее бремя может быть принято и перенесено нами в той степени, насколько хорошими алхимиками мы окажемся, насколько хорошими мастерами великого искусства объединения противоположностей. И тогда, словами поэта Т. С. Элиота, мы познаем, что:

И все будет хорошо;
И все вещи будут хороши.
Когда, окутанные языком пламени,
В коронном узле жизни,
Станут огнем совершенства.

Глава 2. Ветхая религия в современном обществе

Снова и снова на протяжении истории мы сталкиваемся с крестовыми походами, которые направляются в путь, считая, что общественная культурная жизнь отошла слишком далеко от моральных заповедей, которым предано большинство людей. В наши дни мы еще раз сталкиваемся с такими крестовыми походами, подкрепленными современными средствами массовой информации. Некоторые группы, имеющие небольшой электорат, кажется, вознамерились оказать давление на политический сектор страны. Среди них есть те,

чья истинные побуждения являются религиозными, и чья программа призвана заставить все население соответствовать моральному идеалу в понимании этих групп, который они считают правильным в свете своих собственных религиозных убеждений.

С точки зрения глубинной психологии кажется, что мы столкнулись здесь с чем-то большим, нежели мирская проблема современной общественной жизни. Скорее, действия этих меньшинств представляют психологическую и, фактически, духовную проблему, заслуживающую нашей самой глубокой обеспокоенности. В этой главе череда временных общественных явлений рассматривается в большем широком духовном контексте, который включает не только непосредственный психологический подтекст, но и подводит также к намного большему психо-историческому контексту. Прежде всего, мы должны рассмотреть вопрос о взаимосвязи религии и политики, или о социальных и политических проблемах в целом. Религия может быть определена как усилие индивидуального человеческого психе слиться с еще большим психическим фоном, объединиться с духовной и архетипической реальностью внутри самого себя, с глубинным разумом человечества, и вследствие этого обрести состояние целостности, или нечто подобное, возникающее внутри индивидуального психе. Это определение напоминает происхождение слова “религия”; оно происходит от латинского *re*, означающего “обратно” или “вместе” и *ligere*, имеющего значение “соединять”. Религия происходит от того же самого корня как и “связка” [*ligament*], которая употребляется в биологии для обозначения совместного соединения. Поэтому по определению религия имеет отношение к соединению отдельной души с ее фоном внутри большей реальности. Мы могли бы также сказать, что в исторической ретроспективе, хорошо это или плохо, но религия всегда играла чрезвычайно важную роль в обществе. Поэтому исторический, или в какой-то мере психо-исторический обзор развития индивидуального сознания может оказаться здесь

очень полезным. В рамках такого обзора мы можем выявить истинный характер, корни и природу нашей текущей ситуации. С целью этого анализа я буду использовать схему развития, разработанную последователем Юнга Эрихом Нойманном, отраженную в его работах “Происхождение и развитие сознания” и “Великая Мать”. Схема развития по Нойманну полезна в этом случае, прежде всего потому, что она помогает установить отношение между религией и политической жизнью общества.

Фазы роста Психе и общества

Согласно Нойманну, определенные фазы обозначают развитие сознания, а если более точно, то рост сознания. Первая фаза или стадия связана символически с Уроборосом, драконом или змеей, глотающей свой хвост. Этот символ представляет изначальное состояние совокупности и автономности, которое существует до рождения сознания или сознательного эго. Когда развитие находится в этой фазе, эго существует лишь как латентная потенциальная возможность и все еще слито с объективным психе. Сознание и бессознательное, эго и Самость, мужское и женское все еще объединены. Предположительно человек проходит эту фазу во время предродового периода и в раннем младенчестве.

Теперь давайте посмотрим на эту фазу в наших целях, в религиозном и политическом аспекте. Эквивалентом исконности, архаичного бессознательного состояния эмбриона, или новорожденного младенца, может быть первобытное общество. В примитивном обществе человек и коллектив все еще едины. Племя, клан или обширная семья несут и религиозный и политический характер. Вожди и короли часто обожествляются, или, по крайней мере, наделены правом управления божественной силой. Вся жизнь является религиозной или священной в природе. Религия и политика не только объединены, но и не существует даже самого слабого намека на то, что эти два понятия могут приниматься как

различные. Все действия, совершаемые людьми, — питье, еда, секс, охота, битва — это священнодействие. Ничто не является социальным или политическим; все явлено в большом архетипическом переносе и силе. В таком обществе боги переживают человека, их соприкосновение с человеком является весьма близким и тесным. Говорить о свободе личности в таких обстоятельствах бессмысленно, потому что нет никакой личности, чтобы быть свободной. Архаичное общество — человек, изначальная Самость. Общество и Самость едины, и вне общества человек погибает, точно так же, как отдельный орган умирает, будучи удаленным из системы жизнеспособного организма. Значительная часть этого описания принадлежит также немного более развитым формам первобытного общества.

Хорошая иллюстрация этой фазы может быть найдена в идеях великого гуманиста, доктора Альберта Швейцера. Он решил, что современная больничная обстановка потенциально чужда и в психологическом отношении вредна для уроженцев Африки, среди которых он вел свою медицинскую практику. Вместо того, чтобы изолировать больного и поместить его или ее в больничную койку в личной палате или с незнакомцами, Швейцер позволил пациентам ложиться в его больницу вместе со своими семьями и домашними животными, включая собак, куриц, свиней и т.п.. Само собой разумеется, эта договоренность не увеличивала гигиенические условия и порядок в больнице, но это предоставляло африканцу систему психологической поддержки, без которой он или она не получили бы физического улучшения, и конечно погибли бы по психологическим причинам. Швейцер знал, что член недифференцированного общества не может выжить в психологическом отношении вне лона этого общества. Реальной личности с ее последовательным чувством независимости и самодостаточности просто нет в архаичных обществах.

Чтобы мы не стали гордыми и надутыми, сравнивая себя с членам такого общества, мы должны помнить, что,

несмотря на нашу современную, цивилизованную самодостаточность мы все еще очень подвержены условиям, которые на тонком уровне напоминают примитивные. Системы психологической поддержки коллективной природы все еще востребованы, хотя мы больше не зависим от них в такой огромной степени как когда-то.

Кардинальной особенностью первобытного общества, описываемого нами, является нехватка дифференцирования. Так же, как человек не дифференцирован от коллектива, светское не дифференцировано от религиозного. Эти двое все еще едины. В то время как нам легко вывести недостатки такого состояния, мы не должны забывать, что объединение этих значительных сил также дает людям внутри подобного общества значительную психологическую силу или психическую энергию. То, чего оно не дает, так это индивидуальное сознание, так как эта фаза развития не рождает эго. Хотя этот этап является архаичным, существует много обществ в современном мире, где это состояние все еще преобладает. Кроме того, мы не должны забывать, что, будучи современными, мы все еще несем в себе древнюю память об этом состоянии; следовательно, мы не полностью от него застрахованы. На самом деле мы желаем его на бессознательном уровне, как раз тогда, когда у нас есть бессознательное желание возвратиться, не в физическую матку наших матерей, по некоторым утверждениям психологов, а скорее к матке бессознательного. Так или иначе, позади всего человеческого мышления и чувства есть признание того, что было время, возможно время до начала времен, когда мы были едины: когда священное и светское не были отделены; когда принятие любой пищи было святым причастием; когда каждый акт жизни был священным ритуалом; когда мы жили в пределах всеохватывающей, всепитающей и всеподдерживающей системы большой энергетической совокупности, большой невыразимой целостности, и испытывали восхитительное ощущение силы, целостности, защищенности и исключительности. Чем дальше мы отходим от

этого древнего условия, тем больше тоски, ностальгии по возвращению к состоянию такого рода.

Детство Сознания

Следующая фаза, которую мы рассмотрим, — это младенчество и детство сознания. В этот период сознание рождается, но, как и большинство новорожденных существ, оно очень слабо. Сознание на данном этапе является тусклым, прерывистым, непостоянным в своем выражении. Всплывает аналогия с крошечным, мерцающим пламенем в большом, темном месте, которое легко уменьшается до еле заметного пятнышка света и даже легко гасится порывом ветра. Свет новорожденного сознания скорее как небольшая масляная лампа, по необходимости вынесенная на незащищённую от ветра и туманную пустошь, где порывы воздуха могут заставить небольшое пламя проявиться, как будто бы оно не было создано в полной мере до этого, и когда ветер спадает, оно вспыхивает снова. На уровне роста индивидуального сознания эта стадия обычно приравнена к детству. Дети, в отличие от большинства детенышей животных, беспомощны в течение долгого времени. Маленькие дети зависят от заботливого ухода своих матерей. Без матерей погибли бы дети. Это верно в психологическом отношении так же, как и в физическом.

В психологическом плане мы могли бы сказать, что бессознательное, которое является психической матерью, остается в тесном контакте с ребенком, кормит его, поддерживает его и влияет на него. Поэтому дети очень близки к своему бессознательному, намного ближе, нежели взрослые. Дети находятся в очень тесном контакте со своими снами; они также испытывают чувство реальности в своих фантазиях, которое недоступно взрослым. Посредством их бессознательного в его коллективном аспекте дети находятся также в некоторой телепатической связи с бессознательным своих родителей, и, кажется, разделяют его время от времени. Именно поэтому Юнг говорил, что родители

должны понять, что не только их сознательные и открытые действия, но также и их бессознательное может влиять на их детей. Давайте скажем так, — родители могут дисциплинировать себя, не спорить, не показать враждебность или вспышки характера перед своими детьми, но если у них будет сильная агрессия и гнев или отклонение в психике, и если они находятся в кругу своих детей, то дети, вероятно, будут шокированы даже невысказанным гневом. Не нужно совершать актерских, откровенных действий перед ребенком и для ребенка, чтобы набрать очки. Дети находятся в таком тесном контакте с Великой Матерью, Бессознательным, что бессознательное их физических родителей доступно для них.

Поскольку мы рассматриваем этот этап развития в социальном, политическом и религиозном аспекте, мы находим, что на этой стадии общество, религия и политика, словно эго и Самость, только начинают понемногу отделяться. Никакого светского общества любого вида пока еще не существует. Духовенство, на этом этапе часто именно женское духовенство, является наивысшим. Боги больше не отождествлены со священниками-королями, поскольку они были прежде, хотя некоторый божественный королевский сан может быть все еще сохранен. Духовенство, однако, является все еще основным посредником между богами и людьми, и как таковое очень важно. Пожирающий аспект божества, как полагают, сильно и угрожающе проявляется здесь, и духовенство занято спасением божественного гнева, путем принесения даров и организации праздников ради божественной милости. Каждому вспоминается в этом контексте древняя ацтекская цивилизация Мексики, где наступление солнечных затмений и других необычных астрономических или естественных явлений сопровождалось человеческими жертвоприношениями. Аналогичные условия существовали и в других цивилизациях. Так в этой фазе общества сознание космоса и мирового бытия рассматривается как угрожающая власть, а не только как милостивая.

Эта двойственность является признанием, можно было бы сказать, что заранее продуманным, амбивалентности, сосуществующей природы добра и зла в психике. Во Вселенной, как и в психике, не все хорошо, но все не так уж и плохо, но одновременно могут проявляться и оба качества. Таким образом, бессознательное нужно молить кормить и поддерживать нас, а его разрушительным и пожирающим аспектам нужно препятствовать навредить нам. Такая просьба — важный аспект этой фазы религиозности, поскольку это религия, которая обращается к социальной защите.

Иногда, конечно же, некоторые продвинутые эго рождаются в эту фазу общества. Они могут попытаться бросить вызов жизненно сильному, но в то же самому темному времени угнетающего превосходства бессознательного. Но эти личности обычно не добиваются своего, потому что они вне гармонии с бессознательным большинства людей. Бессознательное пожирает их, — архетип, который сохранялся в течение очень долгого времени. Исторически, мы находим, что все цивилизации проходят подобную фазу, и что даже сегодня много культур все еще в большой степени вовлечены в такое состояние. Снова и снова, коллективная нехватка сознания пожирает героическое сознание, поднявшееся, чтобы ему противостоять. Сократ выступил против богов, потому что у него было эго, которое переросло коллектив, и поэтому политические лидеры, образцы общности, пришли к нему и сказали: “Ты, Сократ, преподаешь доктрины, которые составляют испорченность, моральную испорченность молодёжи Афин.” У этих лидеров не было никакого телевидения или других современных СМИ, чтобы напасть на Сократа, как если бы это было сегодня, однако они действовали весьма эффективно ради выполнения своих целей.

В отличие от Сократа, еврейские пророки (с некоторыми исключениями, конечно), казалось, были агентами большой бессознательной тирании, воплощенной в их Боге. Лишь только освобожденные, мятежные эго некоторых королей,

правителей городов и людей поднимались против власти архетипа Иеговы и увещаний его пророков и агентов. Это трудно и часто невозможно для героического отдельного сознания — преуспеть против бессознательной общности, особенно в описываемой нами фазе, связанной с развитием культуры. К примеру, средневековые императоры, которые поднимались против Римских Пап, но это им никогда не удавалось. Почему? Потому, что Папа римский говорил за бессознательную общность, и люди были под влиянием бессознательного. Императоры, особенно культурный и просвещенный Фредерик II Гогенштауфен⁹, которого судили за то, что он сражаться с властью Папства и Церкви, в конечном счете закончил тем, что отправился в путь, будучи известным как “идуший в Каноссу”¹⁰, чтобы вновь поцеловать ногу Папы римского.

В подобной манере мятежное эго пытается пойти против бессознательного, но не может преуспеть; и тогда возвращается и кланяется бессознательному еще раз. Как часто каждый видит это в детстве и ранней юности. Как часто всем нам нравилось посылать наших родителей в самый глубокий круг Дантевского ада, чтобы мы могли быть самодостаточными и независимыми, но на этой стадии развития нам все еще не достает власти, и поэтому мы не могли сделать этого. Так, возможно, мы объявили об уходе от них

---

⁹Гогенштауфен [Hohenstaufen] — имя благородного немецкого рода, из которого вышли немецкие короли и императоры в период 1138–1208 гг. и 1214–1254 гг. Самый ранний известный член семейства Фредерик I. Он умер в 1094 г., его сын, также названный Фредериком, построил себе замок в Staufen около Lorsch в Swabia. Замок назывался Hohenstaufen и Фредерик решил поменять имя на название замка. — здесь и далее прим. переводчика

¹⁰Каносса [Canossa] — замок маркграфини Матильды в Сев. Италии, где в январе 1077 в ходе борьбы за инвеституру отлученный от церкви и низложенный император “Священной Римской империи” Генрих IV униженно вымаливал прощение у своего противника римского папы Григория VII. В переносном значении “идти в Каноссу” — согласиться на унижительную капитуляцию.

с большой драматичностью и бахвальством и подняли бы хороший шум — возможно даже убежали бы далеко, — но, в конце концов, вернулись бы обратно. Ведь мы все еще нуждались в наших приемах пищи; мы все еще нуждались в кровати, чтобы спать, и таким образом мы ползли назад в ограничивающее, но все еще защищающее гнездо.

Политические аналогии с этой фазой развития во многих областях мира являются весьма существенными. Посмотрите на недавнюю и текущую ситуацию в Иране. Это архаичная страна, отсталая в экономическом отношении, была возглавлена после первой мировой войны офицером, который стал Шахом Резой I из дома Палеви. Он попытался, подобно хорошему героическому эго, покончить хотя бы с худшими проявлениями темного бессознательного. Он попытался секуляризовать страну, отобрать власть у Муллов и создать правительство, независимое от доминирования архаичных, бессознательных, религиозных структур. Его сын, Шах Мохаммед Реза, продолжил задачу воспитания, урбанизации и обучения. Все же обратной реакции темноты, хнотических архетипов бессознательного избежать не удалось. Репрессированный изгнанник из Франции прибыл одетым в черное, в черном тюрбане, с черной душой — Аятолла Хомени, словно ангел мести бессознательного, темный архетип, поднявшийся из глубин. Все мы знаем то, что случилось потом. Темное бессознательное вступило во владение и правила, устанавливались Муллами, воцарилась теократия; это развернуло иранскую историю назад к темным векам. В других странах, особенно в Турции, подобное развитие происходило, но без эффективной обратной реакции. Маст-эфа Кемэл Ататерк, любовно прозванный Кемэлом пьяницей из-за его алкогольного вызова закону пророка, вступил во владение и секуляризовал страну. Он запретил носить феску мужчинам, сорвал паранджу с женщин. Он велел духовенству быть тихим и сохранять спокойствие! Турция все еще не образец современной цивилизации и культуры, но в ней не царит теократическая диктатура как в Иране.

Во многих странах эта фаза Великой Матери все еще преобладает и сдерживает свободу эго на нулевом, или, по крайней мере, минимальном уровне. Примеров множество. Не только Исламские страны, но и марксистские страны, что достаточно интересно и парадоксально, где правит материалистическая религия, поскольку марксизм-ленинизм принял роль Церкви, иллюстрируют именно эту фазу.

Многие люди не признают этот факт. Религия, особенно бессознательная, глубинная, архаичная, прежняя религия имеет много обликов. Даже атеистическая религия — такая как коммунизм — все еще религия в том смысле, что она правит и требует полной преданности от личностей, подобно бессознательному. У марксистско-ленинисткой религии есть свои ритуалы, догмы и заповеди. Партия — Церковь; ее функционеры — духовенство. Чем средневековая церковь была в Европе, Коммунистическая партия была в Советском Союзе и странах восточного блока и остается таковой во Вьетнаме, Кубе и Китае. Лидер партии — Папа римский; он — начальник президентов, премьер-министров и т.п., так же, как Папа римский был высшим надзирателем императоров, королей и принцев. И, конечно же, такие правители имеют самую эффективную инквизицию. Во время последней мировой войны у меня была возможность понаблюдать за военными комиссарами Красной армии в действии. Это был удивительный опыт. Можно было видеть дрожь сапог штабных офицеров в звании полковника передкомиссарами и их политической полицией. Можно вообразить подобные сцены в течение времен инквизиции, когда рыцари и генералы дрожали перед жестокими доминиканскими монахами. Посмотрите на мир, и понаблюдайте, где меньше всего личной свободы. Вы, конечно же, выберете Исламские теократии и коммунистические государства. Почему? Поскольку и те и другие во власти религии; в первом случае теократической идеологии, у которой нет прогресса с шестого столетия, а во втором атеистической религией, после пророков Маркса и Ленина, а также Мао. Вся эта

идеологическая тирания — в действительности представляет власть Великой Матери. Достаточно интересно, что такие страны всегда есть государства всеобщего благоденствия в равной степени как и тирании.

Тираническое государство всеобщего благоденствия — фактически, лучший символ Бессознательного Великой Матери. “Если Ты будешь хорошим ребенком, то я буду заботиться о тебе” — говорит Великая Мать, а в роли государства — “Я накормлю тебя; я предоставлю тебе жилище; я дам тебе работу. Но если ты захочешь прервать эту линию, то я накажу тебя, даже пожру тебя. Я помещу тебя в концентрационный лагерь, в Гулаг. Я пожертвую тобой, потому что, в конце концов, ты — мой ребенок, а это означает, что ты — часть меня. Ты никогда не сможешь быть человеком вне меня.” Так говорит Великая Мать как тираническое государство всеобщего благоденствия. Она говорит точно так же, как реальная мать под влиянием бессознательного, которых множество. Такие матери никогда не хотят предоставить своим детям независимость или реальную индивидуальность, и продолжают вместо этого расценивать своих детей как продолжение себя, даже когда они стары и седы. В той же самой манере тоталитарное государство всегда подавляет личность своих детей. Девиз тоталитарного государства, “я — мать, и мать знает лучше всего”. К этому Вы можете добавить, “И мать проучит тебя, если ты не будешь хорошо себя вести, поскольку она устанавливает правила!” Рисуя эту картину бессознательного я не имел ввиду то, что эта жизненно важная часть психики исключительно, или прежде всего враждебна в своем отношении к сознательному эго. Конечно, бессознательное — источник творческого потенциала, вдохновения и психической энергии. Из-за этого эго сильно нуждается в адекватном взаимодействии с бессознательным. К тому же, мы должны знать, что наше осознание Самости включает коллективное бессознательное или объективное Психе, характеризующееся двойственным отношением к сознательному эго. Бессо-

знательная Мать, как мы называли ее, пожирает и кормит, затмевает и освещает, потому что она содержит все полярности и может проявить их так, как пожелает. Тираническое государство всеобщего благоденствия словно метафора для специфического аспекта бессознательных потребностей, которые будут поняты в пределах более широкого контекста.

Патриархальный период

Третья фаза роста и развития индивидуального психе и культуры — та, которую Эрих Нойманн именует патриархальным периодом, или фазой Великого Отца, а также духовного отца. В психической жизни человека эта фаза касается роста власти эго, и последующего господства сознательного эго над бессознательным. В этот период бессознательное все более и более отклоняется и обесценивается. Рациональное эго создает свои собственные цели и задачи, которые неизбежно борются за личную независимость и суверенитет. Политическое значение этой фазы, я думаю, наиболее интересно, потому что она глубоко и напрямую касается нашей собственной цивилизации, культуры и правительственной системы.

Теперь, мы должны вспомнить, что в основном религия — представитель глобального бессознательного фона каждой культуры. Отсюда ясно, что первым элементом, или силой, с которой вероятно столкнется эго, недавно получившее суверенитет, станет религия, в любой форме, в которой она может существовать в конкретном обществе. Чтобы освободиться непосредственно от рабства бессознательного и его архетипов, эго устанавливает, или пытается установить светскую политическую структуру, которая является отделенной от учреждений религии.

Короли абсолютистской эры отказались поклониться Папе римскому и управляли своими королевствами, не подчиняясь духовной власти. Предпочтение абсолютистских монархов протестантизма как формы религии, как это было в Германии и в Англии, может иметь и психо-исторический

контекст. Некоторая уверенность относительно религиозных символов и моральных предписаний оставалась, но решающим различием было то, что государство стало расцениваться как законная власть сама по себе, которая не должна была опираться на милость и одобрение религиозной власти. В этой фазе государство больше не получает свою власть и оправдание от сверхъестественного, необыкновенного, религиозного мифа некоторого рода. Относящийся к эпохе Возрождения период в Европе, и впоследствии Реформация, которая освободила светских правителей от духовного давления и контроля, стала реальным началом этого развития в западном обществе. За этими событиями последовала эпоха Просвещения и, наконец, бурная эра французской Революции, во время которой защищалась идея всеобщего суверенитета и индивидуализма, хотя возможно она была осуществлена и не столь успешно.

Это подводит нас к ситуации в Соединенных Штатах. Американские колонии, которые отделили себя от британской родины, были детищем преимущественно эры Просвещения. Американская Конституция утверждала отмену религии, или разделение церкви и государства. Государство поклялось быть и остаться свободным и выше религиозных споров и принципов, позволяя полную религиозную свободу своим гражданам. Эти принципы привели в Америке к расцвету религиозного движения и сект, — возможно беспрецедентный случай в истории. Страшные предсказания высокопоставленных религиозных организаций, таких как Римско-католическая церковь, о том, что светское государство привело бы к смерти религии и к моральной деградации, не сбылись. Напротив, Америка стала очень религиозной страной, в которой процветает религия, но новым способом. Новый путь религии в Америке был отдельным путем, путем очень плюралистической личной религиозности.

Мы можем сказать, что религиозная жизнь в Америке пришла к тому, чтобы объединить очень индивидуалистические отношения эго с поиском ценностей бессознательного,

который представляет непосредственно религия. Пожирающие, репрессивные аспекты Матери, бессознательно проявляемые Церковью были значительно смягчены государством, которое гарантировало свободу вероисповедания и, по возможности, охраняло эту свободу для своих граждан. Вероятно, со времен Эллинистического Рима и Александрии не было такого сочетания индивидуализма и религии, как это было замечено на протяжении истории Соединенных Штатов. В течение полутора тысяч лет или более подобное явление не было замечено в западном обществе. В то время, как у религиозного большинства без сомнения есть свои недостатки, у него есть и преимущества, и я думаю огромные. Фактически, они настолько велики, что не могут быть преувеличены.

Интегральная Фаза

У чрезвычайно индивидуалистической и либертарианской религиозной жизни граждан Соединенных Штатов есть важная взаимосвязь с четвертой фазой роста и развития психики, которую Эрих Нойманн назвал интегральной фазой. Теория Нойманна утверждает, что ориентированное на Отца доминирующее эго в патриархальной фазе оставляет человека односторонним и неполным. Важные психические элементы, у которых может иметься женский подтекст, были подавлены и пренебрегались. Сознание и эго были переоценены, и иррациональная, бессознательная сторона жизни обесценивалась. Индивидуальность и личность были возвеличены за счет переоценки ценности чувства, родства, эмоций и общины. Долго блуждая далеко от бессознательной родины, эго в этой фазе чувствует себя подобно лишенному матери ребенку. Так обратное изменение или переход к интегральной фазе необходим, чтобы восстановить эти забытые психические элементы.

Как этот переход проявляется на политическом уровне? Начиная с 1930-ых или 40-ых, общественная философия Соединенных Штатов все более и более начала отходить

от индивидуализма эры Просвещения и Промышленной революции. Мы можем рассмотреть этот шаг прочь от бурного индивидуализма как признак начала интегральной фазы в психо-истории этой страны. В то же самое время, каждый обязан признать, что эти проявления интегральной фазы остаются в основном скорее запутанными и запутывающими. Все увеличивающееся количество культурных и действующих из лучших побуждений людей начало видеть потребность возвратить забытые элементы психической культуры, но пути, коими они двинулись к этой цели, приводили часто к обратным результатам. Рост государства всеобщего благоденствия повлек за собой рост неэффективной и бездушной бюрократии и неуклюжего и чрезвычайно дорогостоящего аппарата административных правительственных органов, которые стали настоящим жерновом вокруг шеи американского общества. Много людей стали по-детски зависящими от ухода государства всеобщего благоденствия и возвратились в массовое мышление и бессознательное состояние. Методы обучения и образовательная система потерпела крах, широко распространяя опекунскую заботу о молодых людях, которым не были даны даже самые необходимые знания. Образовательный процесс стал в значительной степени насмешкой и обманом. Самые причудливые и самые дорогие системы государственных школ в мире выпустили огромное количество неграмотных и все еще продолжать делать это.

Опять же, аналогия между психологическим развитием человека и культурой сохраняется. Когда давление в пределах эго достигает потребности объединиться с бессознательным содержанием, всегда существует вероятность, что это бессознательное содержание не будет сознательно объединено, а взамен пересилит эго и вызовет психический регресс. Таким образом, импульс продвинуться приводит к шагу назад, как это и произошло. Вместо того, чтобы стать более сознательным, человек становится все более и более бессознательным. Точно так же, когда забытой

стороне общества дают шанс выступить вперед, может легко случиться так, что все выйдет из-под контроля, и мы получим преобладание различных регрессивных и хаотических состояний.

Отсюда следует, что интегральная фаза психо-исторического роста культуры Соединенных Штатов идет очень тяжело. В то же самое время мы должны признать, что если эта фаза на самом деле началась, то очень недавно. Поэтому, рассматривать эти события в перспективе всего-навсего пятидесяти лет ошибочно. Требуются сотни, тысячи лет цивилизации, чтобы пройти эти фазы, или перейти от одной к другой. То, что необходимо в настоящее время — это очень вдумчиво, не торопясь и независимо взглянуть на эти события. Вместо того, чтобы позволить себе броситься в иступленные переживания из-за условий, существующих вокруг нас, мы должны понять, что социальный, политический и исторический процесс происходит во времени, и так как это процесс в пределах времени, он и требует времени. Так хотелось бы предположить, что после наступления следующего года Новая Эра внезапно возникла бы перед миром, в котором все быстро изменилось и наступили бы райские условия, но это невозможно, поскольку растущие дразги и беспорядки существующей эры служат скорее указанием жуткого упадка и снижения моральной, интеллектуальной, политической и экономической культуры.

Время и отсутствие чувства времени — одна из великих пар противоположностей нашей психики. Эго функционирует во времени; бессознательное существует вне его. Поэтому мы имеем тенденцию видеть мир с высоты собственных архетипов нашего личного бессознательного, и ждем, что этот внешний мир будет в состоянии некоторым образом соответствовать ожиданиям этого внутреннего, и очень бессознательного видения. В бессознательном все происходит вне времени и пространства. Человек, который мотивирован архетипическими фактами бессознательного, как мы могли слышать, воскликнет, “нет вообще никакой причины, по

которой мы не могли бы создать прекрасное общество прямо сейчас!” Конечно, нет никакой причины, почему нельзя было создать прекрасное общество в голове, в уме прямо сейчас, но есть много серьезных оснований, почему нельзя создать такие условия во внешнем мире. Приходит время бороться, и есть множество обстоятельств и сил, работающих против этого и друг против друга. Импульс, идущий от ума, не может изменить мир в свете глаза. Идеалисты имеют тенденцию ожидать, что их замыслы обретут физическую форму во внешнем мире очень быстро и без особого труда. Это, конечно, не приносит им счастья. Таким образом, нетерпеливый идеалист всегда разочаровывается и расстраивается.

Один из главных камней преткновения на пути роста и развития нашей культуры в контексте интегральной фазы развития — это наша чрезмерная экстраверсия сознания. Говоря об экстраверсии и сосредоточенности на себе среди остальных народов, Юнг образно и сильно заявил, что “Америка — экстравертный ад!” Отсюда понятен преобладающий характер этой страны, и так как он экстравертен, то бесхитростные и редуccionные подходы должны преобладать здесь, когда дело доходит до социально-экономических реформ. Только вдумайтесь в это. Якобы религиозная, идеалистическая нация, которая некогда объявила свои высокие идеалы и духовные обязательства, в то же самое время всегда уделяет первостепенное значение экономическим и материальным проблемам, когда дело доходит до социального развития. Разве это не то же самое, что делали марксисты, когда рассматривали историю как определяемую исключительно экономическими силами? То есть у нас есть реформаторы, потенциальные агенты начинающейся интегральной фазы психо-истории, обращающиеся прежде всего к экономической структуре культуры. Нападая и ломая модель рыночной экономики девятнадцатого столетия, или то, что классически называли экономическим либерализмом, эти реформаторы начали с наихудшего. Напав на свободу рынка,

они почти преуспели в убийстве гуся, который снес золотое яйцо экономического могущества и процветания Америки. Результат — беспорядок, снижение экономических ресурсов в пределах личной сферы и коллективного роста государства всеобщего благоденствия, а не развитие, способствующее расширению сознания и индивидуации, в чем мы убедились! Случилось то, что экономическую телегу поставили перед психологической лошастью; духовно естественная расстановка приоритетов была полностью изменена из-за экстравертного и явно материалистического сознания, преобладающего в умах общественных лидеров и мыслителей.

То, чем мы пренебрегли, так это психологическим фактом, что полезные авансы в культуре должны начинаться на уровне разума, а не на уровне физических условий. Юнг обозначил это очень хорошо, сказав:

“Каждый прогресс в культуре — это в психологическом отношении расширение сознания, вхождение в сознание, которое может иметь место только через дискриминацию. Поэтому прогресс всегда начинается с индивидуации, то есть с личности, ощущающей свою изоляцию и сокращающей или берущей новый путь через нехоженую до настоящего времени территорию”.

В настоящее время мы имеем дело с Америкой, первой прикладывающей усилия сознания, прорубающей прежде заброшенную территорию, которая в большой степени должна быть найдена на индивидуальном уровне, и прежде всего на психическом. Импульс к росту этого движения должен стать психологическим, а не экономическим или политическим. В этом отношении и левые и правые, и либералы и консерваторы сталкиваются с серьезной потребностью пересмотра прежнего мнения и методов; они должны оставить свой материализм и чрезмерную экстраверсию и найти психологический смысл, в коем они так нуждаются. Реформы, если они обещают быть творческими, постоянными и совместимыми с психо-историческими потребностями культуры, должны начинаться в сознании.

Мотивы для социального преобразования

Единственный недавний прогресс, который творчески объединил социальные и психологические изменения, — это всплеск нового сознания в 1960-ых и 1970-ых, когда обратная или глубинная культура беспрецедентно проросла в массовую культуру. Несмотря на ее многие недостатки, контркультура подняла на поверхность чрезвычайно трансформирующие и освободительные силы, идущие далеко вперед. Очень легко и весьма часто, чтобы приуменьшить значение 1960-ых и 1970-ых, обращают внимание на такие факторы, как употребление наркотиков, рок-музыку, совместное проживание, необычные и исключительные одежды и поправление ранее священных сексуальных нравов. Но я думаю, этих поверхностных обвинений мало, чтобы опровергнуть то, что действительно случилось в этом любопытно поддающемся трансформации периоде нашей истории.

Роберт Эванс в “Вере и контркультуре” определил мотивы, которые сыграли наибольшую роль во время и после событий 60-ых и 70-ых следующим образом:

- (1) приоритет опыта и субъективного участия в опыте;
- (2) восстановление мистерии и восстановление творческого потенциала;
- (3) озабоченность проблемой связи и символического пространства; и
- (4) оживление сообщества и открытость к совершенствованию.

В дальнейшем мы рассмотрим вкратце некоторые из этих мотивов, чтобы понять, какую ценность они имели, и почему была такая резкая реакция против них со стороны религиозных крестоносцев, которые чувствуют угрозу изменения в сознании нашей культуры. Давайте начнем с того, что Эванс назвал “приоритетом опыта”. Что есть опыт? Истинный опыт — редкая птица в нашем мире, и особенно в нашей культуре, каковой она развилась. Почему это так? Поскольку наша культура, с определенного времени направ-

лена на то, что можно было бы назвать суррогатом, заменой опыта, а не на непосредственный опыт. Технология — единственный фактор, вовлеченный в это изменение, но реальный преступник — настроение, характеризованное возмеличиванием интеллектуальной функции. Некоторые люди, которые настроены против тенденции замены опыта в нашей культуре, питают неприязнь к технологии. Такая реакция происходит от недостатка информации. Сама технология не стоит позади всего, что пошло не так как надо в Америке. Технология в действительности ничего не может нам сделать, если глобальные психологические факторы также не вовлечены в этот процесс. Без сомнения, технология снабжала нас инструментами замены интернационализма, но это не давало повода волноваться, поскольку было психологически обусловлено. Мотивы замены опыта затронули очень старые и темные бессознательные структуры разума, которые предшествовали технологии тысячелетиями. Без сомнения, еврейское понимание старого бога Иеговы имело непосредственное отношение к этому. Из этого мировоззрения мы узнали, что замена опыта является морально допустимой, в то время как направленный опыт является или безнравственным, или, по крайней мере, опасно граничит с безнравственностью.

Как результат давних психологических событий, замененный опыт стал нормой опыта. Истина стала абстрактной и теоретической, вместо того, каковой она должна быть: а именно конкретной и эмпирической. Современный психоанализ, особенно благодаря Юнгу, вновь подчеркнул, что мы нуждаемся в психологических фактах, а, следовательно, не в экзистенциальной и теоретической истине. Через глубинную психологию мы находим, что нет действительно никакой истины “там” в области абстракций, но есть только истина внутри нас самих. В некотором смысле, можно было бы сказать, что нет никакой “истины” как таковой, а только “моя истина”, поскольку она существует в пределах экзистенциальной и феноменологической действительности

моего собственного бытия. “Истина”, полученная из замены опыта, конечно же, диаметрально противоположна таким психологическим признаниям.

Майкл Новак в “Опыте небытия” сказал:

“обвинения контркультуры — это не нападки на интеллектуальное, правильное понимание или здравый смысл, а на миф объективности, как слишком узкое выражение разума, которое упускает слишком много сложных, но решающих операций человеческого интеллекта”.

“Миф объективности”, конечно, глубоко связан с проблемой замены опыта. Перед современной контркультурой Карл Юнг взорвал миф объективности на основе глубинной психологии. Он сказал, что то, что ставит большинство людей себе в качестве цели — в действительности, самая субъективная вещь в мире. Почему? Потому что она перенасыщена прогнозами наблюдателя! Большинство людей, из-за их относительной нехватки интегрированного сознания, почти неспособно к каким-либо объективным наблюдениям и суждениям. Только человек, прошедший далеко на пути индивидуации и достигший в большей мере интеграции сознательных и бессознательных элементов в его или психике, способен к истинной объективности. Пока эта точка не достигнута, мы неизбежно находим много неинтегрированного бессознательного содержания, проецирующего себя в наше поле зрения. Мы думаем, что мы объективны, но в действительности мы принимаем наши проекции за объективную действительность.

Наши поиски истинной объективности — это еще одно проявление борьбы за прямой опыт. Однако, мы должны помнить всвязи с этим, что многие люди в обществе находятся под угрозой из-за способности прямого опыта и истинной психологической объективности. Всегда есть люди, у которых есть имущественные права в нормативном аспекте заменить опыт, люди, которые в некотором роде получают прибыль от того факта, что прямой опыт не доступен или запрещен. Эти люди, от телевизионных проповедников до

комиссаров полиции, занимаются тем, что лишают народ свободы создать и испытать свою собственную действительность. Когда мы будем в состоянии экспериментировать с альтернативными методами чувства и поведения, тогда эти и подобные им торговцы существующих установленных моделей потерпят неудачу.

Вторым важным элементом, который ясно характеризует контркультуру — это то, что Эванс называет “восстановлением мистерии и творческого потенциала”. То, что действительно случилось, — то, что люди обнаружили еще раз, что обращаться к таинственной и творческой глубине бессознательного — жизненная и реальная задача; без тайны и творчества жить не стоит. Опять же, этому угрожали защитники прежней религии. В течение многих столетий они пытались изгнать элементы мистерии и творческого потенциала от жизни нашей культуры. Для них творческий потенциал — кощунственная попытка дублировать способности их Бога-создателя. Уже было одно творение, и его достаточно, думают они. И в каких таких таинствах нуждается человек, которые не прописаны Библией? Люди, как предполагается, являются существами и не создателями в глазах такого народа, и тайны просто не нужны, спасибо! Много лет гностики боролись за мистику и за творческий потенциал, и предавались анафеме всеми защитниками прежней бессознательной религиозности.

Третий мотив, упомянутый Эвансом, “озабоченность проблемой связи и символического пространства” Восстановление символического пространства можно назвать переоценкой символов. Прежняя бессознательная религиозность имеет множество своих собственных символов и максимально использует их для своей собственной выгоды. Бессознательным человечества правят символы, но когда символы сознательно не поняты, они становятся тиранами и идолами в жизни. Например, вопросы аборта и контрацепции конечно же символичны, почему бессознательная религия и восстает против с таким постоянством и страстностью.

Какой символ кроется за этими проблемами? Это — архетип Великой Пожирающей Матери, бессознательный архетип природы и естественного права. Динамизм Великой Матери хочет родить, независимо от условий, или от психологических и материальных последствий, к которым рождение могло бы привести потенциальных родителей. Матери не будут мешать или вмешиваться. Важно отметить, что эмоциональность и бессознательное ослепляет некоторых ярых приверженцев экологии, и защитников природы наподобие религиозному бессознательному. Экологический экстремизм и фанатизм права к жизни — бессознательные братья. Оба отражают бессознательную религию, которая кажется им высшей ценностью: жизнь. Но некоторые могут забыть, что бессознательная жизнь — это слепая, животная волна, сила без руководства или цели, поток энергии, прибывающей из ниоткуда и идущий в никуда.

Поэтому пожирающая и рождающая Мать как глобальный бессознательный архетип проявляет себя в символическом контроле над рождаемостью и абортами. Из этого огромного символа коллективного бессознательного черпают свою силу и актуальность проблемы, касающиеся человеческого воспроизводства. И разве не Церковь называется с древних времен *Mater Ecclesia*, Мать Церковь? Успокоить мощный архетип — это проблема на бессознательном уровне, которая, будучи бессознательной, конечно же не признана. В процессе индивидуации сознательные люди начинают бороться за свою собственную символическую действительность, они сталкиваются с тираническим влиянием мощных бессознательных символов, сохраненных различными религиозными организациями, сторонники которых просто поклонялись тому, чего они не понимали. Сегодня, много людей снова ищут символы преобразования, которые являются результатом более глубокого уровня личного опыта. Такие символы должны быть поняты на собственном опыте и на личном уровне, чтобы стать трансформирующими. Именно поэтому очень много людей

недовольны принятыми символическими системами нашей культуры, и ищут большего в различных непризнанных символах, таких как карты Таро, астрологические знаки, магические печати, мандалы и т.п.. Все эти действия, конечно, анафема тем, кто считает, что “старый добрый крест” является всем, чем необходимо быть символу жизни.

Четвертый мотив, упомянутый Эвансом — “оживление сообщества” и “открытость к совершенствованию” в пределах сообщества. Мы не должны забывать, что коммунизм ни в коем случае не является тем же самым, что и коммунизм. Коммуна или сообщество не должны быть выражением коллективного массового мышления, хотя очень часто только им и становится. Люди должны быть в состоянии принять решения относительно того, частью какого сообщества или теории государства на общинной основе они желают быть. Они не должны быть вовлечены в сообщество внешними давлениями, тайной полицией и комиссарами, а свободно выбрать или создать общественные условия на основе их личных склонностей и интересов. Следовательно, коммунистическая система не говорит людям: я — ваше сообщество, и вы должны принять это сообщество, и никак иначе! В подобной манере говорит прежняя бессознательная религия: У нас есть общество, которое благоугодно пред Богом каково оно есть, и вам лучше принять его как есть, и вести себя в нем должным образом, а не иначе. Большое различие, однако, что в нашем обществе, с его конституционными свободами, человек по крайней мере юридически свободен послать прежних проповедников и их друзей, знакомых и родню в Преисподнюю, и задуматься о выборе своих собственных общественных условий на основе личных предпочтений, совместимости и т.д.

В данный момент контркультурные тенденции 60-ых и 70-ых, наряду с другими событиями, произвели то, что можно было бы назвать восстанием против старых символических структур и идеалов общества. Возникают рыночные плюралистические модели общества, которые основаны

на свободном выборе личной привязанности отношений независимых людей. Эти новые сообщества вытесняют намного более бессознательные архетипические сообщества, основанные на кровной и национальной связи. Безумные крики о “спасении семьи”, так же как и бессмысленный суперпатриотизм, принятый среди религиозных борцов, могут быть объяснены как реакция против этой тенденции. Конечно, никто не утверждает, что в обществе нет никакого места семье, но при этом каждый должен знать, что есть действительные формы ассоциации, которые основаны на сознательных аспектах, а не на бессознательном и безальтернативном уровне группы. Если сознание ценится выше, чем бессознательное состояние, и если выбор предпочтителен безальтернативности, то должна быть возможность существования сообществ, в которые свободно вступают, которые могут дополнить и даже заменить естественные, но бессознательные, такие как семья. Семья — прекрасная вещь, что и говорить, но сознательные люди могут найти ценности, которые превосходят семейные. Точно так же интеллектуальный, сознательный патриотизм — похвален, но с ростом сознания, весьма вероятно, что наднациональные ценности и привязанности могут также получить приоритет в индивидуальном психе.

Воинственная угроза свободе

Чтобы обобщить наш психо-исторический анализ существующей угрозы нападения на изменения в сознании и этике, мы отметим еще раз, что они воспринимаются некоторыми религиозными крестоносцами как предвестники окончательной моральной деградации и крушения Америки. Их усилия представляют сопротивление бессознательных архаичных сил против расширяющейся тенденции к индивидуации и росту сознания в нашу эпоху. Молох массового мышления еще раз, кажется, требует жертву нашей личной индивидуальности и нашего права выбора. Сегодня, и в любой день, это возлагается на тех, кто ценит личную свободу

и возможность свободного духовного роста, чтобы понять, что к угрозам свободы нужно отнестись всерьез, происходят ли они от марксизма или от отечественной политизированной религиозности. Тирания марксистского коллективизма и потенциальный религиозный контроль морального климата и личной жизни граждан нашей страны — и то и другое выкроено из одной и той же психологической ткани. И то и другое — выражения примитивного бессознательного. Правительство Кремля, кровожадные фанатики Камбоджи, религиозные мясники Ирана и убежденные в своей правоте политизированные телевизионные проповедники нашей страны — инструменты одних и тех же психологических сил. Они — антииндивидуалисты и коллективисты, своим примитивным импульсом убивающие психические силы, направленные на установление и сохранение их собственной власти, которая уходит своими корнями в темные импульсы и иррациональные потребности бессознательного.

Какова взаимосвязь этих анти-индивидуалистских сил и консерватизма? Проследите в исторической ретроспективе, эти движения — противники реального консерватизма. По моему мнению, истинный консерватизм является всегда либертарианским, а не авторитарным по своей сути. Современная консервативная философия началась с английского философа Эдмунд Берка, который, утомленный излишками французской революции, установил духовный ориентир на сохранение ценностей прошлого, не отрицая глубокое уважение к достоинству и свободе человека. Консерватизм Берка был, таким образом, либертарианским консерватизмом, который оппозиционен господству террора во Франции, основанный на отношении к свободе личности против коллективного террора и тирании. Мы должны понять в этом контексте, что консерватизм и прогрессивизм не больше и не меньше, чем выражения вечно существующего в мире принципа пар противоположностей. Когда мы склоняемся к одной составляющей пары, исключая другую, мы создаем опасную неустойчивость.

Кроме того, условия, ценности, потребности и ситуации прошлого должны быть сохранены. Из старого рождается новое. Если мы хотим получить курицу, мы должны сохранить яйца, а не разбить и съесть их прежде, чем у куриц будет шанс явиться на свет. Революционеры слишком часто бьют яйца прошлого, и поэтому оставляют себя без творческого и многообещающего будущего. Слишком часто они расходуют свой исторический кредит на то, чтобы покончить с элементами прошлого; и тогда остаются ни с чем, кроме некоторого количества культурной яичной скорлупы. С другой стороны, очевидно, что вещи не примечательны и достойны вечной жизни только лишь потому, что они древние. Старые вещи могут быть весьма бесполезными, хотя и не всегда. Поэтому для реального реформирования мы не должны принимать ни бессознательный консерватизм, который держится на чем-нибудь, что давно отжило, ни бессмысленный принудительный прогрессивизм, который стремится к изменению ради радости изменения. Америка нуждается в людях, которые способны к уравновешенному, сознательному выбору, независимо, мирно и свободно выражаемому в пределах структуры гибкого, либертарианского общества. В контраст этому идут намерения и тем более методы политизированных фанатиков в нашей среде, продиктованные в лучшем случае псевдоконсерватизмом. Для всех разумных и думающих консерваторов уровня Берка должно быть очевидно, что это не соответствует их позиции и авторитету, дабы отделиться от вульгарного примитивизма и потенциальной коллективной тирании тех, кто бессмысленно служит архаичным бессознательным архетипам прошлых веков, и кто желает пожертвовать этим архетипам самую большую ценность, которой обладает наше общество: а именно — свободу.

Еще один момент должен быть здесь упомянут, а именно проблема морали, под знаменем которой сегодня пропагандируется так много ерунды. Сознательный психологический подход к этическим проблемам всегда различает

два вида морали: человеческую и общественную. Религии во всем мире могут обратиться с некоторой степенью законности к личной морали. Основываясь на своих конкретных метафизических моделях действительности, различные религии могут установить руководящие принципы и, иногда, весьма твердые заповеди относительно того, как люди должны вести себя, чтобы жить в гармонии со специфической метафизической действительностью. Религиозные власти всегда чувствовали, что регулирование, или, по крайней мере, влияние на моральное поведение отдельных сторонников, было их правом. Пока эти этические принципы принимаются людьми более или менее свободно в пределах специфического религиозного контекста, это действительно не больше, чем надлежащее осуществление личной свободы и выбора. Трудности возникает тогда, когда религиозные сторонники, и их лидеры, будучи не в состоянии различить частную и общественную мораль, считают, что правильные на их взгляд стандарты поведения для себя должны быть правильными стандартами для всех людей в сообществе или обществе в целом.

Что случается, когда личная религиозная мораль навязана всему государству? Результат таков, что рост и развитие сознания в таком обществе очень ограничены. Сознание растет не благодаря правильному поведению, а благодаря поведению, являющемуся результатом независимых сознательных решений и выбора. Реальная мораль включает свободу. Это — тайна христианского учения о свободе воли, в высшей степени подверженная злоупотреблению и недооцениваемая многими христианами. Добрая воля — ценное психологическое учение, когда должным образом понято. Согласно этому учению, Бог не принудительно наставлял людей на путь истинный, а вместо этого дал им высшую возможность выбора. Добрая воля является общепринятой доктриной христианской веры. Тем не менее, это часто игнорируется самозванными опекунами христианской морали, которые всегда пытаются улучшить методы, принятые

их Богом, пытаюсь распространить свою личную мораль и заповеди на все общество посредством законодательства, и других форм принуждения. Разве это не любопытно, что Бог дал человечеству выбор, а набожные слуги Бога деловито пытаются этого самого выбора лишиться? Где-то в запутанных теологических концепциях и библейских толкованиях скрыта забытая, но важная правда: Бог предложил людям выбор, потому что Бог желал, чтобы они росли, а не просто оставались в одном состоянии, даже если это состояние — повиновение Закону Божьему. Как ни странно, Бог не вынуждал людей повиноваться божественным законам, но слуги Бога пытаются сделать именно это.

Главная особенность растущей индивидуации в обществе — выбор, осуществляемый по доброй воле. Мораль в этом случае — все более и более личная забота, и публичные права и инструкции ограничиваются сферой, в которой они обусловлены реальным благосостоянием сообщества, а не абстрактным и теоретическим категориям “правильно-неправильно”. У каждой религиозной организации есть свои моральные и этические доктрины. Догма, нравы и ритуал — неизбежная троица любой религиозной системы. Было бы глупо потребовать или даже желать, чтобы церкви и синагоги не преподавали некоторую форму этики. Однако нужно учесть то, что религиозная группа может требовать права применять свои инструкции и законы только к своим собственным членам, которые соблюдают их по собственной воле и выбору. Когда моральная резкая критика и религиозные законы специфической секты подняты до статуса светского закона и проведены в жизнь всех граждан любой веры, тогда мы бесспорно находимся во власти тирании.

Либертариизм и вольнодумцы часто совершают ошибку, желая диктовать различным группам и людям то, каким образом они должны предоставить больше свободы своим сторонникам и последователям. Однако, пока последователи группы повинуются велениям начальства в результате их собственной свободы выбора, они должны получить при-

вилегии послушания или “несвободы”, и как и прочим им должна быть дана свобода выбора. Никто не может представить, что Папа римский одобрит аборт или контрацепцию, как и любую другую подобную политику. В конце концов, если кому-то не нравится политика Папы римского, он или она может легко покинуть Римско-католическую церковь и найти более благоприятное религиозное суждение. Если лидер движения кришнаитов, или другой духовный лидер налагает любопытные инструкции на его или её последователей, — это является их собственным делом. Но когда религиозные деятели проникают тайно, или, как теперь часто имеет место, открыто в процесс законодательства, в правительство или суды, и требуют, чтобы их специфическая и личная мораль была обнародована законно, связав всех, тогда им необходимо недвусмысленно заявить, что они неправы. Если этого недостаточно, они должны быть ограничены всеми законными средствами от выполнения их опрометчивых замыслов.

Я думаю, наконец настало время рассмотреть вопросы социальной морали и поведения в исторической и даже психо-исторической перспективе. Легко увлечься идеей некоторого реального или воображаемого зла в обществе и неистово потребовать инструкций и реформ, чтобы исправить это состояние. Вне всеобщего исторического контекста многие состояния кажутся серьезными и катастрофическими. Поэтому людям кажется, что нация морально размывается или снижаются моральные нормы культуры. Отсутствие исторической ретроспективы всегда влечет за собой отсутствие пропорции. Проблемы имеют тенденцию раздуваться и искажаться; горы и кротовые норы путаются местами; незначительные вопросы кажутся важнее жизни. В таких условиях приходят несдержанные политики, принимаются неблагоразумные решения, поспешные и репрессивные законы, а следом социально-бытовые условия, которые много лет исправляют и создают для угнетения будущих поколений. Все это происходит потому, что у людей нет ни

чувства истории, ни способа оценки их нынешних проблем и затруднений в свете прошлого.

Исторические корни наших существующих религиозно-политических проблем легко заметить знающему глазу. Основатели американской республики были людьми эры Просвещения, которые рьяно охраняли недавно обретенные свободы индивидуальной души и разума от повторных вторжений архаичных сил бессознательного. Как сказано ранее, разделение церкви и государства было большим историческим ориентиром, гарантирующим освобождение человеческого эго от тирании бессознательных архетипов. Просвещение означает выход из света сознательного эго и возвращение захваченного коллективного, темного бессознательного состояния. Франклин, Вашингтон, Джефферсон, посвященные масоны и духовные либертарианцы желали создать социальные условия, в которых свободные умы и души могли вырасти и начать индивидуацию согласно законам своего внутреннего существа, без доминирования психологических структур, перенесенных из Средневековья, которые пережили свою полноценность.

Сегодня потомки этих основателей и просветителей по большей части утратили психологическую связь с намерениями этих мудрецов, которые, несмотря на их напудренные парики и кружевные манжеты затевали план индивидуации, духовного роста и свободы, беспрецедентной за всю историю нашего мира. Мы в своей слепоте позволили отнять у нас сознание нашего прошлого, и поэтому мы находимся в большой опасности утратить наше будущее. Ключевым мотивом этого благородного эксперимента Просвещения, который стал Соединенными Штатами Америки, не была иудейско-христианская мораль, хотя она, безусловно, часть наследия американского народа, скорее им всегда был выбор. Выбор сотворил расцвет тысяч религий и философий, существовавших бок о бок на американской земле. Выбор принес свободное государственное образование всем детям. Выбор сотворил экономику, которая вывела уро-

вень жизни на неизвестный ранее уровень во всем земном шаре в любую эпоху истории. Возможность выбора стала великим и уникальным подарком богов людям этой земли. Нельзя сказать, что не было доли несовершенства и несправедливости, сопряженной с элементом выбора. Было рабство, с его все еще существующими последствиями. Другой крайностью было жестокое обращение с коренным населением страны. Социальные и исторические беды и зло существовали и сохраняются здесь в изобилии. Однако, великолепный элемент выбора всегда пробивал свой путь вперед и вперед через темноту и зло. Мне нравится лелеять надежду, что выбор, или я мог бы сказать свобода, все еще с нами и все еще ведет нас по тропе истории.

Западная культура — единственная культура в истории, которая просуществовала так много времени, и поэтому сумела достигнуть сознания и независимости от обширного бессознательного дракона и его тирании. Верно, что эта свобода стоила дорогого, и что теперь, в расцветающей интегральной фазе психо-истории, мы должны успокоить и понять дракона еще раз. Сейчас, и в контексте сознательно понятой истории, мы должны создать наш мир с драконом. Как независимые герои индивидуации сознания мы должны спуститься в подземные пещеры, где живут драконы. Плавающим факелом сознания мы должны осветить темные лабиринты психе и ясно увидеть сокровище, которое охраняют великие змеи разума. Впервые за многие тысячи лет у нас есть инструменты и оборудование, чтобы сделать это, и в довольно крупном масштабе. Для нас доступны инструменты информации и образования, в которых испытывали недостаток предыдущие поколения и цивилизации. Но чтобы сделать эту работу, мы должны быть свободными. Мы не должны быть лишены великого сокровища, завещанного нам древними мудрецами; мы должны обладать выбором. Без выбора наши героические поиски напрасны. Без факела выбора наше сознание потеряет свет своего пламени. Без

выбора наша история пройдет напрасно, наша борьба и сражения не приведут ни к какой цели.

Сегодня, как и всегда, найдутся те, кто лишил бы нас возможности выбора. Некоторые из этих врагов прячутся под красным знаменем марксизма, а другие (невероятно) прикрываются звездно-полосатым флагом. Некоторые отняли бы у нас сознательный выбор от имени диалектического материализма, в то время как другие сделали бы это от имени Библии. Любопытная ирония всего этого — то, что многие из этих людей преисполнены благими намерениями. Некоторые — желанием уничтожить бедность, а другие — чтобы покончить с преступлением и недостатками. На свой лад они тоже борются за благо. Однако, я призываю, им нужно сопротивляться усердно, бдительно и сильно. Мы не можем пойти на компромисс с теми, кто лишил бы нас выбора. У нас, возможно, нет справедливого или добродетельного общества, но мы можем иметь, и мы должны иметь общество, где выбор возможен. Мы, возможно, не богаты, или здоровы или справедливы, но мы можем быть свободными. У нас, возможно, нет гарантии праведности, или счастья, или спасения, но у нас есть возможность роста. И для этого мы должны продолжить бороться, и это мы должны защищать!

Глава 3. Анима и Анимус в обществе: о равноправии полов

Изучение истории всегда было обусловлено заботой о будущем. На первый взгляд могло бы показаться, что история являет собой как раз заботу о прошлом, но это не совсем так. Еще в дни древнего Китая великий мастер-философ Конфуций объявил, что из трех измерений времени, — прошлого, настоящего и будущего, мы должны особенно ценить прошлое. Конфуций говорил, что настоящее всегда неясно; будущее, еще не проявившись, — в лучшем случае вопрос догадок; поэтому прошлое — единственное измерение, доступное в целях исследования, обучения и обретения муд-

рости. Прошлое неизменно, и в то же время хорошо нам известно; поэтому истинный историк, будучи по определению философом, а не просто регистратором фактов, по большей части согласился бы с Конфуцием. Он говорил: то, что доказано временем, невозможно оспорить; в то время как нельзя оправдать и то, что им опровергнуто. Имея дело с ошибками человеческой истории, мы должны вынести из них то, что доказано временем. Мы должны спросить себя, каким образом мы можем внести свой вклад в истины истории, и применив их в настоящем, изменить к лучшему будущее.

Современная глубинная психология может многое прояснить относительно этих вопросов, потому что она может установить определенные аналогии между характером и развитием личности с одной стороны, и ходом истории с другой. Человек — мир в миниатюре, и человеческое общество, как и внешний мир, развивается согласно определенному историческому шаблону. Цивилизации, нации и народы, юные и зрелые, стареют и умирают совсем как люди, и фактически состоят из людей, психическое состояние которых отражено в обществе в увеличенном масштабе. Поэтому с появлением аналитической психологии исторические исследования, особенно в области философии истории, очень обогатились.

Представителей школ глубинной психологии можно условно разделить на две группы: на тех, кто смотрит в прошлое, или регрессивные, и на тех, чей взгляд обращен вперед, или прогрессивные. Школа Фрейда и некоторые другие, тесно связанные с его методами, склонны оглядываться. Это означает, что нынешнее состояние индивидуальной психики почти неизбежно будет объяснено происходящим в прошлом, особенно в раннем детстве и младенчестве. С другой стороны, Юнг и его последователи считают, что психическое развитие человека можно проследить не только в обратную сторону к событиям прошлого, но и вперед — к цели в будущем. Устремленная к цели судьба вызывает к нам из будущего и обращает нас к себе.

Это будущее, говорил Юнг, служит цели обретения целостности, полноты и завершенности. В некотором смысле, Фрейд и Юнг походят на Конфуция и Лао Цзы, перенесенных на современный Запад из древнего Китая. Как и Конфуций, Фрейд утверждает, что прошлое, будучи познаваемым, является самым важным ориентиром для человека. Юнг, как вроде бы и Лао Цзы, говорит о том, что в то время как конкретные детали будущего неизвестны, существует картина его развития. Поскольку у каждого живого существа есть естественное стремление выполнить свою врожденную программу, то и у психики или души есть путь, образец, собственное Дао, которое она стремится воплотить. Желудь превращается в дуб, а не в сосну; роза не вырастает в гвоздику; и каждый человек по мере роста исполняет судьбу, которая является личной и естественной, индивидуальной и коллективной одновременно. Мы и есть путь, ибо природа Дао в нас, — великая, неизменная, тайная, которая пытается воплотиться в нас и через нас. Нечто всегда тащит и тянет нас куда-то, и это нечто — образ целостности, исключительности, который Юнг назвал Самостью, центральный образ, который собирает и направляет все остальные образы к цели объединения.

В то время как редуccionист Фрейд, как и Конфуций, рассматривают историю как источник всех существующих бед, психологический даосизм Юнга обращает взгляд к трансисторическим архетипам универсальной природы, всегда проявляющимся как факторы объективного психэ. Фрейд говорит, что ребенок в человеке пребывает в конфликте с социальными обязанностями взрослого. В своих социально и исторически ориентированных работах, таких как “Недовольство культурой”¹¹, Фрейд утверждает, что

---

¹¹В оригинале и в русском переводе название работы звучит как “Das Unbehagen in der Kultur”, но в английском и французском вариантах пришлось заменить термин “культура” на термин “цивилизация” (Civilization and Its Discontents, Malaise de civilization), т.к. в этих языках термин “культура” чрезвычайно многозначен. — прим. переводчика.

примитивное человечество боролось с тенденциями цивилизации, которая вызвала подавление инстинктивной власти, что привело к росту насилия, кражам, погромам и импульсивности в противовес регулируемой модели поведения в цивилизованном обществе. Юнг не отрицает эту идею во всей ее полноте. Он признает, что каждый человек все еще несет в себе ребенка и примитивного человека. Также верно, что особенно среди молодежи, применение такого обратного анализа может быть полезно. Когда молодые люди приходят к пониманию, что определенные протесты в их жизни — просто попытка сохранения инфантильности, они могут отойти от нее и таким образом перейти к более зрелому состоянию. Но для большинства из нас не особо-то полезно ощутить, что внутри мы все еще дети, или древние примитивные мужчины и женщины.

Поэтому мы находим, что в субъективной жизни личности должны быть найдены не только истоки общественных бед, но и по крайней мере потенциальные средства защиты от еще большого количества этих бед. Если наше низшее я находится в конфликте с цивилизацией в пределах субперсональных областей нашей личности, одинаково верно и то, что на другом конце большой полярности, в пределах трансперсональных аспектов нашего бытия, проживает архетипический посредник, Самость, миротворец, мудрый консультант, сострадательный судья, который предоставляет прощение и взывает только к справедливым и естественным порядкам, символизируемым в религии как Царство Божие. Самость есть Мессия, Аватар, пришествие Будды, второе пришествие Христа, тот, кто обновляет все заново, парадигма индивидуации эго.

Анима и Анимус

Это приводит нас к важнейшим архетипам Анимы и Анимуса в их социальном и историческом аспектах. Если мы изучаем мифы древних народов о сотворении мира, сразу бросается в глаза тот факт, что почти все без исключения

мифы считают, что творение начинается с первичной целостности, которая делит себя на две половины. На основании их разделения эти две половинки способны объединиться и вернуться в состояние исконного плодотворного союза, который в латинской алхимической терминологии называют *coniunctio oppositorum* (“объединение противоположностей”). Посредством этого союза все то, что наполняет множество миров, принесено в бытие. Тем не менее, столь великие мифы говорят нам и о том, что Инь и Ян, небо и земля, Солнце и Луна присутствуют в любой форме проявленного творения, и каждое из них неполно без своей противоположности. Их космическая тоска, таинственная тоска по потере союза, которая взывает сквозь целый мир — большой вздох вселенских любовников, стремящихся слиться друг с другом воедино. “Мне, мне” — шепчут сосны грому и молнии, поскольку она вспыхивает и ударяет вниз в порывистой страсти к земле. Отливы и приливы огромных океанов вздыхают, желая каждой волны — “мне, мне.” Можно сказать, что это простой романтизм, поэтический перенос, коим мы отображаем на силах природы наши собственные сокровенные потребности. Но такие возражения не имеют под собой основы, поскольку в нас ли непосредственно, или вовне, мы признаем факт трансперсональной или архетипической потребности в объединении противоположностей, герметическом браке, примирении космических полярностей.

К. Г. Юнг озвучил эту самую существенную истину, когда он говорил об Аниме, женской душе, и Анимусе, мужской душе, как сосуществующих в каждом человеке. В упрощенной форме можно было бы сказать, что в каждом мужчине есть женщина, и что в каждой женщине есть мужчина. В ходе развития нашей сознательной адаптации в процессе формирования эго каждый из нас в значительной степени подавляет ту сторону нашей природы, которая не соответствует нашим биологическим характеристикам. Женщина в мужчине отступает на бессознательный уровень,

а мужчина в женщине также удаляется за экран сознания. Тем не менее, важно помнить, что подавление не единственная, и даже не главная причина присутствия сексуального компонента в бессознательном каждого человека. Это особенно важно подчеркнуть, потому что с появлением феминистского движения, много страстной риторики посвящается этому вопросу, а истинные причины все чаще скрываются. Согласно Юнгу, социальная структура с ее заданными ролями сама по себе не определяет, какие отрицательные половые факторы в нас должны подавляться. Общество, конечно же, всегда требует от нас того, чтобы мы различными способами развивали особенности, соответствующие нашему полу, и чтобы мы отказались от тех, которые ему не соответствуют. Тем не менее, эти социально обусловленные требования, которые, кстати, подвержены изменениям, не являются единственным фактором, определяющим подавление женского в мужчине, и соответствующее растворение в бессознательном женщины мужского компонента.

Юнг говорит, что в дополнение к социальному давлению существуют два других важных фактора, один биологический и один архетипический, или один физический и один духовный, поскольку они рассматриваются вместе. У каждого мужчины существует биологическое предположение, что рядом с ним есть некто другой, а именно — женщина. Поскольку Юнг говорит, “система [мужчины] настроена на женщину изначально, точно так же, как она готовит его к весьма определенному миру, где есть вода, свет, воздух, соль, углеводы, и т.д.”, организм женщины также предполагает наличие мужчины, поэтому биологические условия готовят ее психику к его существованию. Теперь ни один из этих факторов не сознателен. Попытки общественного давления осуществляются на сознательном уровне, но это приводит к подавлению, и заканчивается в бессознательном. С другой стороны, — биологическое предопределение является бессознательным изначально и в значительной мере таковым и остается.

Но необходимо учитывать еще один фактор, и вероятно самый важный из трех, а именно — архетипический. Архетип не является продуктом общества; он ни в коем случае не происходит от биологии. Архетипы — суверенные формы бытия, живущие собственной жизнью. Они титанической силой привлекают нас к себе, и если наши попытки понять их и в какой-то мере осознать оказываются успешными, они могут привести нас к целостности, полноте и истинному Я, — это процесс, который Юнг назвал индивидуацией.

Архетипы напоминают высохшие русла рек. Вода покинула их, хотя она может вернуться в любое время. Архетип — это некое изначальное русло, вдоль которого вода жизни текла какое-то время, роя глубокий канал для себя. И чем глубже получится этот канал, тем более вероятно случится то, что рано или поздно вода возвратится.

Смена цивилизаций

Архетипы были и остаются психическими силами, которые следует принимать всерьез, и у них есть странный способ убеждать в своей эффективности. Всегда они были проводниками защиты и спасения, а их нарушение имеет своим следствием “опасность души”, известную нам из психологии. Кроме того, они — безошибочные причины невротических и даже психотических расстройств, которые проявляют себя точно так же, как физические органы или органические функциональные системы, о которых не заботились, или с которыми плохо обращались.

Архетипы и коллективное бессознательное

О чем тогда мы говорим, упоминая об Аниме и Анимусе человека относительно социального уровня развития? Анима мужчины и Анимус женщины — матрица системы, или ядро, вокруг которого все качества образуют созвездие, в котором человек испытывает недостаток на сознательном уровне, но который он или она может познать через бессознательное. Анима — великая тайна для мужчин, как и Анимус для

женщин. Оба пола испытывают тоску по неизвестному, но также и чувство страха, боязни и в крайних случаях враждебности. Сам Юнг определяет Аниму так:

Каждый мужчина несет в себе вечный образ женщины, не образ какой-то конкретной женщины, а скорее некий определенный женский образ. Этот образ — основополагающий, бессознательный, наследственный фактор исконного происхождения, проецирующий себя в жизнь мужчины, “тип” (архетип) всего опыта, касающегося женщин, приобретенного за все времена, собрание воспоминаний о женщинах; короче говоря, унаследованная психическая система адаптации. Даже если бы не было создано никаких женщин, то было бы возможно в любое время вывести из бессознательно некий образ того, что женщина должна представлять психически. То же самое верно для женщины; то есть, она также обладает врожденным образом мужчины.

Развитие личности

Анима — фея, — великая и непостижимая для мужчины, а Анимус, — герой, спасающий женщину из состояния разделенности. Оба из них — потенциальные проводники по глубинам бессознательного; они могут быть нашими посвятителем в королевские тайны внутренней жизни, несущими факел индивидуации. Однако для того, чтобы эти архетипы выполнили такую важную роль, мужчины и женщины должны учиться обращаться с ними должным образом.

Это та точка, где мы в наше время сталкиваемся с большими и серьезными трудностями. В последние десятилетия социальная составляющая архетипа анима-анимус претерпела радикальные изменения, которые все еще происходят. Широко распространены сомнения, и даже протесты против тех ролей в обществе, которые традиционно принадлежали мужчинам и женщинам. Наряду со многими необходимыми юридическими и социальными реформами, мы также видим всеобщую неразбериху отношений и ценностей, сомнения в полноценности, даже желание сексуальной идентичности.

У этой неразберихи есть серьезные потенциальные психологические последствия. Следующие пункты могут помочь нам сориентироваться в существующем хаосе полов:

1) Половые различия существуют не только на поверхности. Есть психологические и физиологические различия между мужчиной и женщиной, которые не могут быть преодолены без серьезной травмы психэ.

2) Психологические различия между мужчинами и женщинами кроются не только в социальном воспитании, но и в основной задаче, специфической для мужской психики, которая стремится к внутреннему союзу с Анимой, и женской психике, стремящейся к союзу с Анимусом.

3) Так как Анима (фея) является единицей, заметно отличающейся от Анимуса (героя), они должны познаваться по-разному. Следовательно, пути индивидуации для мужчин и женщин должны быть, по крайней мере, до известной степени различными.

4) Хотя задача объединения противоположностей должна быть достигнута внутри человека, это значительно отражается на том, как мужчины и женщины строят отношения друг с другом на внешнем уровне.

5) В эпоху смены социальных стандартов и пересмотра ролей мужчины и женщины мы должны бояться принизить характер этих отношений. Никакой жизненный аспект не должен быть лишен красоты или упрощен. В силу преобразования архетипы сбежали от фиктивных браков и соглашений, но они также склонны отсутствовать во многих “свободных” отношениях, где романтика и красота с неприязнью изгоняются отчаянно рациональными женщинами и робкими мужчинами, которым не хватает силы эго.

6) Так как цель жизни — союз Анимы и Анимуса, мы должны сначала связать эго мужчин и женщин друг с другом, а затем попытаться связать мужчину с женщиной посредством эго Анимы, и женщину с мужчиной посредством ее Анимуса.

7) Эго — изначальная преобладающая основа всех людей. Оно хочет оставаться хозяином; и вследствие этого не желает индивидуации. Если неподготовленное эго пытается относиться к противоположному полу на уровне Анимы и Анимуса, это до добра не доведет.

8) Эта катастрофа принимает форму инфляции эго, направленную против своего пола. Мужчины становятся нытиками, капризными, мелочными, сплетниками, а женщины — упрямыми, требовательными, желающими абсолютного контроля и абсолютной правоты. Юнг в пятом из своих “Семи наставлений мертвым” говорит следующее: мужчина и женщина становятся дьяволом друг для друга, если они не разделяют свои духовные пути, поскольку природа проявленного бытия всегда противоположна.

9) Все внешнее имеет свои корни в глубинах личного. Если человек боится женщин, испытывает к ним неприязнь, или стремится доминировать над женщинами, он на самом деле боится своей бессознательной природы, которой управляет Анима. В эпоху, охарактеризованную односторонними отношениями, естественно было много так называемого мужского шовинизма. С другой стороны, женщина, требующая освобождения с гневом и местью, как это часто бывает, также препятствует своей собственной индивидуации. Освобождение от изжитых ролей и моделей прошлого не должно приводить к проявлению агрессии.

Все мы должны быть освобождены не друг от друга, а от нас самих непосредственно — от нашего мелкого, невротического, одностороннего эго. Этого освобождения не достигнешь на социальной арене, с помощью журналов, лотерей, лозунгов и шума, а лишь с помощью расширения собственной души. Давайте изменим то, что изжило себя в ролях полов; такие изменения происходили прежде, и будут происходить после. Но давайте не унифицировать наши неврозы, и давайте не возвеличивать их к ложному статусу причин. Если с мужчиной в его жизни плохо обошлась

одна или несколько женщин, это не ошибка всех женщин в целом. Такой мужчина не нуждается в направленном против женщин политическом движении; он лишь должен найти правильную женщину, в себе и вокруг себя. Если женщина была обижена и оскорблена некоторыми мужчинами, позвольте ей остерегаться неприязненного отношения к мужчинам, которые проявилось столь сильно в нашу эпоху. Ни одна верная реформа общества, ни одно истинное усовершенствование стандартов и отношений никогда не смогут вырасти из гнева, ненависти и негодования со стороны кого-либо. Юнг сказал в “Переходе цивилизаций”: “Одна вещь, однако, несомненна — женщина сегодня находится в том же самом процессе перехода, что и мужчина. Является ли этот переход исторически поворотным моментом или не будет замечен — неизвестно”.

То, что происходит, вполне может быть поворотным пунктом истории. Пойдет ли этот поворот случайным путем — зависит от нашей индивидуальной осознанности. Давайте признаем нашу ответственность перед архетипами, ибо только они могут направить исторические события в благое русло, способствующее существенной пользе для нашего духовного роста.

Архетипы, казалось бы, всегда играли двойную роль в психике; они объединяют и разделяют. Эта роль особенно очевидна в случае Анимы и Анимуса. Мужчины и женщины в корне не похожи между собой; они обладают большими биологическими и психологическими различиями. В то же самое время необходимо признать, что те же самые архетипические различия — и есть те факторы, которые притягивают мужчину и женщину друг к другу, и, в конечном счете, приводят к проявлению обратных качеств в пределах каждого из полов. Поэтому те самые различия, о которых мы в нашем желании равенства и освобождения склонны сожалеть, являются также отправной точкой человеческого роста, обретения внутренней целостности и единства вовне. То, что разделяет нас, также и объединяет, и причины

наших бед и проблем — также причины нашей радости и счастья.

Ни Анима, ни Анимус не могут сделать человеческую душу единой, точно также как и ни мужчина, ни женщина не смогут сами по себе составить человеческий род. Обе половины необходимы для того, чтобы появилось что-то, факт, который одинаково верен и для человеческой целостности. Поэтому очевидно, что подавление, иногда называемое половым “сепаратизмом”, мягко говоря, опрометчиво с нашей точки зрения. Утверждать, что одна половина потребностей должна отделиться от другой для того, чтобы обнаружить свой потенциал, или обрести истинную свободу — почти из разряда безумия. Начиная с биологического, и заканчивая психологическим единство человечества зависит от процесса объединения противоположностей, поэтому разделение полов, которого добивались некоторые радикальные феминистки, противоречит целям человеческой биологии и психологии. Дискриминацию полов, как и борьбу между ними, можно было бы считать нежелательной.

На вопрос “должно ли быть равноправие полов?” можно ответить и утвердительно и отрицательно. Можно ответить да, ибо так как каждая из этих двух половинок одинаково важна для создания целого, это должно наконец быть признано и личностью и обществом. Два партнера в алхимической работе обретения целостности должны встретиться как равные, чтобы работа была выполнена успешно. С другой стороны, можно также ответить нет на этот вопрос, поскольку мужчины и женщины уже в действительности равны. Поэтому равенство не приз, который будет выигран, а скорее условие, которое уже существует, хотя еще нуждается в осмыслении и признании в обществе. Мужчины и женщины не должны сделаться равными; скорее их психически обоснованному равенству нужно дать необходимое признание вовне.

Необходимо сделать еще одно важное различие — а именно, между равенством и эгалитаризмом. Есть огром-

ное различие между сознательным, уравновешенным признанием существующего равенства с одной стороны, и подобным бульдозеру усилием при выравнивании всех различий с другой. Эгалитаризм в идеале не хотел бы видеть половые, социальные, культурные и экономические различия. Он не считается с тем фактом, что именно различия, а не тождества — катализаторы изменения, роста и преобразования общества. Эгалитаризм является неизменно застойным, бездарным и унылым, в то время как социальные структуры, предлагающие богатство выбора и разнообразия, жизненно важны и поддаются трансформации.

Настоящая проблема демократического общества — это не слишком большое разнообразие в пределах его структуры, а скорее то, что часто этого разнообразия недостаточно. Демократическое общество должно и обязано предложить осмысленный выбор образа жизни и отношений всем своим гражданам. Навязанные стереотипы женственности или мужественности не должны иметь место в мире свободных мужчин и женщин. Более чем понятно, что многие женщины нашего времени стали обижаться на ограничение женской роли, к которому патриархальное общество вынудило их. Было бы в равной степени объяснимо, если бы все больше мужчин выступали против искусственных мужских стереотипов, навязанных обществом. Свобода и выбор всегда неотделимы в жизни, и люди в свободном обществе должны иметь право следовать своим путем выражения собственной мужественности и женственности. Стереотипы и бесполой эгалитаризм мертвы, неправильны и несовместимы со свободой.

Таким образом, мы приходим еще раз к важному алхимическому компоненту индивидуального духовного роста, который является также существенным фактором для общественного прогресса. Этот компонент — конечно же, свобода. Когда мужчины и женщины вольны выбирать в своей жизни, иметь ли им брак и другие формы отношений, которые могут быть традиционными или нетрадиционными,

когда все могут попасть в отрасли и занять профессии, соответствующие их квалификации, образованию и способностям, и когда все получают оплату своей рабочей силы вне зависимости от пола — тогда, и только тогда человеческое общество сможет претендовать на ту роль, которую ему назначено выполнить. Эта роль должна послужить алхимическим сосудом, который значительно облегчит получение духовного роста.

“Не существует нравственности без свободы”, — говорил Юнг. Мы могли бы добавить, что не существует и не может существовать равенства без свободы. Люди различаются между собой с точки зрения биологии, культуры, идеологии, религии и, в конце концов, пола. От рождения мы либо мужчины, либо женщины, и этот факт просто не подлежит изменению. В свободном обществе судьба мужчин и женщин должна сосуществовать в контексте всеобщей судьбы духовного роста. Каждая женщина кроме всех прочих ролей еще и воплощение Анимы, и как таковая, она является жрицей не только для окружающих ее мужчин, но и для всей культуры в целом. Без преувеличения можно сказать, что наша культура в большой степени потеряла свою собственную Аниму из-за своей чрезмерной мужской ориентации. Поэтому она нуждается в реставрации или, как можно было бы сказать, культура испытывает потребность в ре-Анимации.

С другой стороны, священная роль мужской половины человечества не менее важна и наиболее желательна, как и присутствие здоровой уверенности в себе и противостояния враждебности общества, а также в личных отношениях. Поэтому мужчина и женщина взаимодополняют друг друга в святом служении великой и священной импликации. Если им удастся объединить в рамках своей души и жизни двойные достоинства свободы и сознания, не возникнет ни одного достаточно сильного препятствия, чтобы предотвратить выполнение этой миссии. Поэтому нет ничего лучше, чем подвести итог словами великого композитора Вольф-

ганга Амадеуса Моцарта: Мужчина и женщина, Женщина и Мужчина, вместе они приближают Божественное!

Mann und Weib; Weib und Mann,
Reichen an die Gottheit an!

Глава 4. Психология, Гнозис и новая мораль

Прежде, чем мы сможем обратиться к так называемой новой морали и недоразумениям, связанным с ней, сначала мы обязаны придти к удовлетворительному определению этой самой морали. Слово мораль, [morality] происходит от латинского слова *mos* или *mores*, обозначающего привычки, манеры и обычаи. По-гречески слово *ethos* примерно означает характер, от него происходит термин “этика”. Этика, в свою очередь, часто определяется как изучение стандартов поведения и морали. Поэтому этика — это качество, которое, как говорят, определяет правильность или неправильность, корректность или некорректность человеческого поведения, в то время как мораль, или *scientia moralis* (моральная наука), является областью исследования, которое интересуется этикой.

Три традиционных представления морали

Платон, отец классической философии, считал, что у людей было четыре основных вопроса или проблемы, на которые должна была ответить философия, — первым из них был вопрос морали, или этический вопрос. Эти четыре вопроса: Откуда я знаю? (гносеология); Что я буду делать? (этика); Как мною будут управлять в обществе? (политология); и в каком мире я живу? (космология). Относительно этики Платон говорил, что рациональное (одушевленное) бытие определяет свое поведение в более широком контексте природы мира и смысла человеческой жизни. Считается, что в этом контексте Платон говорил о том, как люди воспринимают идеи, лежащие в основе бытия, событий и других вещей. Поэтому в платонической мысли причинность воспринимается как великий инструмент этики.

Нужно помнить, что для Платона, “причинность” значила намного больше, нежели для нас сейчас, а именно своего рода высший ум (часто называемый разумом), способный к пониманию природы и значения вещей.

Платон разделил человека на три части, — на физическую, разумную и духовную. Сдержанным или умеренным человеком будет тот, как утверждал Платон, в ком воля (дух), разум (душа) и импульсы (тело) будут приведены в гармонию. Этика классической философии, включая учение Платона, Аристотеля, стоиков и других постсократовских классических философских школ основана на этой тройной схеме Платона. Платон, конечно же, был намного больше, нежели выдающимся философом. Есть некоторые свидетельства, что Платон был главным из тех, кто обнаруживал неритуальные, или теоретические составляющие великих мистерий (Элевсинских, Орфических, Дионисийских, жрецов Исиды и других). Это дает интригующую возможность поразмышлять над тем, что Платон мог открывать свету тайные учения и превращать их в философию. В любом случае, влияние Платона было и остается огромным, а его личность и учение уважали даже в средневековый христианский период, так что на протяжении истории его рассматривали как кандидата на святость!

В контрасте с этим, хотя и бок о бок с учением Платона, идет другая этическая или моральная традиция — Иудаизм. Еврейская традиция, которая в большой степени повлияла на Христианство и Ислам, подверглась, в свою очередь, влиянию Зороастризма. В отличие от греков, евреи демонстрируют истинную одержимость моралью и нравственностью. Для греков вопрос этики был только одним из четырех важных вопросов в лучшем случае; однако, для евреев проблема морали была первостепенной. Одна из причин для всего этого — еврейская концепция бога, такая же, как и в различных связанных с ними верованиях. Яхве, как говорят, заключил своего рода “сделку” или соглашение с евреями, о которых он обязан был заботиться, но только

если те повиновались его законам. Человек, который был не в состоянии соответствовать этим заветам, становился, таким образом, не только правонарушителем, но и врагом Бога и его избранного народа.

Так как благосостояние людей зависело от коллективной, а не только от индивидуальной справедливости, ответственность человека за моральные действия приобрела одержимость и страдающую от осознания своей вины до тошноты, часто достигающую высшей точки в нескончаемом состоянии страха перед перспективой гнева Божьего и наказания. (Когда Фрейд характеризовал религию как коллективный одержимый невроз, это была та самая религия, о которой он думал!) Это не только установило моралистическую ориентацию еврейской религии, ведущей к вине и беспокойству, но также привело к нравственно настроенным явлениям, которые Юнг назвал “проецирование тени”. Евреи всегда считали, что Закон Моисея применим в первую очередь и более всего к избранным, но косвенно этот закон простирается на все человечество. Таким образом, люди Ветхого Завета были не только склонны осуждать себя со значительной частотой, но и подвергали осуждению моральные стандарты своих “языческих” соседей.

Отсюда мы получаем две большие моральные традиции, сосуществующие в древнем мире: классическая греко-римская традиция, основанная на учении Платона, и еврейская традиция, основанная на Торе. Греко-римская традиция считает, что причинность, или разум должен найти свою собственную мораль, какова она есть; еврейская традиция говорит, что Бог дал закон, которому должно следовать всем, иначе страшные наказания ждут и конкретного человека и всех людей.

Когда зарождалось Христианство, оно сделало беспрецедентный шаг. Оно объявило новое измерение, новую эру, и, следовательно, новый подход к морали и этике. Существует лишь небольшое сомнение в том, что ради своих намерений и целей Иисус открыто отрекся или отменил

Закон Моисея, и поэтому он и был убит. И канонические, и гностические евангелия содержат многочисленные слова Иисуса, объявляющего новые заповеди и поощряющего людей сломать старые. Однако, поскольку Христианство росло, оно не всегда находило удобным открыто придерживаться этой аморальной или либертарианской программы.

Как и следовало ожидать, древние люди, которые были преданы либертарианскому примеру Иисуса, были гностиками. Они восхищались объявлением Моисеева Закона более не действующим, и они открыто с восхищением нарушали его заповеди на страх набожным. В общих чертах, и особенно с точки зрения того, что можно было бы назвать их протопсихологией, гностики находились в согласии с Платоном, хотя они дали его модели новый и несколько иной поворот. Трем составляющим человека, упомянутым Платоном, а именно, воле, разуму и импульсам, они противопоставили другую трехчастную модель, состоящую из духа, души и материи (или физического тела). Гностики утверждали, что Платон был прав, говоря, что существует три части человеческого психофизиологического организма, но он в то же самое время ошибся в том, что разум достаточно силен для того, чтобы заставить людей сохранять самообладание и отдавать ему приоритет. Скорее они считали, что у людей есть различные моральные силы, которые могут быть классифицированы согласно трем различным типам.

Психологическая типология, созданная гностиками, делит людей на тех, кем управляет дух (пневматики), тех, кем управляет душа (психики) и на тех, кем управляют материальные импульсы (гилетики). Можно было бы сказать, что они представили психологическую интерпретацию взамен чистого философского идеализма Платона. Гностики говорили, что никто не приходит к одному и тому же заключению относительно того, что есть правильно и что есть не правильно, потому что никто не ощущает реальность в одинаковой манере. Восприятие действительности, моральная ли это действительность или любая иная, зависит от духов-

ного развития. В то время как Платон искал критерии этики в идеях, и еврейская религия искала их в Законе Моисея, гностики считали, что эти критерии находятся в человеке.

Таким образом, у нас теперь есть три различающиеся моральные позиции: платоновская, еврейская и гностическая. Давайте сравним их. Платоновское представление держится на том, что причинность должна культивироваться, потому что причинность в состоянии осмыслить истинные идеи, пребывающие вне земных вещей. Посредством причинности (разума) люди будут в состоянии выражать истинную, духовную волю, взявшую господство над низшими импульсами. Еврейская концепция заявляет, что есть один Бог, у которого есть один закон, который должен соблюдаться всеми. Гностики ввели понятие, что правильное действие возможно лишь в правильном состоянии сознания, или Гнозиса. Только те, кто находится в истинном контакте со своей духовной природой, являются нравственно правильными; все за исключением этого истинного контакта несет в себе семена искажения. Отсюда следует, что в то время, как Платон сосредоточил свой моральный или этический смысл в разуме, гностики отождествляли его скорее с духом, самой высшей из трех составляющих человека. Примечательно, что гностики также заявили, что мораль зависит от сознания, и что нельзя ожидать того же самого уровня нравственности от несознательного человека, поэтому каждый частично или полностью сознательный человек — истинный гностик-пневматик.

Гностики понимали, что бессознательный или гилетический человек имел потребность в моральном кодексе, соответствующем его состоянию, и отчасти сознательный психик опять же нуждался в моральном кодексе, соответствующем этому типу. Точно так же и пневматик, или истинный гностик, который получил мораль путем вдохновения от духовной природы, нуждался в свою очередь в кодексе, чтобы жить согласно вдохновленной пневматической морали. (Этот принцип был известен еще во времена

древних и воплощен в популярной латинской пословице, “Что допустимо для Юпитера, не допустимо для быка”).

Как известно, гностики были вынуждены сойти с исторической арены в третьем столетии, и их этика не сохранилась, по крайней мере в известном масштабе. То, что сохранилось, — это ветхая этика господствующего христианства. Эта моральная традиция могла бы быть описана как любопытная мешанина, составленная из множества элементов, но без центрального ядра, или причины, или духовности. Еврейский закон, христианские знания, платонический идеализм, аристотелевский рационализм и другие элементы — все в конечном счете введено в христианское моральное богословие, равно как и удивительные дополнения, включая теорию предопределения реформатора Кальвина. Это моральное богословие было неизбежно объединено с космологией, и уподобилось немыслимому лоскутному одеялу разнородных идей и традиций.

Угасание традиционной морали

Некоторое время все шло стабильно, но со времен Ренессанса христианская космология, как и мораль, начала ломаться, и это продолжается до сих пор. Как Джеральд Херд указал в своей оригинальной трилогии о нравственности (Нравы С 1900; Боль, Пол и время, Третья этика), и как я отметил в Главе 1, такие люди как Коперник, Галилей, Макиавелли, Ньютон, Дарвин и наконец Зигмунд Фрейд вбивали все более крупные клинья в космологическую и этическую структуру традиционного господствующего христианства. Последним, и до некоторой степени наибольшим из этих разрушителей, оказался, несомненно, Фрейд. Он лишил сокровенные уголки души реального или предполагаемого присутствия Божественной искры, и вместо нее возвел на престол инстинктивное либидо. В действительности, Фрейд сказал этим, что нет никакого Бога; нет никакой души; есть только относительно слабое сознательное эго, пытающееся противостоять против великих сексуальных сил бессозна-

тельного. И он должен был закончить, добавив: и пусть несуществующий Бог пощадит вашу душу, которая является безнадежной неразберихой!

Учение Фрейда стало бомбой для культуры, и он сам не до конца осознавал этот эффект. Фрейд был любопытным человеком, консерватором среднего класса, ему не хватало смелости и сентиментальности во многих областях жизни и в воображении. Несмотря на все его разговоры о сексе и либидо, он был очень привязан к обычным традиционным табу и обычаям, и как все обыкновенные люди, он совершенно обычно и украдкой сломал некоторые из них. Как и многие атеисты девятнадцатого века, он также питал странную идею, что этика, оторванная от метафизики и космологии (с точки зрения мировоззрения), могла выжить в обществе. Он не видел ничего противоречивого в том, что люди могли жить бездуховно на основе космологии и набора ценностей, и при этом все еще оставаться хорошими и умеренными членами цивилизованного общества.

У Юнга была другая позиция. Как и древние гностики, Юнг считал, что для истинной морали существенны не столько внешние рамки, а сколько внутренне преобразованные сознанием. Уже 1910 году Фрейд и Юнг спорили об основах этики и роли морали в жизни человека. Фрейд защищал правила и законы как абсолютно необходимые гарантии цивилизации, в то время как Юнг утверждал, что главной задачей является поднятие человеческого сознание на уровень бытия, и тем самым приобщение к высоким этическим и моральным качествам. Юнг вновь повторял на современном психологическом и, время от времени, философском языке то, что знали древние гностики приблизительно одной тысячей восьмьюстами годами ранее — а именно, что истинная этика, или реальная экзистенциальная этика, возникает только из преобразования, и что все остальное — замена, которую на немецком языке точно называют суррогатом. У Фрейда было определенное понятие того, что люди должны знать, как себя вести, в то время как

у Юнга было гораздо менее смутное представление, что люди должны вырасти и стать пневматиками — преобразовать себя в духовных существ. Тогда их моральные трудности завершились бы.

Фрейд оказал намного более сильное влияние на культуру, нежели Юнг. Его идеи были распространены более широко и за счет их популяризации, и часто благодарят тому, что они вызывали немало паники и хаоса в обществе. Фрейд, который лично был скорее викторианским отцом семейства, был бы удивлен, узнав о любопытном пути, которым его идеи привели к эпохе вседозволенности и попустительства в воспитании детей и образовании. Обоснование этих эксцессов гласило: никто в действительности не виновен, поскольку все по сути жертвы огромного монстра — бессознательного. Поэтому наказания любого вида не обоснованы. Мерзкие, жестокие и унижительные действия на самом деле не совершены криминалом, а несчастными жертвами своего бессознательного. (Добавьте к этому аргументу немного марксистских специй, и преступники становятся не только жертвами своего бессознательного, но и злого капиталистического общества, — демона, даже более чудовищного, нежели бессознательное Фрейда.) Угнетение на взгляд Фрейда является злом, и поэтому дисциплина является таким же злом. Поэтому мы должны дисциплинировать как можно меньше, чтобы не подавлять.

Одна из концепций Фрейда стала взрывом, который привел к социальной перестройке. Фрейд считал, что это должно приспособиться к внешней реальности, и если это не произойдет успешно, человек станет невротиком. Из этой концепции популярная псевдопсихология вывела теорию, что образование должно использоваться в целях социальной адаптации. Этим теоретикам было неважно, научатся ли школьники чему-нибудь, в то время как главная цель школы — способствовать социальной адаптации. Школа становится социальным инкубатором (термин, придуманный покойным Робертом М. Хучинсом) вместо места обучения.

Для молодых людей становится наиболее важно получить социальный опыт в школе, нежели чем овладеть даже самыми элементарными навыками, и даже ухватить хоть капельку огромного наследия западной культуры. Без дисциплины, без представления о ценностях, без существенных навыков мышления, без разбора в своих чувствах — под этим пагубным зонтиком образовательных принципов, навеянных фрейдистской психологией или ее популяризированными последователями, выросло несколько поколений. Множество ценного психического материала было утрачено в культуре. И что мы получили? Люди лучше приспособлены? Нет. Действительно ли меньше невротиков? Решительно нет. Являются ли они менее склонными к преступлениям и психическим заболеваниям? Нет. Счастливы ли они? Нет. Они здоровы умом и телом? Нет. Бухгалтерский счет показывает немного на дебетовой стороне, и много по кредиту. Влияние Фрейда на нашу культуру было одним большим убытком!

И что Юнг? Как истинный гностик, он всегда настаивал на том, что единственное важное знание должно проявиться в сознании. Это знание — Гнозис, с помощью которого мы можем подняться не только над своими импульсами и недостатками, а прежде всего освободиться от оков собственной обыденной морали. Ученик Юнга Эстер Хардинг, цитирует его высказывание из своих дневников:

Если мы сознательны, мораль больше не существует. Если мы не сознательны, — мы все еще рабы, и мы прокляты, если не повинемся этому закону. Он [Юнг] сказал, что, если мы принадлежим к Тайной Церкви, значит принадлежим, и мы не должны беспокоиться об этом, и можем пойти нашим собственным путем. Если мы не принадлежим к ней, никакое обучение или организации не смогут привести нас туда¹².

Здесь мы видим ненавистный многим элитизм гностиков. Но что из этого? Может ли быть моральное равенство?

---

¹²Esther Harding, C.G. Jung Speaking

Может быть мораль, которая равно применима ко всем? Ответ в том, что такого быть не может. Люди равны между собой в изначальном духовном потенциале, но они совсем не равны в его фактическом развитии. Не все люди сознательны; а на самом деле очень немногие. Некоторые лишь частично или временами сознательны, а большинство весьма бессознательно. В наши дни, как это было когда-то в Александрии и других гностических городах, есть люди материального склада или гилетики. Они нуждаются в моментальной справедливости, материальных средствах устрашения к совершению преступлений, в наказании, а не в реабилитации. Есть в наши дни также и психики, которые являются людьми закона и книги. Они нуждаются в моральном кодексе, написан ли он Моисеем, Кантом или Юмом, который будет вести их. Верующие должны верить, полагая, что веруя они смогут жить в мире и покое. В свое время они, возможно, поймут, что больше не нуждаются в вере. Но до той поры позвольте им поклоняться своим законам и жить по ним как можно лучше. И, конечно же, есть сегодня и гностики пневматики, знающие и сознательные. Они переросли закон; более того, они сами — истинное воплощение закона. Они слышат команды изнутри ежедневно, ежечасно, и поэтому они не нуждаются в заповедях. Это мужчины и женщины, которые прошли великую скорбь, болезненные и напряженные открытые столкновения, совершившие трудный и рискованный моральный выбор, и тем не менее победившие. Это те, кто, по словам Юнга, действительно “принадлежит Тайной Церкви”, Великому Храму Внутреннего Гнозиса. Юнг был таковым, но есть и другие. Они — соль земли, и более того, они — живые философские камни.

Свобода и новая мораль

В этой главе говорилось что-нибудь о новой морали? Возможно да, а возможно и нет. Это не столь различимо. Так называемая новая мораль на самом деле не нова. В то время

как некоторые бесполезные и глупые элементы без сомнения появятся в этой новой морали, это будет по существу здоровым знаком. Сексуальная неразборчивость, эксперименты с неосуществимыми альтернативными образами жизни и безответственное поведение в целом, как было известно, сопровождает изменения в моральном климате культуры. Лучше всего увидеть такие явления с ходу и расценить их как тени, сопровождающие свет свободы. Еще раз мы признаем, что неблагоприятно и жестоко требовать, чтобы все люди жили по общему, неизменному моральному кодексу. Некоторые общие соглашения должны быть достигнуты и в отношении общественной морали, но эти соглашения должны быть основаны на целесообразности, а не на откровениях, полученных на Горе Синай или ей подобных. Личная мораль должна оставаться личной и свободной. Таким образом, индивидуальные души естественно найдут свои особые моральные ниши в мудром и свободном обществе и будут расти духовно и нравственно в их собственном темпе и своим собственным путем. Истинно плюралистическое общество неизбежно было бы гностическим обществом. Оно не было бы ни анархическим, ни тираническим, ни эгалитарным, ни элитарным, а свободным. Свобода предусматривает не только право жить согласно тому или другому кодексу, а скорее право выбора, эксперимента, роста и право на неудачу. Мы не принадлежим Господу; и при этом мы не принадлежим Дяде Сэму, а только самим себе. Свобода в истинном смысле — единственная гарантия прожить полную и разнообразную жизнь; нет никакой другой. И повторив еще раз слова Юнга, “нет никакой морали без свободы,” давайте обсудим ее угнетателей.

Глава 5. Психология и мистика тирании

Прежде, чем начать наш разговор о природе тирании, будет полезно дать определение этому понятию. Как отмечалось в главе 1, древние греки, от которых получено очень много понятий, относящихся к нашим собственным политическим

и правительственным системам, различали три формы правления. Одной из них была аристократия, считавшаяся лучшей; второй была демократия, рассчитанная на более низкие сословия; и третьей была тирания, или *tyrannis*, поскольку она была признана греками.

Из этих трех аристократическая форма правления была одобрена большинством философов и другими выдающимися людьми в Греции. Демократия расценивалась как довольно нежелательная, а тирания считалась еще более нежелательной, чем демократия. Конечно же, мы должны учесть, что в случае демократии, понятие содержание этого термина изменились со времени греческих городов — государств.

Однако, греки были сильнее настроены против тирании, которую они отличали от царствования, четвертой формы правления, известной с древности. Царствование — монархическая форма правления, подразумевающая власть одного человека, *monos*, но не в деспотической манере. Тиранией греки называли безграничную власть, или чрезмерное влияние одного человека, который пришел к своему господству вне выбора и закона, и кто не ограничен в осуществлении этой власти ничьим влиянием, будь оно личным или коллективным. Греки считали такой вариант безграничного господства одного человека очень вредным для благосостояния государства.

Отношение римлян к этому вопросу было аналогичным во времена республики. Обычно в мирные времена правительство возглавлял избираемый синклит из двух человек, называемых консулами. Однако, как только в стране возникало чрезвычайное положение, римляне выбирали диктатора. Они согласились бы с Наполеоном, диктатором, заявившим много веков спустя, что в особо трудные времена, одна голова, пусть даже и весьма посредственная, наиболее предпочтительна для государства, нежели компромисс из любого количества голов превосходных. Как только сложные времена в стране завершались, римляне пытались, не всегда успешно, избавиться от диктатора; но тогда, как и теперь,

диктаторы предпочитали удерживать власть, которую они получили.

Как и римляне, мы испытывали на протяжении истории утверждение тирании, происходящей из многих различных систем правления. Этот процесс не чужд и нашей эпохе, поскольку он не был чужд человечеству никогда. В настоящее время и в новейшей истории, мы видели множество форм тиранического правления. Одним из видов тирании является прежде всего тирания психологическая, которая в отличие от всех остальных поддерживает свою власть прежде всего рационально организованными средствами. Из всех этот первый тип наиболее интересен, и мы подробно разберем его, потому что психологический, духовный и квазирелигиозный аспекты здесь очень существенны.

В психологическом типе тирании, властитель появляется как выразитель большого, сильного и обычно внезапно начавшегося психологического веяния или движения. Если мы рассматриваем тиранию как нечто нежелательное, мы могли бы сказать, что тиран — основной симптом, и даже до некоторой степени развивающий патогенное явление, которое в медицине можно было бы назвать психической эпидемией.

Такая тирания является обычно чрезвычайно драматичной. Она пользуется значительной популярностью, по крайней мере временной, и она представляет собой таинственную, тревожную и очень часто пагубную вспышку специфических психических сил, не поддающихся контролю со стороны народа. Даже в светскую эпоху, и даже в условиях, когда больше не используются традиционные или установленные символы религии, этот тип тирании носит прежде всего религиозный характер, если мы понимаем под словом “религиозный” — связанный с нерациональным, глубоким бессознательным человеческой психики.

Недавним и самым важным примером такого типа тирании было правление Адольфа Гитлера и его партии NSDAP¹³ (Национал-Социалистической Немецкой Рабочей Партии). Тип тирании, установленной Гитлером, является самым существенным и обычно самым разрушительным из всех.

Вторая форма тирании несколько похожа на первую, хотя психологическое состояние или склонность установить тиранию может появиться у людей или нации. Эта тирания не обладает таким глобальным психологическим воздействием и властью, как первый тип. После некоторого времени психический запал начинает испаряться, и тирания продолжает поддерживать себя посредством рациональных, управляемых организационных действий и силы. На мой взгляд, этот вид тирании представлен сегодня все еще выжившими Коммунистическими однопартийными правительствами во всем мире, — КНР, Кубы, Северной Кореи и Вьетнама. Ни в одной из этих стран мы не можем наблюдать реальной психической эпидемии той величины и характера, как это было в нацистской Германии.

В таких случаях мы имеем дело не с истинной психической эпидемией, а скорее с временной и довольно недолгой психической вспышкой. Позже она становится институциональной группой, своего рода тиранической олигархией, часто поддерживающей свою власть в течение долгого времени.

Два типа тиранов

Чтобы проиллюстрировать их, позволим себе сравнить Муссолини, Гитлера и Сталина. Муссолини, наряду со всеми остальными, был еще кем-то вроде клоуна, и вы никогда не сможете в полной мере осудить клоуна, потому что у него есть по крайней мере некоторая развлекательная ценность. Его диктатура, как представляется, была гибридом двух указанных выше типов тирании. Но если вы сравните Иоси-

---

¹³ National-Sozialistische-Deutsche-Arbeiter-Partei.

фа Виссарионовича Сталина с Адольфом Гитлером, то Вы найдете, что они полностью не похожи друг на друга. Они произвели ужасные явления в истории и принесли невыразимое страдание и смерть большому количеству людей, но в разной манере и из разных побуждений.

Гитлер был схвачен и поднят на высоту неконтролируемыми силами своей таинственной психической природы и удержался при помощи душ своих людей. Он ехал на гребне волны этих сил, пока длился психический шторм. И как только он стих, реальная власть Гитлера, не имеющая отношения к внешней стороне власти, — террору, армии и оружию, — его внутренняя власть управлять и делать то, чего он желал, иссякла. Если взглянуть на историю Второй Мировой Войны, то можно точно определить время, когда фортуна начала покидать Гитлера — когда он больше не был переполнен своим исключительным, злым, импульсивным, но в действительности творческим вдохновением, сопровождающим его карьеру с самого начала. Гитлер начал терять связь с “богом” вдохновения и власти в то время, когда психическая эпидемия у немецкого народа начала утихать; и когда это случилось, он больше не был олицетворением великих, мощных сил бессознательного своих граждан. Стоит отметить, что Гитлер пришел к власти и удерживал ее в течение значительного времени по воле подавляющего большинства немецких граждан. Гитлер был популярным правителем приблизительно до 1942, плюс-минус год. Таким образом, существуют почитаемые тираны. Тирания никоим образом не исключает поддержку народа.

Теперь, наперевес Гитлеру, противопоставим фигуру Сталина — всегда холодный расчетливый человек, полностью контролирующий свои мысли и чувства; дипломатичный, умный и, за исключением последних лет своей жизни, чрезвычайно реалистичный в оценке всего происходящего вокруг. Он был человеком, который стер с лица земли миллионы людей не в какой-то фантастической эмоциональ-

ной одержимости расовым мифом, а благодаря полностью холодному, расчетливому менталитету вывел то, что такой специфический курс действий был в его интересах и на выгоду общей цели. Мы находим, конечно, что наряду с этими очень живучими тираническими системами, есть и другие, попадающие в промежуток между этими категориями и имеющие определенное отношение и к первому, и ко второму типу. Например, мы находим много диктатур и тираний в Латинской Америке и в Странах третьего мира. То же самое верно в различных местах, где власть осуществляется народом, который или склоняется в сторону психологической диктатуры или, с другой стороны, просто с холодным расчетом манипулирует своей властью, чтобы ее удержать.

Тирания Гитлера

Так как психологический подтекст и аспект правления в большей мере относится к нашему разговору о свободе, в дальнейшем я уделю особое внимание тирании Гитлера. Гитлер, не без оснований, воспринимается многими людьми как воплощение монументального зла. Он виновен в самой великой и самой разрушительной до настоящего времени мировой войне, он также был тираном, вызвавшим Холокост, уничтоживший миллионы людей. Все это он проделал в течение относительно короткого, но очень напряженного промежутка времени¹⁴. “Тысячелетие Рейха” продлилось не намного больше пятнадцати лет. И все же за этот короткий

---

¹⁴30 января 1933 года Адольф Гитлер был провозглашен рейхсканцлером в полном соответствии с тогдашней конституцией Германии. Уже в феврале 1933-го года он отменил свободу печати и свободу собраний, в марте — лишил власти парламент, в апреле — упразднил правительства федеральных земель, в мае — разогнал свободные профсоюзы, в июле — запретил все партии, кроме национал-социалистической. В апреле же начались бойкоты принадлежавших евреям магазинов, евреям было запрещено работать врачами, адвокатами, журналистами, учителями в школах и преподавателями в вузах. И уже весной 1933-го года были созданы первые концентрационные лагеря.

период времени Гитлер сделал все, чтобы достичь величайшего разрушения и резни как в своей стране, так и за ее пределами, неизвестного ранее в истории. Это поразило людей, и поражает их до сих пор. Это особенно удивляет людей, которые не видели, как это произошло, хотя даже и те, кто видел, удивлены этим еще больше.

Трудно признать, что явление, такое как Гитлер имело полностью мирской и естественный характер. Слишком ошеломляет мысль о том, что такая массивная резня могла случиться просто так, и поэтому очень легко в уме возникает предположение, что какие-то необычные, ненормальные, иррациональные, или возможно даже сверхъестественные силы вмешались в это все. И в самом деле, все больше литературы, кажется, продвигает именно эту точку зрения. Очень часто, когда в мировой истории мы встречаем кого-то, кого считаем олицетворением зла, мы склонны предположить, что зло, принесенное этим человеком в мир, настолько колоссально, что должно иметь источник вне этого человека — что настолько много зла не может принести одна личность, или даже группа людей. Мы предполагаем, поэтому, что некое метафизическое, дьявольское, своего рода сатанинское зло замешано здесь.

Это отнюдь не нелепое заключение само по себе — не потому, что я лично верю в дьявола с рогами и хвостом, хотя я иногда жалею об этом, потому что это — интересный и романтичный взгляд на зло. Но, к несчастью, мы не можем в действительности связать вид чертовщины, происходившей тогда в Германии, с обычным видом романтических чертей. Было задействовано что-то еще. В сущности, у каждого есть свой собственный дьявол, и когда люди предали древних бесов забвению, оставив их в Средневековье, они должны были начать изобретать своих собственных чертей. Конечно, у Гитлера были свои бесы — еврейский народ. Он чрезвычайно нуждался в них, потому что благодаря этой ненависти, этого антагонизма, этой пропаганды, он и при-

шел к власти. Подобным образом многие люди обзаводятся собственными чертями.

Позже, в оккультных и метафизических кругах возник миф о черной магии Гитлера, или о чертовщине Гитлера. Это понятие было прежде всего документально подтверждено в любопытном сборнике идей под названием “Копье Судьбы” английского автора Тревор Равенскрофта. Эта маленькая книга упала на мир своеобразной бомбой приблизительно в 1973, вызвав много шума. Равенскрофт не был одинок в своей попытке объяснить феномен Гитлера с точки зрения странного, злого, оккультного мифа. Он был вдохновителем и предшественником нескольких других, в особенности французского автора Жана-Мишеля Анжебэ, книга которого *Hitler et la Tradition Cathare*, (Гитлер и Традиция Катаров), была переведена на английский язык под названием “Оккультизм и Третий Рейх”¹⁵. Книга Анжебэ очевидно дала Равенскрофту общее представление о том, как придумать интересный миф.

Жан-Мишель Анжебэ пишет согласно жанру, существовавшему в течение длительного времени, и в особенности во Франции. У французов есть традиция, по которой люди пишут книги якобы с одной точкой зрения, но в то же самое время тайно преследуют различные цели, часто противоречащие ей. В книге Анжебэ ясно и понятно сказано, что Гитлер обладал Святой Чашей Грааля, которая до того времени была во владении Катаров. Согласно Анжебэ, Чаша Грааля была найдена немецким археологом в пещере в Пиренеях и отправлена в Германию. Простой и дикий тезис Анжебэ вдохновил создателей недавно популярного фильма “Индиана Джонс и последний Крестовый поход”, который точно повторяет этот сценарий за исключением окончания.

Тревор Равенскрофт добавил к мифу еще и то, что наряду с Чашей Грааля, Гитлер обладал различными другими магическими артефактами, в том числе и таким как пика

---

¹⁵ Jean-Michel Angebert, *The Occult and the Third Reich*

или копье. Он пересмотрел тезис Анжебэ, и обратиться к копью, которое он назвал “Копье Судьбы”. Копье Равенскрофта не должно было выйти на свет из Пиренейских гор; вместо этого оно отдыхало в одном из прославленных запасников Имперского Музея в Вене, где я был несколько раз. Я, возможно, даже видел копье или его копию, потому что я посетил комнату в Музее Хоф в Вене, где хранятся Reichskleinodien, что означает “Имперские безделушки”. Среди них было много священного хлама, включая поддельное Копье Longinus, которое Равенскрофт повторно окрестил Копьем Судьбы.

Кратко говоря, тезис, представленный к обсуждению Равенскрофтом, гласил, что копье, обладающее большой магической силой, попало в руки Гитлера. Посредством этого объекта власти он был в состоянии воплотить все зло, которые он сотворил. Рэвенскрофт добавил все виды путаницы и преднамеренную оккультную неразбериху в жизнь Гитлера. Например, он утверждал, что множество немецких политических деятелей, государственных деятелей и лиц, состоящих в околополитических кругах, в какой-то момент имеющих некоторую связь с нацистской партией, участвовали в оккультной или близкой к ней деятельности.

Эта идея допустима, потому что период между двумя мировыми войнами был до некоторой степени весьма подобен нашему нынешнему. В Европе, и особенно в Германии, значительно возрастал интерес к оккультизму и метафизике. В это время организации и отдельные учителя имелись в большом количестве, от наиболее представительных и интересных, таких как доктор Рудольф Штайнер¹⁶, до в значительной мере бестолковых, таких как Ланц фон Либенфельс¹⁷ и генерал Эрих Людендорф¹⁸. И поэтому

---

¹⁶ Нем. *Rudolf Steiner*, 1861–1925 — австрийский философ-мистик, писатель, эзотерик, создатель духовной науки, известной как антропософия.

¹⁷ Нем. *Jörg Lanz von Liebenfels* 1874–1954 — религиозный фанатик, считавший себя отцом национал-социализма. Будучи послушником монастыря Хейлигенкрейц, в котором он находился в течение шести лет,

легко найти отдельных людей в окружении Гитлера, или в некоторой связи с нацистской партией, кто был вовлечен в оккультные исследования.

Прошедший первую мировую Глава Имперского Главного штаба, граф Хельмут Фон Мольтке младший, был близким соратником и учеником Рудольфа Штайнера. Кроме того, генерал Мольтке был весьма убежден в том, что у него было много предыдущих воплощений, о которых он свободно говорил. Неудивительно, что он не продержался очень долго на своем посту в Первую Мировую Войну. Ряд других выдающихся немцев также имели причастность к оккультизму, такие как профессор Карл Хаусхофер, бывший генерал, ставший профессором Мюнхенского университета. Он был известен своей разработкой термина и идеи геополитики. Были и другие, включая Дитриха Эккарта, главу Рабочей Партии Германии, предшественницы нацистской партии, и ему подобных. Но ни один из этих фактов в любом случае не доказывает, что действия Гитлера были основаны на колдовстве в обыденном смысле слова.

“Колдовство” Гитлера

С моей точки зрения, Гитлер владел колдовством, но оно имело совсем иную природу, нежели подразумевал Равенкрофт. Было два фактора, вовлеченные в тип колдовства, которым владел Гитлер. Первый из них, который можно было бы назвать в некотором смысле положительным, — это чары волшебной личности Гитлера. Он был одним из

Либенфельс заинтересовался расовыми вопросами. Оставив монастырь в 1899, он основал Орден Верфенштейн (Ordensburg Werfenstein), целью которого было содействовать “чистоте” расовых основ арийской нации. В собственном журнале “Остара”, названном в честь тевтонского бога красоты, Либенфельс отстаивал концепцию расовой чистоты. Несмотря на то, что журнал выходил нерегулярно, общий его тираж в Австрии и Германии достигал 100 тыс. экземпляров.

¹⁸Нем. *Erich Ludendorff*, 1865–1937 — немецкий пехотный генерал (1916), один из идеологов германского милитаризма. Активный поборник развязывания новой мировой войны, автор концепции “тотальной войны”.

тех харизматических людей, которые в состоянии передать большому количеству людей те идеи и суждения, которые иначе могли вызвать сопротивление. Нет абсолютно никаких сомнений в том, что это было так. Он был чрезвычайно околдовывающей личностью, но в то же самое время не располагавшей к себе. Он ни в коем случае не был красивым, а скорее потертым и тощим на вид, с голосом, который не был особенно звучен или благозвучен к немецкому языку, и был совсем не эстетичен. Он говорил на немецком языке с австрийским акцентом, и при этом довольно вульгарно. Было очень немного в этом человеке из того, чтобы впечатлить общественность. Все же, как только он выходил на платформу, заговорил в своей кричащей манере, он заставлял аудиторию приходить не смотря ни на что, он приводил в восторг, и убеждал, и околдовывал людей самым удивительным образом. Это было то, что можно назвать “положительной” силой, происходящей от Гитлера.

С другой стороны, у Гитлера также имелись и “отрицательные” колдовские чары, потому что он был в состоянии вызывать волшебным образом отрицательное проецирование неприязни, ненависти и антагонизма из глубин бессознательного очень многих людей. Он взывал, на самом-то деле, к тем самым чертям, тем самым демонам, которые в бессознательном этих людей хотели ненавидеть; он трансформировал людей посредством этих специфических отрицательных сил. Современный немецкий историк Эрнст Нольте отметил, что имя Гитлера было известно в любой сфере, среде, независимо от ее специфики. Нольте подразумевал под этим не обязательно спиритуалистическое значение этого термина, а скорее способность человека стать транслятором для обычно подавляемых и подавленных сил бессознательного большой массы людей. Посредством комбинации этих чар Гитлер стал невероятным в психологическом отношении вдохновленным тираном эпохи.

Мы можем упомянуть еще и возникший в связи с этим своеобразный интерес в литературе, вечно ищущей темные

углы в действиях Гитлера, ведь ей даже удалось связать Гитлера, без малейшего на то основания, с жившим в те времена во Франции российским магом Георгием Ивановичем Гурджиевым, французом Луи Повелем, бывшим учеником и недолголюбивателем Гурджиева. Повель отошел от Гурджиева, и впоследствии, сознательно или бессознательно, хотел отомстить старику, сочиняя книги, в которых он обвинял Гурджиева в каждом виде гнусной деятельности, которая только существует в мире. Повель, в конечном счете, написал книгу в соавторстве с Жаком Бержье, бывшую также весьма популярной и в Европе и в Америке, под названием “Утро магов” или “Заря магии”¹⁹. Книга бросала журналистскую пыль в глаза общественности, подразумевая, что так или иначе из своего одинокого и нуждающегося изгнания в пригороде Парижа, Гурджиев управлял Гитлером и говорил ему, что сделать. Идея, разумеется, весьма нелепая. Много фантастических историй о Гитлере циркулировали подобным образом. Но мы должны запомнить прежде всего то, что было на самом деле в случае Гитлера, поскольку это очень часто и есть “колдовство” в реальности. Явление имело чудесную природу, но это не то волшебство и колдовство, придуманное и воплощенное этими людьми в своих книгах. Оно носило намного более прямой, но также и намного более разрушительный характер.

Пример Германии

Что же тогда фактически случилось в Германии? Какая психологическая сила мотивации вознесла тиранию Гитлера на вершину? Гитлеру не нужно было призывать демонов, как это классически делают маги. Воззвание было сделано для него силами истории. К примеру Германии мы все должны отнестись с большой серьезностью и извлечь из него уроки. В большей степени, нежели любая другая нация или любой другой народ, Германская Империя подошла

---

¹⁹*The Morning of the Magicians* или *The Dawn of Magic*

к преобразованию в обучении, своей общественной жизни, официальной государственной церкви и в ее религиозной жизни путем рационализма, закона и порядка. Начиная с объединения немецкой нации и учреждения Бисмарком Германской империи²⁰, Германия шла этим курсом с конца девятнадцатого века. Романтичный, поэтический, чувственный аспект души немцев, их влечение к темным тайнам бытия, вспомним Фауста, как и богатый литературный немецкий язык — все это было постепенно загнано в подполье. Следовательно, колоссальные силы эмоциональной власти росли в бессознательном немецких граждан. Разум управлял. Эффективность управляла. Закон управлял. Мир, по крайней мере, внутренний мир, всегда был основой для того, чтобы укрепить управление разума, но под всем этим кипели колоссальные эмоциональные силы.

Тогда вмешались исторические обстоятельства. После поражения так называемых основных сил (Германии, Австро-Венгрии и Османской империи) в конце Первой Мировой Войны, вся установленная структура, со всей ее физической и психологической властью была сломана. Немецкая империя пала. Император Вильгельм II бежал в Голландию, и вся система разрушилась с большой помощью извне. В первую очередь были разрушены символы власти, символы закона и разума. Создался огромный психологический вакуум. Средств контроля, которые сдерживали силы бессознательного в течение такого долгого времени, больше не стало. После относительно краткого периода колебаний, из бессознательного немцев вырвались демоны ада, древние Боги, как Карл Юнг назвал их, — древние, воинственные, жестокие, бескультурные, разрушительные, скандинавские, германские боги предшествующей эры, символически говоря произвели взрыв, поднявшийся над землей и охвативший

---

²⁰Создание в 1871 году вокруг королевства Пруссия федеративного государства Германская империя из нескольких десятков независимых государств с немецким населением.

умы и души людей. И как это неизбежно случается в такое время, возник человек как олицетворение этих сил. Бессознательные силы, архетипы, боги, как мы не назовем их, всегда найдут своего выразителя, свою среду, свой мундштук. И главным мундштуком для этих сил стал, конечно же, Адольф Гитлер.

Пути, которыми действовал Гитлер, особенно в течение того периода, когда он все еще имел успех, психологически очень интересны. Гитлер был полностью неспособен и не желал создавать любую отчасти систематическую организацию труда. В этом отношении он очень отличался от остальной части немецких людей. Он обладал богемным, творческим темпераментом. Он был неважным художником, который не способен ворваться или выделиться в творческом мире, был более или менее бродягой большую часть своей жизни, и оставался им, пока не попал в армию во время Первой Мировой войны, а затем, после этого, в политику. Тем не менее, с этим совершенно неорганизованным и бессистемным образом жизни и способом мышления, Гитлер был способен использовать свою невероятную творческую интуицию в своих целях. Люди, знавшие его и бывшие в его окружении, рассказали бы, что при необходимости принять важное решение, Гитлер будет медлить в течение многих дней или недель. Он будет ходить кругами по своей квартире, находящейся, как правило, в горных отступах Бертегсдена, и вести себя очень нервно. У него был ужасный характер. Он был несчастен до крайности и подвергался бы невероятным приступам депрессии и неразберихи в это время. Что-то очевидно кипело и вспенивалось в нем. А потом вдруг он вышел бы из своей комнаты, его глаза прояснились, выражение лица изменилось бы. Он достиг решения; оно пришло к нему. Тогда он двигался со скоростью молнии, давая команды каждому по всем линиям. И затем, конечно же, его великолепно организованный военный и политический аппарат исполнил его решение.

В то время как Гитлер был в состоянии действовать и функционировать этим способом, он имел невероятный успех во всем, что он предпринимал. Когда война, в частности русская кампания разворачивалась не в его пользу, он был вынужден перейти к более или менее здравому смыслу, и, собрав своих офицеров и генералов, организовать военный штаб, потому что в манере истинных тиранов он покончил с различными традиционными отделениями армии, существовавшими до его прихода к власти. Он не мог делегировать полномочия. Он уволил главнокомандующего вооруженными силами и сконцентрировал высшую власть на себе. Вследствие этого он теперь должен был подчиняться определенной форме военной дисциплины. Он должен был двинуться в ставку. Он должен был проводить регулярные встречи штата. Он должен был поддерживать регулярный рабочий день. Интересно, что как только Гитлер сделал это, его решения и его стратегии начали становиться ошибочными. И чем дольше он оставался в военной рутине, которая шла вразрез с его художественно-роковой интуицией, и возможно даже психотическим способом создавать что-либо, тем меньше успеха он имел. В двух словах это описывает то, как Адольф Гитлер проигрывал войну.

Так в Гитлере мы признаем демоническую, медиумическую личность, очень невротическую, но в то же самое время значительно созвучную основным психологическим силам, которыми в то время он мог управлять своим собственным способом, добиваясь своих целей с огромной эффективностью. Когда он не смог этого больше делать, земля начала уходить у него из под ног.

Одним из очень немногих людей, которые признали этот специфический, психический, демонический характер нацистской тирании, был Карл Юнг. Из-за понимания Юнгом Гитлера, он был противоправно обвинен в симпатизировании нацистам. Это обвинение также имело некоторое отношение к желанию Юнга спасти психоаналитическое движение в то время, когда нацисты получили превосходство в Германии.

Так как Юнг был тогда единственным ведущим человеком в движении аналитической психологии, который не был евреем, он попытался удержать это положение лидера Международной и Немецкой Психоаналитической Ассоциации, и должность редактора ее журналов. Но Юнг очень скоро понял, что нельзя было сделать этого, не будучи полностью поработанным нацистским правительством; и поэтому он подал в отставку. У него даже была очень неприятная личная встреча с немецким пропагандистом доктором Йозефом Геббельсом, которая завершилась руганью. Юнг был одним из очень немногих людей, я думаю, кто отчитал Геббельса и избежал неприятностей. Но при этом, конечно же, Юнг был швейцарцем, и довольно важным швейцарцем, и поэтому в некоторой степени был защищен.

Итак, в случае нацистской Германии мы столкнулись со своеобразным и таинственным психологическим феноменом, из которого можно извлечь уроки. Какие выводы мы можем сделать? Во-первых, я думаю, мы можем выявить, что хорошо подготовленные, высокообразованные страны и народы высокого культурного уровня, хорошо обученные, хорошо образованные, хорошо знакомые с культурой своей страны, обладающие рациональным умом и логикой, знающие характер развития промышленности, могут в очень короткий срок стать жертвой психических сил, которые полностью противоречат этим качествам и способны смести не только десятки или сотни тысяч, но и десятки миллионов, и в случае необходимости, сотни миллионов людей. Если это явление было возможно тогда, оно возможно и теперь. Психические эпидемии могут происходить не только в Германии. С учетом этого, как можно предотвратить возникновение подобных эпидемий?

Предотвращение психических эпидемий

Юнг считал, что люди, психэ которых не хватает эффективных методов для интеграции противоположностей культуры, психических сил, эмоций, чувств и мышления, очень

сильно подвержены психическим эпидемиям, даже если человек с подобными особенностями чрезвычайно уязвим психологически. Когда внешних средств контроля слишком много, а своих мало, внутренние ограничения в конечном счете уступают дорогу внешним. Даже если бы Первая Мировая Война не закончилась бедствием для Германии, даже если структура власти и символы не были бы разрушены, и огромный международный экономический кризис не начался, возможность своего рода вспышки, своего рода эпидемии души все равно имела бы место в Германии, возможно и не такой величины, как мы увидели с приходом Гитлера, но что-то решительно бы произошло.

Поэтому мы должны пересмотреть наше опасное и неудачное предположение о том, что мы можем управлять жизнью на личном или коллективном уровне общества, с помощью одного лишь менталитета, обладая лишь сознательным направлением. Вся картина нашего мышления, наша односторонность, наша чрезмерная ориентации к сознательным целям, должна существенно измениться, если мы хотим выжить. Мы должны также признать, что позади этой односторонности, этой безразличности к побуждениям бессознательных сил, стоят древние и смертоносные архетипические силы, которые держат нас в своей власти, даже если мы отказываем им в преданности. Прозвучит неразумно утверждение, что Гитлер или Сталин действительно страдали от “комплекса Иеговы” и управлялись религиозными силами. Эти люди сознательно отрицали свою зависимость от богов, или от Бога. Но тем не менее то, что они отрицали, использовало их! Символические реалии религиозной природы жили позади их различающихся, но все еще отчужденных и односторонних психологических установок. Эти реалии выражались в ведении ими государственных дел. Оба лидера управляли и манипулировали многомиллионной империей, но сами они были под контролем архетипических символов изнутри своего существа, в меньшей степени в случае Сталина и в большей в отношении Гитлера.

Существующий мир показывает вполне ясно правила этих символов. Посмотрите на Исламский мир сегодня. Власть, которой обладают исламские революционеры Ирана и различных других стран, просто напросто основана на религиозном мышлении и очень сильных архетипических символах, и лидеры знают как использовать их для управления массами. В то время как присутствие религиозных символических сил особенно очевидно в случаях прямой теократической тирании, такой как в исламских государствах, мы должны также признать, что подобные обстоятельства проявлены и в других странах. Религиозное происхождение лежит в основе большинства современных тираний, будь то фашистская, коммунистическая, исламская или любая другая идеология.

Что это за силы и откуда они берутся? Мы не можем здесь проанализировать их все, но зато упомянем по крайней мере одну, которая подходит больше всего. У идеологической тирании неизбежно есть многие сходства с моделью унитарной, единой картины мира, которая берет начало из ортодоксальных, крупных, монотеистических мировых религий, — Христианства, Иудаизма и Ислама. Они — “первостепенные истинные пути” к совершенству. Их мировоззрение объявляет, что есть один Бог, одна правда, один стандарт нравственности, одно действительное откровение для всех людей, которые разумны и заинтересованы в спасении своих душ и поэтому обязаны принять эту и только эту истинную модель реальности. При всех своих недостатках восточные религии, такие как Индуизм, Буддизм и Даосизм, не несут в себе этой идеи. Фактически, все модели приходят к согласию с Иудаизмом, который, как типичная одержимость все еще главенствует над захваченным в первую очередь христианским миром, и почти завоеванным исламским.

Как было сказано в этой книге, в нашей культуре существует две традиции. Первой является еврейская традиция “одного Бога — одной реальности”, которая была доминирующей посредством негностического Христианства

с третьего века. Несмотря на победу Никейских отцов, традиция альтернативной действительности и ее альтернативной духовности продолжает существовать глубинным образом. Как сказано выше, гностическое мировоззрение основано на противоположностях или дуальностях, если мы будем использовать этот хитрый термин. Сторонники этой модели реальности могли легко и естественно предположить плюралистическое общество, в котором политические и экономические силы мирно взаимодействуют с друг другом, чтобы привести к новым результатам. Конфликт приводит к принципу синтеза, проявленному в избирательной демократии и свободной экономике, и являющемуся естественным расширением духовной модели герметического Гнозиса. Европейские монархии, напротив, были основаны на божественном праве королей, — идее, появившейся из единого мировоззрения еврейской религии, видоизмененной средневековым христианством. Даже монархи эры Просвещения не могли на деле предположить общество свободно взаимодействующих сил, где они могли только управлять, а не править. (Нельзя сказать, что у европейских монархий, не было намного большей близости к психологии своих народов, чем у отчужденных теневых республик, установленных на их месте, часто с американской подачи.)

Современная тирания — наследники монолитного мировоззрения ортодоксальных иудео-христианско-исламских религиозных архетипов. Гитлер, возможно, был в некотором смысле олицетворением древних германских богов, но его методы в большой мере соответствуют архетипу Иеговы. Идеологическая тирания марксизма также по существу верна этому архетипу. Кастро, Ленин и Мао Цзе Дун были сродни великим инквизиторам; они все считали, что “истина не имеет права на ошибку”.

Альтернативная духовная традиция по своей природе противоречит тиранической модели реальности, которая служит архетипической основой для всех современных идеологических диктатур. Альтернативная традиция может

также признавать одного Бога, но она не верит в единственное откровение или единственный закон, а следовательно в единственную истину. Это — духовно плюралистическая традиция, которая созвучна двойственным силам, создающим модели роста и преобразования в мире. Это картина мира, радикально отличающаяся от монолитного рисунка монотеистических религий. Она способствует миропониманию, включающему двойные принципы свободного правительствa и свободного предпринимательствa.

Наш мир видел три главных варианта идеологической тирании в новейшей истории: немецкий национал-социализм, советский коммунизм и исламская теократия. У них есть свои формы и типы, но этого достаточно для нас, чтобы назвать их основными моделями. Каждая из этих диктатур основана на унитарной модели реальности, которая исходит из архетипа Иеговы. В то время как все три являются антихристианскими, и две из них даже антирелигиозными, все они на самом деле питают самые могущественные архетипические источники господствующей религиозной тенденции западной и средиземноморской культуры.

Традиция альтернативной духовности — главный противник этой тирании. Переданный герметиками, гностиками, каббалистами принцип творческой двойственности способствует плюралистическому и свободному отношению к обществу и экономике. Без сомнений, верно и то, что многочисленные христианские фундаменталисты отчаянно защищают свободное предпринимательство или некоторые атрибуты политической свободы, но они не могут действительно поддерживать свободу, потому что сами они находятся во власти Бога-рабовладельца. Наоборот, у многих людей, испытывающих интерес к эзотерическим и герметическим принципам, есть неблагоразумная привязанность к социализму и связанным с ним идеологиям, без понимания того, что эти системы неизбежно противоречат герметическому принципу свободного взаимодействия противоположностей. И фундаменталисты, которые поддерживают свободу, и гно-

стики, поддерживающие социализм, виновны в радикальной несогласованности. Обеим сторонам необходимо понять, что герметический принцип будет работать только при условии свободы во всех областях жизни. Чтобы участвовать в алхимическом процессе в полной мере, люди должны быть свободными не частично, а полностью; их свобода должна быть политической, духовной, экономической, сексуальной, интеллектуальной, профессиональной, образовательной и во всех других областях. Единственные ограничения свободы должны быть вызваны законными и очевидными правами других людей. Что-нибудь за исключением этого не истинная и неэффективная свобода. Только последовательное, бескомпромиссное уважение свободы может иметь результат, поскольку только такое отношение выражает герметический принцип в чистом и неразбавленном виде.

Модели реальности, основанные на учении гностиков и психологии Юнга — две из многих созвучных с ними источников герметического либертарианства в наши дни. Гностический метод был прежде всего мифологическим, потому что через миф и символ обычно понимаются важные принципы жизни. Ранняя гностическая мифология говорит, что архонты, или правители этого мира, склонны предотвратить человеческую свободу и независимость. Архонты и демиурги — представители психологической унитарности и монолитности; поэтому они — тираны по своей природе. Современная глубинная психология, в особенности представленная Юнгом, соглашается с этим символическим утверждением. Одним из самых больших достижений Юнга было то, что он признал жизненную взаимосвязь герметической, алхимической и гностической символики. Таким образом, он приложил свою руку к открытию чрезвычайно важной истины: трансформационной задаче Гнозиса, возможной посредством творческого взаимодействия и соединения противоположностей. Неудивительно, что и Юнг и гностики придерживались либертарианских и антитоталитарных взглядов. Они не могли считать иначе, не на-

силуя свои принципы и свои самые глубокие духовные обязательства.

В то время как это может показаться банальным и несовременным патриотизмом, мы должны заявить еще раз, что американская республика, с ее герметическим происхождением и глубоко укоренившимися архетипическими образами алхимической и гностической традиции, является все еще самой большой надеждой на свободу в нашем мире. Эта страна, конечно же, не совершенна. Ничто не идеально в этом мире. Далекое от реальности понятие о том, что земное может быть совершенным, является другой ошибкой ортодоксальной иудейско-христианской теологической модели. Так как Бог совершенен, следовательно, и мир Бога должен быть также совершенен. Но это не так. Гностики выражали эту истину мифологически, говоря, что создатель этого мира отнюдь не прекрасен, а скорее несовершенное, глупое существо, которое создало некорректный мир как воплощение своих собственных недостатков. С другой стороны, люди, по мнению гностиков, в некотором смысле превосходят создавшее их божество, и поэтому могут видоизменить мир в соответствии со своим Гнозисом. Они, возможно, не в состоянии усовершенствовать мир, но они могут улучшить его, совершенствуя себя.

Американская республика — все еще алхимический сосуд свободы. Система сдержек и противовесов между различными силами, такими как противоположности рабочих и управленцев, консерваторов и либералов, демократов и республиканцев, так же как другие полярности, продолжает создавать философский камень. Стоит упомянуть, что эта страна никогда не поддерживала ни однопартийную диктатуру, ни многопартийную систему по примеру Европы. Возможно, герметический принцип лежит в основе структуры этой республики и требует обоюдного взаимодействия, так, чтобы истинным алхимическим способом, противоположности могли взаимодействовать и объединиться и этим ясно показать новый прогресс. (Более подробно, см. главу 9.)

Пока американские граждане помнят эти принципы и живут по ним, пока они не разрешают ни одной из полярностей иметь приоритет слишком сильно и слишком долго, Америка останется творческим алхимическим сосудом, по крайней мере отчасти достойным своей герметической основы. Поэтому требуется сохранять бдительность людей в этой стране и культуре, чтобы гарантировать длительное эффективное функционирование герметического сосуда или алхимического сурового испытания, известного как Соединенные Штаты Америки. Если такая бдительность будет присутствовать, мы должны не бояться никакой тирании; никакое зло не может захватить наш творческий потенциал и освободить нас от нашей трансформационной задачи. Наша наивысшая свобода, оправдывающая все другие, — это свобода внешне стать теми, кто мы уже есть в нашей душе. Таким образом, единственная цель, к которой стоит стремиться в нашей личной или коллективной жизни, — это обретение свободы и силы, чтобы вырастить, развить и преобразовать себя, тем самым приближая великую архетипическую парадигму, гностическую модель бытия, укоренившуюся в нашей природе давно, глубоко, вне времени и вне этого мира. И, если мы будем помнить это и воплощать в нашей жизни и действиях, то мы с чистой совестью можем повторить вслед за Джулианом Норвишом и с Т. С. Элиотом:

И все будет хорошо;

И все вещи будут хороши.

Глава 6. Утопия возможна или необходима?

По словарю “Утопия” определяется как “идеальное общество, жители которого существуют в идеальных условиях”. Само слово имеет греческое происхождение и составлено из связки *οι*, означающей “нет”, и *τοπος*, место”, отсюда получаем “место, которого нет”, следовательно, нет такого места, где Утопия была, есть и когда-либо будет существовать. Слово “Утопия” впервые было употреблено сэром Томасом

Мором, Канцлером Англии, впоследствии причисленным к лику католических святых, в его книге “Состояние совершенного сообщества, новый остров Утопия”²¹, изданной в 1516 году. Более того, Утопия определила новую литературную моду, так как в его время было издано множество утопических работ; какие-то из них были романтическими, какие-то сатирическими, а некоторые серьезными философскими трактатами, несущими футуристические надежды на совершенное общество. Спустя приблизительно сто лет после этого сэр Фрэнсис Бэкон написал “Новую Атлантиду” (1624), а итальянец Томмазо Кампанелла “город Солнца” [*Civitas Solis*] (1623).

Однако, идея утопии намного старше времен Томаса Мора. Она впервые появилась в работе Платона Тимей [Timaeus], и далее развита в его республике [Republic].

Все эти работы объединяет то, что они связаны с потерянным раем Атлантиды. Атлантида — это не больше и не меньше, чем архетипический образ. Платон рассказывает миф о некогда потерянном райском острове, затонувшем в волнах. Другие авторы, размышлявшие о подобном райском месте, обычно также подразумевают остров, но с течением времени все в большей степени склоняются к тому, что такое место могло бы существовать в будущем, а не в прошлом. Психологический прогресс очевиден. В дни Платона миф об Атлантиде воспринимался как мистерия, касающаяся души — психэ, а не реального мира. В более поздние времена, с ростом человеческого сознания, райская Утопия стала все более реальной, а следовательно и политической. Поэтому на ранних этапах психо-исторического развития Атлантиду или Утопию рассматривали в прошлом; а более поздние произведения переносят ее в будущее. Что это значит? Если Утопия — Плерома, изначальное бессознательное, то она имеет очевидное прошлое, являясь таинственной областью бытия, откуда мы все произошли.

---

²¹De vltimo Republicae Statu, Deque Nova Insula Utopia

Утопия была единожды, но больше ее нет; она находится в водах бессознательного; она в большом, бездонном море теоретических предположений. С другой стороны, когда мы идем путем индивидуации, мы вновь подходим ближе к этой таинственной земле. Атлантида поднимается на поверхность, и мы познаем архетип совершенства. С ростом нашего сознания, мы все больше проецируем образ совершенства на окружающий мир.

Имея дело с содержанием бессознательного, мы всегда сталкиваемся с тремя возможными вариантами действия. Мы можем

- (1) проецировать бессознательное;
- (2) быть одержимыми бессознательным;
- (3) а если повезет, и при должном уровне осознанности, гармонично сочетать и последовательно интегрировать в сознание силы и архетипы, живущие на бессознательном уровне.

Все эти три возможности могут быть проявлены и относительно бессознательного архетипа совершенства, который мы назвали Утопией.

Пожалуй, наиболее частым вариантом, принятым человеческим разумом, является проецирование. Мы принимаем образ совершенства, Царство Небесное внутри нас, и проецируем его на физический мир, в данном случае политический и социально-экономический мир. Мы хотим сделать общество совершенным, когда наш внутренний образ целостности совершенен. Мы становимся утопистами, социальными перфекционистами, непреклонными и часто нереалистичными реформаторами. Вот почему идеологические революции и реформы вызывают такой большой отклик у некоторых людей. Это в действительности проекции нашей собственной внутренней потребности к реформированию, изменению, преобразованию. Мы говорим, “измените общество, измените систему, свергните правительство, перераспределите богатство”; но на самом деле психологический мотив наших утверждений примерно таков: “Измените меня,

преобразуйте меня, уберите мою односторонность сознания, перераспределите мою психическую энергию, допустите сознание к сокрытым областям меня самого, победите мою собственную психическую слабость”.

Проблема проецирования в целом, и утопического проецирования в частности состоит в том, что такие проекции работают только до ограниченной степени. Неизбежно наступает момент, когда они должны быть выведены. Когда каждый из нас влюбляется, рано или поздно нужно позволить жестоким огням проекции вернуться к своему источнику в душе, оставить объект любви окруженным некоторым светом, остаточным ореолом, но не более того. Интенсивное проецирование полезно и нормально в течение какого-то времени, но не до бесконечности. Точно так же утопическое социальное проецирование должно быть остановлено, и должно появиться реалистичное, а возможно даже ироническое принятие его недостатков. Уинстону Черчиллю приписывают высказывание о том, что тот, кто в двадцать лет не является революционером — тот ненормален, но тот, кто в шестьдесят лет не стал консерватором — тот просто дурак. В любой ситуации и в жизни каждого из нас наступает время, когда видение идеала должно уступить мастерству воплощения реальности. Мы понимаем это, и это легко осуществимо в уме, но отнюдь не часто происходит в физической действительности. Но тут мы можем спросить, разве это не циничный взгляд, и, кроме того, разве это представление не несет в себе недостаток романтических переживаний, которые не позволяют жизни стоять на месте? Разве мы не обесцениваем и не рушим идеализм, когда мы приходим к таким заключениям? Ответ на оба вопроса — нет. Идеализм, романтизм и энтузиазм — ценные и жизненно необходимые качества психической жизни, но имея дело с конкретными материальными фактами, идеалы и романтизм приводят к неизбежному ограничению и разочарованию. Нужно нести идеалы в уме, но нужно также вставать лицом к лицу с фактами внешнего

мира. Следовательно, мы можем заявить о том, что утопические проекции, как и все прочие, должны в конце концов быть выведены для того, чтобы привести к росту сознания.

Вторым и наиболее нежелательным способом взаимодействия с бессознательным является одержимость. Когда сознательное эго охвачено бессознательным содержанием, это приводит к инфляции, фанатизму, паранойе и мании величия. Инфляция и одержимость эго — это само по себе нездоровое, патологическое явление. Разрушительная природа инфляции эго и одержимости ни в коем случае не определяется конкретным характером бессознательного содержания, приводящего к этому явлению. Быть плененным идеалом или достоинством столь же болезненно, как тенью или недостатками. Фанатик дурного дела и фанатик добродетели — оба они прежде всего фанатики, и только это имеет значение. Психологически, когда бессознательное содержание овладевает эго и слепо выражается посредством него, это не дает положительных результатов, по крайней мере, на длительный срок. Сознание не растет посредством бессознательного, всего лишь пережитого сознательной структурой личности. В лучшем случае, такие ситуации лишь предоставляют мимолетное психическое облегчение от сильного давления бессознательного.

Насильственные революции и подобные формы психических эпидемий происходят во время массового масштабного падения в эту категорию. Будь то толпа антисемитов, одержимая потребностью уничтожить спроецированную психологическую тень в виде беспомощных евреев в гетто, будь то группа пролетариев или крестьян, одержимых демонами зависти и ревности, сжигающих замок феодала дотла, — результат всегда один и тот же: кровопролитие и разрушение, без конструктивных и полезных реформ какой-либо партии. Фанатизм и инфляция могут маскироваться под идеализм, но их слепая и бесполезная бессознательная природа всегда одинакова. И одержимые революционеры, и фанатичные

реформаторы — это “дурные вести”, показатели одержимости эго.

Последний и самый желательный вариант контакта с бессознательным — аккуратное, гармоничное вступление бессознательного содержания в сознание, с последующим взаимодействием противоположностей и их возможным согласованием и союзом. Такой союз — регулярный источник новой жизни для психики, новых решений проблем и новых идей. В политической сфере мы могли бы найти аналог этого варианта в демократическом процессе свободного роста и самовыражения — это общественная воля, с последовательным взаимодействием различных мнений избирателей, политические дебаты, письма, передовые статьи, и другие средства свободного выражения, используемые политическими партиями. Поскольку процесс демократической политики объединяет расходящиеся и противоречивые решения правительства и его различные программы в творческий союз, появляются новые и выгодные решения старых проблем, а общее благосостояние растет. Точно так же и в рыночной экономике, — свободное взаимодействие конкурирующих экономических сил вызывает развитие сферы производства и распределения к окончательной выгоде всего населения. Тоталитарные правительства с административной экономической системой были эффективны в течение недолгих промежутков времени, но в течение длительных периодов политического и экономического развития они неизбежно оказывались серьезной ошибкой, особенно по сравнению со свободным обществом. Экономический крах Советского Союза в своё время — самый крупный и убедительное доказательство этого утверждения. Саморегулируемая структура индивидуального психэ отражена и подтверждена непосредственной алхимией, действующей в обществе, обладающем политической и экономической свободой. Чтобы завершить психологическую аналогию, управляемое тоталитарное общество и экономическая система могут быть уподоблены отчужденному эго, безразличному к непосред-

ственным и творческим проявлениям объективного психэ. Такое единоличное эго отчаянно держится за сознательный контроль, предотвращая тем самым свободное взаимодействие психологических противоположностей и, в конечном счете, препятствуя обретению целостности.

Освобождение внутренней Утопии

Все это говорит о вечном стремлении человечества к Утопии? Если мы признаем, что Утопия на самом деле внутри нас, если мы поймем, что образ совершенства потенциально живет в нас уже сейчас, но пока еще как бессознательная целостность, то это заставит нас позволить этой внутренней Утопии подняться к уровню сознания и взаимодействовать с сознательным эго и его миром. Когда противоположности взаимодействуют в творческой манере, то результатом никогда не будет победа одной стороны над другой. Бессознательная Утопия, без сомнения, может способствовать изменению главенствующего статуса сознания, но у нее нет никакой реальной перспективы эго отобрать. Кроме того, принцип объективности, возможности и целесообразности способен реально продемонстрировать психофизиологическому организму отсутствие технического и экономического обоснования определенных аспектов утопического видения бессознательного, но он не может защитить от влияния этого видения. Две противоположности или полярности должны взаимодействовать друг с другом, и родить новое условие, которое не есть результат соглашения сторон, а скорее новое бытие, новое независимое творение. Результат этого творческого взаимодействия мало чем отличается от философского камня, который не является компромиссом серы и соли, а являет собой совершенно новую действительность как результат процесса преобразования.

К сожалению, этим психо-алхимическим принципом печально пренебрегают утописты, и реалисты, либералы и консерваторы, и даже защитники свободного предпринимательства. Истинная трудность большей части современ-

ного утопизма с точки зрения некоторых, или даже большинства реформаторов или революционеров, состоит в том, что он почти неизбежно подразумевает движение сверху вниз. Люди, считающие себя мудрыми, проницательными и дальновидными, естественно полагают, что они знают как будет лучше для всех; и они чувствуют, что обладают своего рода божественным правом навязать свое видение всем, в процессе сотворив много несчастий. Рвение революционера-утописта Ленина, Мао Цзе Дуна, Кастро, Гитлера, Муссолини, или даже более радикальных социал-демократических лидеров во всем мире может быть расценено как одностороннее принуждение с целью воплотить определенные архетипы коллективного бессознательного, вопреки воле и во вред сознательному эго вовлеченных граждан. Архетип коллективного бессознательного, задействованный в большинстве тоталитарных обществ и административных экономических систем — архетип примитивной Великой Матери в ее самом непривлекательном, хтоническом аспекте. “Позволь Матери-государству сделать все для тебя; и тебе должно понравиться все, что она сделает, потому что неблагодарность к Матери-государству есть зло”. Такова бессознательная идея, вовлеченная в идеологию подобных государственных структур. Независимость зрелого потомства, требующего демократического общества со свободной экономикой, не признается Матерью-государством, точно также как и повзрослевшие дети не получают должного признания в семье родителей-тиранов.

С другой стороны, система современного консервативного или свободного предпринимательства намного меньше ориентирована на государственную власть, и поэтому, по крайней мере теоретически, изначально более открыта для роста и развития. Очевидно, что консерваторы и даже либертарианцы проявляют несогласованность, которая, в свою очередь, обычно является результатом бессознательного влияния. Таким образом, средний консерватор рассматривает вмешательство государства в бизнес как зло, но не

будет столь же яро осуждать вмешательство государства в частную жизнь граждан, особенно в таких областях, как сексуальное поведение, аборт или молитвы в школах. Как отмечалось выше, одна из проблем утопической идеологии в наше время — то, что, в политике она всегда желает привести изменения сверху. Но в психологическом отношении мы находим, что истинно полезные изменения и реформы, приводящие к подлинному прогрессу и целостности никогда не идут сверху, а скорее проявляются как естественный рост снизу; то есть как результат естественной алхимии союза противоположностей. Юнг выразился на этот счет следующим образом:

Основательные изменения никогда не появляются сверху; они прибывают неизменно снизу; так же, как и деревья никогда не растут с неба, а растут из земли, хотя верно и то, что их семена порой падают сверху. Переворот в нашем внешнем мире и переворот в сознании является по сути одним и тем же. Все становится относительным и поэтому сомнительным. И в то время как человек колеблется и думает как изменить мир с помощью мирного договора и соглашения дружбы между демократией и диктатурой, капитализмом и коммунизмом, его дух тоскует по ответу, который смягчит суету сомнения и неуверенности²².

Возможность Утопии

Утопия возможна или необходима? Ответ — и да, и нет. Как архетип совершенства, мандала бессознательного Утопия существует, и, следовательно, мы обладаем способностью сознательно ее представить. Также необходимо вступить в контакт с этим образом в себе самом, ведь как и все мандалы, это — образец, с помощью которого наша целостность и полнота могут быть поняты и осмыслены.

---

²²“Проблема души нашего времени” 10 том полного собрания сочинений Юнга — “*Цивилизация в переходное время*”.

С другой стороны, Утопия конечно невозможна, поскольку физическая действительность существует в пространстве и во времени, и чрезмерное связывание этой идеи с ее реализацией в материальном мире несет в себе большую и известную опасность. Все вещи на этой земле могут, конечно же, подвергаться усовершенствованию, но они никогда не будут исправлены окончательно; они могут стать лучше, но они никогда не станут совершенными. Земное совершенство — это инфляция, а желание и стремление навязать его становится чудовищным злом и безграничным оправданием наихудших форм тирании. Реалистичный деспот, просто интересующийся личной властью и богатством, намного менее опасен для человечества, нежели идеалистический тиран, одержимый великолепным идеалом Утопии, который он отчаянно пытается воплотить, но он навсегда неуловим. Можно вести переговоры с дьяволом алчности и власти (колдовские договоры с демонами когда-то были популярны), но сотрудничество с архетипическими богами человеку не под силу. Боги требуют жертвы; они умеют только управлять, и горе тем национальным лидерам, кто ими одержим. Бесчестные диктаторы и властолюбивые политики — всего лишь низкопробная пища океана человеческой истории; лидеры, одержимые утопическими идеалами власти, — самые кровожадные и опасные акулы этих вод. (Читатель направлен к главе 6 для детальной проработки этого предмета.)

Здесь мы можем вновь показать уместность классического гностицизма. Кратко и упрощенно можно напомнить, что среди прочих есть две важных философских модели бытия и реальности, до сих пор имеющих влияние в нашем мире — платонизм и гностицизм. Эти представления различаются и противоречат друг другу. Взгляды Платона привлекательны, но в психологическом отношении несколько неправильны. Он считал, что идеи, существующие в разуме космического Божества, могут быть поняты людьми; мир может быть приведен к идеалу просвещенными философами-

королями, знающими божественные идеи, и поэтому способными воплотить их. Мир можно сделать совершенным, — говорит популяризированное платоническое представление. От этой идеи всего лишь маленький шаг к понятию Утопии и современным социалистам, марксистам, фашистам, или исламистам, которые говорят, что это они в действительности и есть эти философы-короли, кто знает, что именно верно, хорошо и красиво, и поэтому имеют право переделать мир в соответствии с платоническими идеями, которые они постигли своей мудростью.

В контраст этому идет гностическое представление, которое объявляет, что мир невозможно привести к совершенству. Напротив, он изначальная ошибка. Согласно гностикам этот мир, эта вечность темна, но в ней есть некоторый свет. Этот свет не найти в идеях Платона, или в заветах Моисея, а в душах и духе людей. Утопии, идеи и идеалы Платона абстрактны; они в лучшем случае принесут нам очень мало пользы. Надежда мира — не утопический идеал философов-королей, а изначальный свет, который живет в каждом человеке. Вы и я — надежда мира, и кроме нас нет никакой надежды. По представлениям гностиков мир никогда не познает истинный свет, а значит и целостность или совершенство. Не может быть никакой земной Утопии, потому что темнота никогда не познает свет; только свет может познать свет. Поэтому человечество должно познать себя, и результатом этого самопознания станет не совершенный мир; скорее это будет свобода. Гностики занимали такую интерналистскую позицию, и она была фактически совместима с истинным Христианством. Разве Иисус говорил, “Сделайте мир совершенным” или он говорил: “Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный”? Отец мира, говорили гностики, не истинный Бог, но истинный Бог — отец человечества. Царства Спасителя, как считали гностики, по его собственному признанию “не от мира сего”, и оно дается нам не так, как дан этот мир. Таким образом, Христианство Иисуса разделяет гностическое мировоззрение.

Конкретные люди — единственная подлинная реальность, с которой мы имеем дело, живя на земле. Государство, общество, политические партии, процессы, движения и Утопии — это все абстракции. Человек, однако, не является абстракцией; человек — это реальность, причем самая живая реальность. Человеческий дух — изначальная жизненная действительность. Как говорил Юнг, “Если личность духовно не раскрылась во внешнем мире, общество, в свою очередь также не сможет этого сделать, так как оно является общей совокупностью людей и их потребности в реализации”. Как сказано выше, свет должен познать свет, так как темнота не может этого сделать. Это должно познать Самость, которая есть истинный свет, сияющий во мгле. Когда достигается такой уровень самопознания, внешние обстоятельства также начинают постепенно меняться. Когда мы идем путем индивидуации, подходя все ближе к обещанной полноте, наша жизнь обретает все больший смысл и все более богатое содержание.

Все больше людей подвержены процессу индивидуации, общество и культура обретают большее значение и духовность. Утопии не получилась; да и никогда она не будет воплощена. Тем не менее, в наше время многое удалось изменить к лучшему. Мы не можем сделать все вокруг совершенным, но совершенствуя наше сознание, мы можем сделать этот мир лучше. Мы не можем обратить темноту в свет, но мы можем осознать себя как маленький, но яркий луч, сияющий во мгле. И, прежде всего, мы можем сделать выбор, — можем предпочесть сознание бессознательному, свободу тирании, разум яростному самодовольству и упрямому сопротивлению. Мы можем выбрать самопознание, и познав себя, как уверяли гностики, мы познаем все остальное. И как только мы добьемся этого, то зачем нам будет нужна Утопия? Или, может быть, истинная Утопия будет достигнута только тогда?

Глава 7. Дао Свободы: к добровольному обществу

Название этой главы значит больше, нежели имитация популярного лозунга, представленного вниманию общественности в работе Фритьефа Капра “Дао Физики”²³. Китайский духовный принцип Дао весьма подходит для того, чтобы применить его сточки зрения обозначения проблем политического организма. “Дао” означает путь, не какую-то конкретную дорогу, как можно было бы предположить изначально, и не определенное направление следования, а скорее путь или бытие, лежащее в основе действия жизни и души. Дао не является курсом, которым люди и события обязаны следовать, а скорее оно просто принцип, который в основе всего. В древнем Китае считали естественный путь истинной формой бытия, не в том смысле, что это путь деревьев и животных, а потому, что этот путь предначертан природой каждого существа. Если, например, воде позволят следовать ее собственным путем, то она потечет, ибо таково ее Дао. Если человеческая душа, или психэ, будет свободна от препятствий, встающих на пути ее развития, то она будет расти и меняться согласно своему собственному естественному Дао. То, что препятствует людям, будь то их упрямство, слабость или даже зло; — все это помехи его Пути.

Признание концепции Дао приводит к принципу Недеяния, часто понимаемому как “бездействие”, но в более точной интерпретации — “невмешательство”. Поэтому мы можем предположить, что даосист не будет задавать вопрос: “Что мне делать”? Вместо этого он спросил бы: “Чего я должен не делать; что именно я должен прекратить делать, чтобы перестать вмешиваться в Дао”? Само собой разумеется, такое отношение тяжело воспринимается западным мышлением. Бездействие, даже в смысле невмешательства, не является приемлемым или даже уместным понятием для большинства людей в нашей культуре. Идея, которая является основой образа жизни Запада, — это действие, а не

---

²³Fritjof Capra, *The Tao of Physics*.

бездействие. Если вещи плохи, или недостаточно хороши, или незакончены, мы хотим сделать что-либо для того, чтобы изменить и улучшить их.

Если посмотреть на этот вопрос с точки зрения психологии, мы придем к заключению, что даосизм, как и многие другие восточные идеи и идеалы, ближе к бессознательной матрице человека, в то время как западное мировоззрение отражает прежде всего тенденцию и динамику сознательного эго. Юнг понимал, что у бессознательного есть свой собственный естественный закон, который может быть охарактеризован как неизменная склонность к объединению все большего количества бессознательного материала на уровне сознания. Дао бессознательно склоняется к тому, чтобы освободить себя от избытка сознания, тем самым позволяя ему расширяться и расти в естественном темпе. То, что прерывает или препятствует этому росту сознания — факторы, вмешивающиеся в свободное проникновение бессознательной информации в сферу сознательного эго. Комплексы, беспокойства и страхи, излишнее напряжение и различные острые взаимоотношения — это все примеры такого вмешательства. Даосист стремится устранить подобные помехи, медитируя и рассматривая природу как взаимодействие множества взаимосвязанных упражнений (на пример тех, что описаны в “Тайне золотого цветка”), которые уменьшают вмешательство и успокаивают разум, способствуя тому, что Юнг назвал “проходимостью” эго к творческой силе бессознательного.

В отличие от древних китайцев, на Западе часто переоценивают свое сознательное эго, тем самым способствуя отрицанию бессознательного происхождения. В крайнем случае, это может привести к реальной потере эго своих корней в естественной питающей почве бессознательного, “дерацинация”, как назвал это Юнг. В случае отчуждения и искоренения (дерацинации) бессознательное Дао теряет свое воздействие на эго. Великий Путь потерян, и личность человека остается лишь с ее собственным неполным

устройством и возможностями. И в этом случае наступает любопытная и парадоксальная ситуация. Чем больше эго отчуждает и искореняет источник, тем менее отчаянно оно держится за понятие собственной значимости и контроля. Так как Дао больше не вмешивается в жизнь человека, его личную волю, разум и чувства, эго не спешит выйти на арену, чтобы компенсировать собой его отсутствие. Навязанные убеждения, тираническое упрямство, личная алчность и эксплуатация берут верх над нормальными и естественными отношениями, и здравомыслие человека и человечества уменьшается.

Тогда очевидно, что курс отчужденного эго — пагубный. Тем не менее, в значительной степени, именно им следовало западное человечество и все вместе, и каждый в отдельности. (Чтобы не оказаться несправедливыми, мы должны признать, что большая часть Восточной культуры, особенно в Индии, следовала другой крайности развития, отчуждая сознательное эго, и заключая оставшееся пространство в пределах бессознательного.) Веками Запад теряет свое Дао, или свою душу, как Юнг подразумевал в названии своей книги “Современный человек в поисках души”. Так как такие явления никогда не ограничиваются конкретными людьми, а затрагивают все человечество и культуру в целом, явление отчуждения эго имело и продолжает иметь последствия на уровне государства. Отчужденное психэ отвергает и культуру и политические структуры. Неуравновешенные и жестокие психэ призывают неуравновешенные и жестокие правительства, которые, в противовес отверженному эго, стремятся управлять и контролировать больше аспектов человеческой жизни, чем это вообще возможно. Причина этого довольно проста. Когда у людей был доступ к Дао, они могли доверить ему решение своих замыслов. Все, что им было нужно — это прекратить свое вмешательство в силу Дао, и все было в порядке. Когда человек потерял связь с Дао, у него не осталось никого, на кого он мог бы положиться, кроме себя самого, своей личности, своего

сознательного эго. В глубине души он знал, что его эго не справится с задачей полного контроля и ответственности в жизни, но казалось человеку, что не было у него никакого иного выбора. Теперь, согласно тенденции компенсаторики психэ, он начал покрывать неполноценность своего эго ложным чувством превосходства. Как трусливый путник, который борется с боязнью своим свистом в темноте, эго без корней все в большей степени раздувает себя высокомерием, пока не начинает мнить себя всемогущим.

Дао государства

Значения этой концепции в пределах государства очень интересно и уместно. Правительства, которые функционировали в пределах естественной, но в значительной степени бессознательной системы влияния, использовали власть, но лишь редко злоупотребляли ею. Такие правительства, возможно, были тотальными, но они не были тоталитарными. Естественное Дао наложило природные ограничения на их правление, и сделало их фактически наместниками творческого бессознательного. Фараоны Египта, Императоры Китая и Японии, правители инков в Перу, и до некоторой степени древнего Рима были архетипами в человеческом облике, и до некоторого времени воспринимались как боги. Средневековые короли и императоры Европы не были богами, но были наделены божественным правом правления; кроме того, за ними следили представители высшего духовенства, Папа римский, считавшийся земным наместником Иисуса Христа.

Несмотря на то, что человеческая слабость и упрямство часто мешали Дао в эпоху Средневековья, оно следовало согласно своему изначальному плану со значительной эффективностью. Со времен Ренессанса, и последующих шагов к освобождению сознания, символизируемых реформаторами-протестантами и эпохой Просвещения, уменьшили зависимость государства от бессознательного Дао. Теория королевской власти Макиавелли, основанная на духовных

ценностях Дао, была поддержана протестантскими немецкими принцами, особенно прусскими правителями, и привела к закату абсолютных монархий Луи XIV, Екатерины Великой, и Фридриха II Прусского. Отчужденное эго теряло власть. Дифференцированное эго теперь освободило себя от прежних связей бессознательного. Архаичные религиозные Дао и его могущественные архетипы больше не были эффективны. Набожные правители все еще поднимались на троны, но правительственная система больше не была подвластна архаичным и бесполезным религиозным принципам. Органическая связь трона и алтаря (инь и ян средневекового государства) была разорвана, и когда несколько столетий спустя троны пали, их место заняла отчужденная структура светской республики, периодически заменяемая диктатурами.

Сегодня мы по-прежнему живем в эпоху правления вне Дао. Тут и там символические связи с архетипическими структурами бессознательного все еще присутствуют, и в какой-то мере психологически поддерживают человечество. Английские королевы и короли все еще остаются архетипическими символами психэ своего народа, их венценосные и помазанные головы несут не только земную корону, но и бесконечное сияние славы высшего мира. Японский Правитель Тенно²⁴, обладающий жестокой славой и огромным дворцом в Токио считался представителем божества Ками, в его честь приносились ежегодные жертвы ради изобилия и процветания Японских островов. Но в большинстве частей земного шара боги умерли, а вместе с ними низложили королей, земных представителей их архетипической славы. Старый Дао изжил себя. Подобно Конфуцию, военачальники и правители покидают свои дворцы и уходят в деревню. Град Земной и Град Небесный потеряли лестницу друг к другу, и человечество безуспешно строит башни Столпотворения с целью снова достичь небес.

---

²⁴Буквально означает “небесный государь”, титул японского императора.

Тем не менее, благодаря этому появилась возможность, который не возникало никогда раньше. Психологическая аналогия сохраняется. Когда человеческое эго отрывает себя от своего бессознательного фона, у него есть два варианта дальнейших действий: или оно может погрязнуть в своем отчужденном высокомерии, и в конце концов полностью или частично сломаться; или оно может признать ограниченность своего нынешнего положения, и вернуться к своим корням в бессознательном, начав медленное, болезненное, но необходимое восхождение к подлинной индивидуальности. Это восхождение называли индивидуацией, потому что оно обогащает и восполняет индивидуальность, позволяя психэ стать свободным, объединив вместе сознание и бессознательное в состоянии истинной и окончательной целостности. Почему эта картина не может быть также применена к развитию государства и правительства?

Отношения гражданина и государства

Как и человеческого эго, у коллективного эго государства есть два возможных варианта действия. Государство может либо стать более высокомерным и раздутым иллюзией всемогущества, или оно может оставить большую часть своей власти и все свое самомнение, и стать необходимым транслятором растущих трансформирующих сил, идущих от своих граждан. Старая аксиома гласит: чтобы Бог поднял человека к жизни, человек вначале должен пасть. Мы могли бы интерпретировать это утверждение так: если возможностей роста и индивидуации граждан становится больше, то власти и контроля со стороны государства должно становиться все меньше. Все люди, живущие в рамках государства, являются аналогами либидо, или энергии психэ; без них государство — бесполезная раковина, так же, как собственно и эго — лишь хрупкая тень без той силы, которая приходит к нему из глубины бессознательного.

В наше время необходима переоценка отношений гражданина и государства, и она должна произойти перед вы-

бором дальнейшего пути развития. Безусловно, подобный пересмотр проводился в мировой истории. Он случился перед и во время двух великих революций, — Французской и Американской, и в первую очередь нес философский и рациональный характер, как и можно было бы ожидать в эпоху эгоориентированного и дифференцированного сознания. Существовал и духовный, герметический аспект Просвещения, который не был полностью утерян и все еще достоин внимания. (См. в особенности главу 9.) На фоне философских идеалов Ренессанса, а также других философско-рационалистов, мыслители Просвещения сформулировали теорию социального соглашения, посредством которого гражданин заключает контракт или договор с другими гражданами и, таким образом, соглашается жить в рамках общественного института по определенным, практическим причинам. Поэтому государство существует ради благосостояния своих граждан, и на них возложена ответственность за то, чтобы государство не проявляло меркантильность и пренебрежение возложенными на него обязательствами. Конституционная монархия Англии и республика Соединенных Штатов были в значительной степени под влиянием теории общественного договора, и извлекли из этого значительную выгоду.

Однако обстоятельства, сложившиеся за прошедшие двести лет скорее указывают на то, что пересмотр отношений гражданина и государства, проведенный рационалистами восемнадцатого столетия был нарушен, и поэтому необходима новая переоценка. Рационалистические теории ссылались на небольшое знание о духовности человека, или, как мы можем сказать сегодня, о его психологической природе. Свобода в понятии рационалистов означала свободу от неблагоприятных ограничений и государственных инструментов управления политической, экономической и общественной жизни гражданина. Благодаря совпадению этих политических теорий со временем Промышленной Революции, экономический аспект этого утверждения стал наи-

более знаменательным, и привел к философии свободного предпринимательства, которое, даже по признанию самых ярых его критиков, привело к эре беспрецедентного роста и процветания тех государств, где оно было реализовано. В то время, как свободное предпринимательство строило фабрики и железные дороги, и постепенно, несмотря на порождаемую им же бедность и нищету, формировало особенно мобильное общество, закрепляло и расширяло средний класс, оно оставило духовные ресурсы человечества фактически нетронутыми. Религия подверглась диверсии без каких-либо изменений и влияния на ее практику, а символы доллара и фунта стерлингов стали намного более почитаемы, нежели крест или Библия. Покров материализма повис над обществом, получившим больше всего выгоды от отдельных независимых предприятий. Оставался лишь шаг от такого практического материализма до теоретического материализма Маркса и Энгельса, достигшего высшей точки в политической, экономической и духовной тирании Ленина, Сталина и Мао Цзе Дуна. Но в то время, как миллионы искренних и идеалистических людей последних трех четвертей века, часто игнорировавших массовые убийства в советских ГУЛАГах, Китае, Камбодже и других странах, склонялись в сторону марксизма, и поддерживали систему свободного предпринимательства, а вместе с этим крах государственного общественного договора, не многие признавали, что этот крах можно было бы исправить переводом системы общественного договора в психологический вектор.

Сегодня, причем в большей степени чем когда-либо раньше, очевидно, что оставлять систему, оказавшуюся преобладающе успешной и лишь частично неудачной, изменить ее жестокой, порочной тоталитарной моделью, отрицающей человеческие ценности ставшую неустойчивой из-за своей экономической невыживаемости — это нечто из разряда безумия. Несомненно, было бы намного более разумным и полезным повторно оценить смысл государства общественного договора — со всеми его свободами, включая предпри-

нимательскую, — и, кроме того, провести такой пересмотр с точки зрения духовных потребностей человеческой души или психе в современном, но тем не менее в вечном контексте. Поэтому оставшаяся часть нашей беседы должна быть посвящена основам этой переоценки.

Государство общественного договора

Государство общественного договора — одна из самых многообещающих систем правления, когда-либо известных за всю историю человечества. Его выгода существует не только в экономической сфере, как ранее предполагалось теми, чей взгляд редко простирается за пределы их банковского сальдо, а скорее в сфере реализации духовного преобразовательного потенциала, живущего в человеке. Когда-то, в дни божественных царей древности, и затем, на протяжении векового союза трона и алтаря, само государство обладало архетипической или символической властью. С появлением более высших форм дифференцированного сознания это Дао исчерпало свой архетипический потенциал для человечества. В наше время государство не может спасти человека в большей мере, нежели чем далекий Спаситель в древней Палестине смог бы сделать это сейчас. Мужчины и женщины должны спасти себя сами, поскольку, по словам Юнга, они и только они являются носителями сознания. В своё время государство должно стать основой, созданной для удобства и пользы индивидуального сознания своих граждан. Легко подметить, что первый необходимый мотив государства — это удобство граждан. Также легко подметить, что самые современные системы правления не удобны, по крайней мере для указанных целей. Правительства предполагают, почти как само собой разумеющийся факт, что они призваны управлять жизнями своих граждан, и что обстоятельство прихода к власти конкретного лидера или группы лидеров дает им право регулировать, управлять и вмешиваться в жизни и действия людей. Как будто бы листок бумаги, на котором написано, что человек является

таким — то и таким — то чиновником в правительстве, сделал бы из него Бога, даровав сверхчеловеческие полномочия мудрости и понимания. Подобное еще можно бы было предположить в архаичные времена, когда правители были богами, но это в любом случае неуместно в наше время. Когда мы были детьми, мы думали как дети и, можно сказать, мы были послушны как дети. Перенос детских ценностей и отношения во взрослое сознание, или даже в период юности, — это серьезная ошибка.

Авторитарные правительства, независимо от того, установлены ли они голосами или штыками, ничем не отличаются от родителей, забывающих о том, что их потомство больше не живет в детстве человечества. Авторитарные властители забывают — то, что было приемлемым в дни фараонов, больше нежелательно или даже нравственно недопустимо в наши времена и в нашей культуре. В отличие от авторитарной позиции, есть также и другая, и несмотря на то, что она редко упоминается, она имеет много преимуществ. Ее иногда называли “либертарианской” позицией, хотя она имеет и другие названия. (Ни здесь, ни где-либо еще в настоящей книге термин “либертарианство” [libertarian] не имеет отношения к одноименной партии — прим. автора.) Одна из самых простых, и все же в высшей степени убедительных формулировок этой позиции содержится в предложенном заявлении потенциального либертарианского кандидата в президенты Джеймса К. Ингертсона “Катехизис либертарианства”. Кандидат обращается к гражданам следующим образом:

Вы как люди более приспособлены управлять своей жизнью, чем я. Ваша жизнь — ваше личное дело, к лучшему или к худшему, за исключением того, чтобы не вмешиваться или подвергать опасности жизнь и благополучие других. Ни один человек, ни одна компания людей на этой земле не имеют логического права вторгаться в частную жизнь, поскольку тем самым вы можете принести вред. Аргумент, представленный здесь, почти

неопровержим. Какого права каждый из нас может законно требовать от других, кроме как защиты собственной неприкосновенности? Если мы как люди подлинно обладаем таким правом, почему бы нам не делегировать его государству? Практически это означает, что правительство должно быть в основном ограничено защитой жизни и собственности; оно не должно быть опекуном нравов, регулятором частного или даже общественного поведения, если только это поведение непосредственно и очевидно вредно для благосостояния конкретного гражданина или граждан. Никакое правительство не должно быть распределителем или перераспределителем богатства, ограничителем свободного рыночного обмена товарами и услугами. Правительство, которое присваивает себе право манипулировать и регулировать поведение своих граждан, превышает свои нравственные, политические, просветительские, социальные и материально-экономические полномочия.

С точки зрения психологических принципов это означает, что правительство должно уважать Дао свободы. Люди не живут на земле с целью быть гражданами или налогоплательщиками, или социально-ориентированными пешками других людей; они здесь с целью расти, совершенствоваться и познавать свое истинное Я. Вынуждает ли государство женщину согласно закону выносить ребенка, не прибегая к аборт, или подвергает чьи — либо справедливо заработанные деньги налогообложению или конфискации, — это психологическая травма независимости и целостности личности. Не имеет ни малейшего значения, мотивировано ли при этом правительство архаичными теологическими понятиями конкретных законов человеческой жизни, или средневековыми понятиями государства всеобщего благоденствия Робина Худлайка.

Возникающую потребность в ограничении государственной власти следует рассматривать как психологическую потребность в индивидуации психэ. Прежде всего необхо-

дима согласованность и последовательность в установлении свободы. То есть с точки зрения психологии для государства нерационально гарантировать права женщин, но отрицать права работников и предпринимателей на сохранность плодов своего труда. Это в той же степени нерационально, как и требовать свободу религиозного вероисповедания и совести, и в то же самое время законного регулирования сексуального поведения и личных предпочтений. Ключевое отличие либертарианских ценностей от авторитарных — это выбор. Неосознанное человечество было в малой степени способно к выбору. Но рост сознания зависит и проявляется в принятии свободных решений. Наша индивидуация идет не по принуждению, а путем проб и ошибок; не будучи безупречной, а будучи свободной. Государство или правительство должно не только разрешить, а поддержать способность выбора как функцию индивидуального психэ, поскольку тем самым оно продвигает рост сознания. Юнг учил нас тому, что духовный рост, расширение сознания проходит нелегко, что это влечет за собой трудности, темноту и страдание, наряду с экстазом, радостью и прекрасной перспективой света. Это заставляет нас предположить, что такая особенность индивидуации эго должна также быть отнесена и к обществу, в котором она происходит. Государство должно прекратить считать, что оно может превратить себя в идеальное общество без скорби, горя и слез. Вместо того, чтобы следовать этому заблуждению, государство, правительство и общество должны обратиться к созданию и защите возможности выбора. Там, где есть выбор, — есть и рост, и любовь, и творческий потенциал. Где выбора нет, даже при условии равенства, процветания, физического здоровья и материального благосостояния, рост будет минимален, любовь иссякнет и творческий потенциал угаснет.

Великое Дао, как говорили китайцы, не имеет формы, но управляет всеми вещами. Все формы приходят и уходят, но жизненная волна Дао остается. Формы нужны лишь

для того, чтобы позволить Дао прибывать и дальше и выполнять его бесконечную задачу изменения. Демократия, тирания, капитализм, социализм, феодализм, синдикализм, фашизм — это все формы и структуры, которые прибывают и убывают вечно. Бог не капиталист или социалист, демократ или фашист; Бог — Дао, возможность движения, роста, сознания и выбора.

Сквозь тысячи форм и несметного количества структур Бог, Дао, Плерома восходит к своему невыразимому величию. Он не заботится о политических деятелях, президентах и диктаторах; он заботится только о сознании. Смертные человеческие формы могут сделать одно из двух: либо сопротивляться, либо принять Дао. Авторитарное государство, как отчужденное, высокомерное человеческое эго, сопротивляется ему. Истинно ориентированное на свободу государство, если таковое могло бы когда-либо существовать, было бы транслятором, создателем выбора, помощником сознания. Вместо принуждения и манипуляции людьми или обстоятельствами, исключительных привилегий власти, имея веру и уверенность в потенциале индивидуального сознания, такое государство предложило и гарантировало бы только один подарок, одно благо, одно обещание: а именно выбор — выбор свободы, который и есть Дао.

Глава 8. Шаманская Америка: древний фундамент американской культуры

Было поэтически сказано, что никакой человек не остров. Самопознание, индивидуация — эти современные выражения Гнозиса не достигаются в вакууме, а в культурном и социальном контексте. Такой контекст неизбежно обладает своими собственными географическими, этническими и историческими корнями, без которых и сам процесс индивидуации, и ее психологические свойства становятся размытыми. Несмотря на сегодняшние разговоры о глобальной или всеобщей духовности, важно признать, что ни духовность, ни самопознание не могут начаться в общем масштабе, а скорее

должны брать свое начало и расти в определенном культурном контексте. Мы должны также признать, что лучшая гарантия от вторжения в наши жизни пагубных аспектов бессознательного — выявление и установление определенной причины наших проблем. Бессознательное подобно океану, как и океан, оно обладает колоссальной энергией, но для того, чтобы его силы действовали в конструктивной манере, оно должно находиться в определенных условиях.

Необходимо знать, что контекст нашей культуры важен для нас, и что на него существенно опираются наши психические процессы. Мы не живем и действуем исключительно в своем личном изолированном пространстве эго, но при этом мы не обитаем в необъятности всей планеты. У каждого из нас есть культура, история, среда и необходимый фон, на котором разворачивается наша собственная алхимия. На языке алхимии мы могли бы сказать, что наша культура — реторта, где происходит наше преобразование. Поэтому мы обязаны вникнуть в природу и характер этой реторты, и тем самым поспособствовать продвижению нашей трансформации.

Американская культура не началась с того момента, как Колумб шагнул на континент. Поскольку каждый ребенок имеет наследственность, древняя Америка с ее коренными жителями — это наследственность культуры, установленной в более поздние времена. Одним из самых замечательных событий последних десятилетий стал растущий интерес многих людей к культуре коренных американцев, часто называемых индейцами. Применяя психологические термины к культурному контексту, можно было бы сказать, что коренные американцы были в течение долгого времени основными носителями тени белой цивилизации во многих странах американского континента. Концепция тени к настоящему моменту так хорошо известна, что нет необходимости объяснять ее подробно. Достаточно обозначить, что с точки зрения психологии тень — отверженная часть индивидуального психэ, которая, тем не менее, остается приложенной

к эго, точно так же как и тень остается приложенной к физическому объекту. Тень содержит двойственные или нежелательные элементы психэ, которым разрешили уйти в царство теней бессознательного. Пока она не поднята на поверхность сознания, она преследует индивидуальное психэ и пагубно влияет на него.

Вполне вероятно, что по крайней мере в Соединенных Штатах, тень коренного жителя Америки сейчас интегрируется в сознание, что способствует индивидуации коллективного психэ. Полезно отметить, что в Европе, которая не была затронута индейской культурой, и где люди увлекались чтением романтической литературы о “благородных дикарях” древнего Запада, вымышленных племенах Апаче и могиканских воинах, это был предмет исключительно положительного проецирования. Сам К. Г. Юнг любил эти элементы древней Америки, с которыми у него была возможность соприкоснуться. Хорошо известно о его встрече и длительной дружбе с руководителем индейцев штата Нью-Мексико. Другой интересный случай рассказан ученицей Юнга Марией Луизой фон Франц. В своем дневнике она сделала запись следующей беседы:

Некогда я призналась Юнгу, что его психологические открытия и его отношение к бессознательному казались мне во многих отношениях сходными с самыми архаичными религиями, например шаманством, или религией индейцев Наскапи, у которых нет ни священнослужителей, ни ритуалов, они просто идут к своей мечте, в которую верят, следуя за “бессмертным великим человеком в сердце”. Юнг ответил со смехом: “Прекрасно, тут нечему стыдиться. Это — честь!”

К. Г. Юнг, как и другие европейцы и большинство нынешних жителей Соединенных Штатов не имели никаких отношений с людьми, участвовавшими в прошлом серьезном конфликте между коренными и белыми американцами. Они могли бы услышать от своих прабабушек и прадедушек несколько неприятных рассказов о нападениях на обозы,

идушие на запад, убийствах мужчин, женщин и детей, сожжении ферм, изнасиловании женщин и похищении детей. Еще несколько десятилетий назад много пожилых людей могли перечислить такие события. Проекция тени в эту область не происходит без причины. Не так уж и давно конфликт между американскими культурами был жестким, грубым и стоил многой боли и гнева обеим сторонам. Полезно учитывать, что эти воспоминания о злодеянии белых, наряду с событиями у ручья “Раненое колено”²⁵, оставили свой психический отпечаток печального и сильного курса американской истории. Это было не только кровавым конфликтом коренных американцев и белых поселенцев, но также столкновением обычаев и религий их родных культур. Коренные традиции ужаснули европейцев и создали могущественную тень в коллективном американском психе. Когда испанец Бернардо Диас написал о своем первом столкновении с жертвенными алтарями ацтекской империи Монтесумы в его работе “Завоевание Новой Испании”, европейцы не могли не быть шокированы описанием храма, покрытого с пола до потолка кровью человеческих жертв, где всюду стоял сильный неприятный запах человеческой крови. Как говорят, история всегда пишется победителями и представляет их точку зрения, нет никакого опровержения сведений о тысячах человеческих жертв, приносимых ацтеками и некоторыми другими коренными культурами во

---

²⁵ Зимой 1973 года в США произошло настоящее вооружённое восстание: индейцы захватили городок wounded knee (раненое колено) и два с половиной месяца отражали осаду властей. Против индейцев бросили хорошо обученные отряды спецназа, но те ночью вырезали значительную часть солдат, и оставшиеся в живых наотрез отказались продолжать осаду — неслыханный факт в современной истории! С индейцами установил контакт лидер американских коммунистов Гэс Холл. Ему удалось вывезти из осаждённого городка список требований индейцев к государственным лидерам. Главными требованиями восставших были проведение ревизии соглашений между американским правительством и индейцами, а также внесение изменений в законодательство, в части, касающейся выхода из состава США.

времена Испанского Похода. С тех пор, как стало известно, что многие подобные жертвы были принесены и другими странами, легко увидеть, что эти методы носили подтекст геноцида. В одно и то же время празднуются юбилеи Христофора Колумба и высказываются обвинения в геноциде в сторону испанских генуэзских адмиралов. Подобные сравнения могут помочь установить объективную картину.

Сознание не увеличивается с односторонним видением. Даже с точки зрения американских поселенцев девятнадцатого века был нанесен незаконный ущерб коренному населению, поэтому бесосновательные оправдания существующей эры свидетельствуют об этой односторонности. Несмотря на необузданный оптимизм в душах многих жителей Соединенных Штатов, относительно краткая история этой страны, как и любая другая национальная история, наполнена горем, жестокостью и конфликтами. Глубокие раны коллективного психэ неизлечимы, как бы старательно их не пытались лечить. (Например, можно также вспомнить серьезную травму гражданской войны, братоубийственное эхо которой все еще часто посещает нацию.) Цель существующего анализа не состоит в том, чтобы принять одностороннюю позицию защиты ценности древней Америки, а скорее сознательно понять те пути, которыми шаманская культура коренных жителей пришла в психический фон существующей культуры и как это может в дальнейшем повлиять на ее развитие.

Коренные американцы стали символом архаичного, теневого я, древней и, главным образом, амбивалентной составляющей нашего культурного наследия. Угнетение духа коренного американца было сильным; на самом деле даже большим, нежели угнетение духа темнокожих африканцев, насильственно привезенных из их родной Африки в Америку. Последствия этого подавления на коллективном психологическом уровне значительны. После выхода фильма “Похороните мое сердце в Вундед Ни” и растущего интереса к индейской духовности и шаманству, есть опасность появления печального чувства вины за прошлую

несправедливость и юношеской ностальгии по событиям, пережитым только в воображении. Это иногда реагирует на давления неудобной ему бессознательной тени враждебностью и в других случаях печальной сентиментальностью. Первая реакция также бессмысленна, как и вторая.

Все же нынешняя симпатия к коренным американцам важна прежде всего потому, что она указывает на появление, или по крайней мере на предпосылки подавления теневой стороны бессознательного нашей культуры. Во тьму должен быть принесен в свет, и тайное должно стать явным; только тогда душа может обрести целостность. Уроженцы Америки не незнакомцы, с которыми плохо обращались и которыми пренебрегали их родственники в доме американской культуры. Они не дикие иностранцы, а благородные старые соседи, с которыми мы сначала боролись, затем преследовали, и наконец забыли. Несмотря на их внешнюю неприметность и числовое меньшинство, эти благородные старые соседи могут внести большой вклад в культуру и коллективный разум и дух. Архетипы, которым несколько сотен лет, старые символы архаичного бессознательного на самом деле сильны и устойчивы.

Символическая действительность — странная и дикая земля, где древние образы порой обладают сильнейшей выживаемостью, в то время как более поздние символы и знаки рассеиваются в пустоте. Возможно, тотемы из пещер и ритуальные трубки мира окажутся более живучими, нежели звездно-полосатый флаг? И в то время, когда гордый американский геральдический орел утомится в своем полете, он может передать эстафету величественному крылатому змею Кетцалькоатлю, который обретет новую форму и смысл, представ на архетипических крыльях? Архетипы древней Америки не мертвы, они снова могут пробудиться от векового сна и привнести свою символическую мудрость и живучесть в хрупкую структуру нашей культуры. Если наше отношение к ним лишено агрессии с одной стороны, и чувственной романтизации с другой, то эти архетипы

могут все еще действовать на нас как носители целостности, проводники духовных истин того времени.

Архетип Кетцалькоатля

Несколько примеров архетипических мотивов могут проиллюстрировать природу этой задачи психо-духовной ассимиляции. (Читатель направлен за дополнительной информацией к уважаемым источникам архаичных американских рассказов, таких как “Примитивная мифология” Джозефа Кемпбела, и работе “Маски Бога”. Я бы советовал читателям консультироваться с достоверными источниками, работами по культурологии, мифологии и религии, а не черпать информацию в модной, но поверхностной литературе, имеющейся в большом количестве в настоящее время.)

У культуры доколумбовской Центральной и Южной Америки есть много важных мифов, которые хранят полезные и спасительные тайны для современных людей. Во многих отношениях эти культуры были удивительно сложны и своеобразны, хотя и нуждались в технологических и психологических механизмах. (Например, у Инков не было колеса и никакого письменного языка, за исключением вязания узлов) Из этих культур прибыл один из самых великих местных архетипов, бог-герой Кетцалькоатль, который впервые появился где-то в Центральной Мексике, но позже стал почти универсальным божеством Центральной и частично Южной Америки. Имена этого бога-героя менялись, но на различных языках они означали “пернатый змей”.

Большинство легенд, документов и памятников изображают Кетцалькоатля в человеческом облике. Таким образом, он был человеком, змеей и птицей одновременно. Студенту мифологии эта комбинация скажет о многом.

Люди часто пытаются объединить принципы земли и огня (тело является земным, в то время как жизненная сила или душа представляется как огонь). Змeya, будучи земноводным, выступает как водный символ, а птица как символ воздуха. Эти четыре элемента вместе в одном существе

составляют в целом полный тетраморфный четырехкратный образ целостности. Этот символ сразу идентифицирует Кетцалькоатля как представителя парадигмы индивидуализированного эго, богочеловека, подобного архетипу Христа, которого Юнг связал с центральным архетипом психэ, Самостью. Юнг часто говорил, что образ спасителя в различных религиях, включая христианство, символически соотносился с образом целостности, известным как Самость.

Как и Иисус, Кетцалькоатль был сыном небесного отца и непорочной женщины, а один из его самых торжественных титулов звучал так: “рожденный от Девы”. Испанские священники, которые стали главными летописцами этих древних религий, записали много странных историй о Кетцалькоатле. Каждый писал, что он был белым, пришедшим с севера, обладал сильным лбом, длинным носом, большими глазами и ниспадающей бородой. Он носил митру на голове, длинную белую одежду, украшенную маленькими крестами держал серп в руке. Другие писали, что Кетцалькоатль способствовал внедрению плавки металла, резки драгоценных камней иковки металлических предметов. Эти странные описания свидетельствуют о том, что Кетцалькоаль может быть представлен как епископ, жрец и алхимик, который, властью священного огня может сломать грубую руду физической природы и ясно показать ее красивые и полезные свойства. (Мирча Элиаде в своей работе по алхимии определяет кузнецов как первых алхимиков.) Как иерофант, носящий митру на голове, Кетцалькоатль был священнослужителем и алхимиком, который превращает хлеб и вино в божественную плоть и кровь.

О Кетцалькоатле также говорят, что он учил людей, что все плоды, окропленные его кровью, были съедобными. Согласно древнему календарю он родился в день Семи Тростников, а умер в день Одного Тростника. Этот любопытный факт может символизировать сведение семи к единице, или восстановление воедино семи частей. Тайное учение часто делит человека на семь элементов, которые

нуждаются в интеграции. (Более детально миф о Кетцалькоатле см. у Джозефа Кемпбелла, так же у Джеймса М. Прайса и Менли Холла в “Тайные учения всех времен” [*Secret Teachings of All Ages*])

Как змея, Кетцалькоатль купался по весне и строил могущественные подземные лабиринты и гроты, где жил в течение долгого времени. В память об этом во многих храмах, посвященных его культу, были сложные подземные ходы и помещения, в соответствии с записями служившие залами инициации. Он был также великим магом, великим некромантом. Он творил чудеса и даровал удивительные способности своим преемникам. (Посвященные обычно устанавливают “апостольскую” преемственность некоторого рода, как показывает опыт многих культур.) Кетцалькоатлю также приписывают изобретение иероглифического метода письма, а также владение языками. Качества архетипического жреца весьма очевидны. Учить говорить и писать — значит дать средства ясно сформулировать бессознательное, принести содержание из темных областей ума в сознание. Тот, кто не может говорить, тот меньше, чем человек, в то время как тот, кто говорит красиво и значительно — больше чем человек. Следовательно, словесное выражение — божественный акт.

Как в большинстве героических мифов, у Кетцалькоатля также был соперник, известный как Тецкатлипока, лорд темноты и ночного колдовства. Тецкатлипока решил, отравить Кетцалькоатля, чтобы избавить себя от него. Обманным путем ему дали яд замедленного действия. Когда он понял, что умирает, Кетцалькоатль ушел из своего храма в Туле [Tulla], приказав, чтобы его дом был сожжен, и направился к морю, чтобы отбыть. Детали его смерти — наиболее очаровательные фрагменты всего мифа. Сопровождаемый музыкантами, юношами и девушками, все из которых несли в руках цветы, Кетцалькоатль направился к Холуле [Cholula], где остался в течение некоторого времени, пока яд

действовал и он медленно умирал. За час до своей смерти, он благословляет четырех молодых людей, сопровождающих его, и отсылает их домой, передав им свои тайны, и надежды ожидать его возвращения в будущем.

У легенды о Кетцалькоатле есть определенные общие черты с историей Диониса, который также отправился к морю в окружении восторженных дев и юношей, а затем исчез. Что все это означает? Кто этот таинственный жрец, который является сразу человеком, змеей и птицей? Откуда он явился; что сделал по пришествии; когда и как он вернется? Предположений и теорий множество, но они мало применимы. Некоторые говорят, что Кетцалькоатль был рожден звездой в пространстве, искусно путешествующей среди галактик, которая может вновь когда-нибудь сойти с небес на пламенной колеснице. Другие говорят, что он явился из таинственной и обреченной Атлантиды, с земли, погребенной в волнах, и что он принес магию и божественный свет с затонувшего континента на Запад. Но разве звезды внутри нас самих, и небеса души не велики в той мере, чтобы объяснить тайну Кетцалькоатля? Кроме того, разве не в нас самих великий архетипический континент, погруженный в воды бессознательного, на глубину, где живет царь Нептун и морские нимфы? Та большая, внутренняя, сакральная Атлантида является великой в той мере, чтобы послужить родиной великого Кетцалькоатля и принять его снова, когда он отойдет от смертных берегов. Бесспорно одно: в истории Кетцалькоатля великий миф об учителе и мессии был явлен нам опять. В нем мы можем разглядеть сходства с Христом, Гермесом, Дионисом, Осирисом и другими героями-богами. Глубина этого мифа велика, и его архетипическая власть сильна. Многие черпают вдохновение в этой истории божественного изгнания, и многие пленены этим мифом до сих пор. Древняя Америка дала нам миф такой возвышенной архетипической природы, который можно сравнить только с самыми великими мифами Греции, Египта и кельтов.

Трикстер²⁶, архетип народа Равнин

В то время как могущественные империи майя, ацтеков, инков и другие культуры Мексики, Центральной и Южной Америки оставили нам весьма немало мифологических и религиозных источников, то же самое не может быть сказано относительно племен, населяющих Великие равнины Северной Америки. В течение многих столетий эти люди были кочевниками. Бедные и технологически отсталые, они часто изо всех сил пытались выжить. В второй части восемнадцатого столетия они достигли в некоторой мере материального и культурного богатства и власти, благодаря новому сильному союзнику — лошади. Испанские завоеватели Мексики импортировали европейскую лошадь в Новый Мир. Некоторые из этих лошадей одичали, и их потомство собиралось в большие стада мустангов, которые тогда мигрировали к северу. Народы Равнин приручали этих мустангов и делали из них верховых лошадей. Обзаведясь лошадьми, уроженцы равнин стали жестокими воинами и умелыми охотниками на буйволов, хозяевами прерии. Подвижность, священное веками герметическое качество сознания стала великим источником психологических и культурных сил среди этих людей. Поэтому недолгая слава охотников и воинов может быть приписана подвижности их лошадей, в то время как большая часть власти и славы нашей текущей цивилизации относится скорее к лошадиным силам двигателя внутреннего сгорания. (Каждый задается вопросом, будет ли эта слава также недолгой?)

В то время как легенды ацтеков и майя поднимают много любопытных вопросов, и много неправдоподобных и спекулятивных теорий, никто не может всерьез связать

---

²⁶ Англ. *trickster* — обманщик, ловкач, в мифологии, фольклоре и религии — божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения. Образ трикстера взят Юнгом из мифологии американских индейцев племени Виннебагос, в котором этот образ ярко выведен в отдельного персонажа.

легенды племени команчей, и индейского племени “черноногих” с мистической Атлантидой, или с видоизмененным учением буддистских миссионеров из Азии. Эти народы по рождению были почти без исключения истинными представителями архаичного, первобытного человеческого психе, ближе к таинственному бессознательному источнику человеческой жизни, поскольку они были ближе к земле и солнцу.

Боги народов Равнин редко собирались в структурированный пантеон. Боги и духи были скорее неопределенными силами, редко оцениваемыми как сильные или слабые, и не всегда обладающими определенными признаками или ролями. Поскольку архетипы коллективного бессознательного могут определенно сказываться на росте и развитии человеческого эго, также и боги архаичного человечества все еще в значительной степени вне иерархии, без особых полномочий и областей влияния. Может быть полезно напомнить, что это описание архетипических духовных верований древних народов не предназначено стать клеветой на их культуру. Излишняя разрозненность духовных систем приносит с этим соответствующую потерю истинной нуминозности. Определенная категория богов не делает их более или менее божественными. Чем больше люди узнают о Боге, тем меньше они познают его. Архаичная духовность ближе к источнику, ближе к изначальной божественной основе бытия, нежели ее более дифференцированные приемники. Как только появилась высокая степень психологического разделения, почти невозможно возратить основы, доступные менее дифференцированному сознанию. Поэтому для сегодняшней культуры может быть чрезвычайно трудно понять отчасти простую, неструктурированную духовность, найденную среди местами выживших ранних культур, таких как сибирские племена, аборигены Австралии и некоторые индейские народы. В то время как эти два пути отклоняются в разные стороны, современные американцы все еще могут понять особенности архаичной американской духовности

и приспособить ее к нынешним культурным и психологическим потребностям. Такая адаптация и ассимиляция требует твердой почвы в современной архетипической культуре, такой как устойчивая надежная структура эго.

Одна из наиболее важных и потенциально полезных архетипических фигур коренных народов Северной Америки — трикстер (плут). Дух обманщика, особенно популярный в индейских мифах племени “черноногих”, является божественным духом, обычно скрывающимся в теле животных. Боги животных часто появляются в индейских мифах, и они обычно символизируют архетипическую власть, направленную к определенной цели. Трикстер — странный образ героя, защитника слабых, борца со злом и практикующего фарс, вредительство и странные шутки. Обманщик имеет много имен в различных странах и племенах: на Тихоокеанском Северо-западе он — Ворон; народы Равнин определяют его как Койота; в то время как среди индейцев племени “черноногих” он известен как Паук. Мифы изображают его время от времени как создателя мира и человечества. В этих примерах он вызывает сотворение мира путем некоторого естественного феномена посредством озорства или нечаянной шалости. Даже сам мир создан как побочный продукт некоего вредительства. Трикстер часто появляется в творчестве разных народов непосредственно в образе шутника. Фигура плута в разных обличьях присутствует в рассказах африканцев (например кролика, как в истории Кролика Брю, рассказанной африканскими рабами в Америке), в то время как в Европе плут появляется как Рейнард Лис, а также как Синяя птица. Тем не менее, архетип трикстера был наиболее ясно и впечатляюще выражен именно народами Северной Америки. В своей работе, посвященной этому архетипу, К. Г. Юнг объединяет трикстер с тенью. И трикстер и тень помогают росту и развитию психэ. В конце концов, и тень и плут изменяются до уровня своей противоположности; и вместо того, чтобы быть тревожными и пугающими элементами, угрожающими сознанию, они становятся помощ-

никами и избавителями эго. Юнг подкреплял эту позицию тем фактом, что в психологической природе многих мудрых людей присутствовал элемент трикстера; и в самом деле, они часто сами действовали как плуты. Е. П. Блаватская, Гурджиев, и ранние святые Альбертус Магнус и Тереза Авила — все они проявляли качества, подобные трикстеру. Алан Уоттс, упоминая древнюю веру, часто говорил, что сам бог — шут, вечно играющий в прятки с самим собой. Всемогущество, говорил Уоттс, подразумевает самоограничение власти, а самоограничение в свою очередь включает самообман. Мудрость архаичной протопсихологии древних народов может вернуть в наше сознание эту древнюю истину еще раз. В представлении народа Равнин, плут имеет чрезвычайно важное значение. Как символ анархии, беспорядка, беззакония и вызова власти, он может стать проблемной или угрожающей фигурой цивилизованному обществу.

В своей работе, “Архетипы коллективного бессознательного”, Юнг говорит: *Любой, кто принадлежит сфере культуры, которая ищет совершенную страну где-нибудь в прошлом, должен чувствовать и противостоять очень необычной фигуре трикстера. Он — предшественник спасителя, и подобно Богу, он и человек и животное одновременно. Он является и глупцом, и сверхчеловеком, животным и божественным существом, главная и самая тревожная особенность которого — его бессознательное состояние.*

Американская культура нуждается в интеграции подавленного архетипа трикстера. Строгий и торжественный тон кальвинизма и религиозная ориентация слишком сильно повлияли на формирование и поддержание американской культуры (См. Главу 9), не уделившей внимание фигуре плута. Но все же, как свобода может быть эффективной без этого архетипа? Свобода влечет за собой способность быть игривой, смешной и даже безответственной. Художники, пророки и творческие люди часто живут за пределами твердых параметров и душевного соответствия социальных

ролей и правил, произвольно определяя необходимые им нормы и этику работы, основываясь все на том же архетипе. Открытие вновь духа трикстера может помочь нам восстановить нашу культуру мастерски и творчески, не говоря уже о стимулировании ее духовной стороны. Архетип трикстера, взятый из мифов коренных американцев, конечно же всерьез достоин нашего внимания.

Вызывание экстаза

Другой элемент индийского духовного наследия, которому уделялось немного внимание до настоящего времени — это изменение сознания посредством методов стимулирования экстаза. Община шаманов общалась с духовным миром наиболее часто путем транса, экстаза, ударов барабана, танцев и употребления психотропных веществ, которые вводили шамана в мир духов или богов. Белым американцам, считавшим посещение церкви и высушивание длинных проповедей сущностью истинной религии, идея изначальной духовности, основанной на измененном сознании сознания, вероятнее всего казалась пугающей и чуждой. Однако, согласно гностическим евангелиям, сама христианская религия была когда-то тайным учением, в котором изначально употреблялись различные средства изменения сознания. (То же самое относительно Индуизма и Зороастризма, с их Со-мой и напитком Хаомы.) Просветление и изменение сознания путем употребления различных веществ, упражнений йоги, холотропного дыхания, и т.п., были универсальной практикой эффективной религиозной жизни в определенные периоды истории. По крайней мере, одной из особенностей этих методов было то, что они очень обогатили религию, и их потеря представляет потерю для всей культуры, причем это было признано многими учеными. Мирча Элиаде, например, сказал, что одна из особенностей современного мира — исчезновение любых значимых обрядов инициации. Много эффективных инструментов инициации в свою очередь также исчезли.

Различные растительные вещества традиционно использовались коренными американцами, чтобы вызвать высшее или восприимчивое состояние, в котором тайны духовных миров могли быть получены и оценены. Одним из самых употребляемых растений, которое светским путем нашло применение в белом обществе, являлся, безусловно, табак. Племена, жившие к югу от Великих озер выращивали табак, и считали это растение средством вступления в контакт Великим Духом. Курение табака, как дым древнего священного жертвенного алтаря возносил молитвы, просьбы и пожелания людей к небу. То же самое вещество использовалось при важных встречах, чтобы продемонстрировать серьезность намерений, и для того, чтобы обсуждения могли идти без гнева и беспокойства. Красивые мифы описывают божественно-человеческое происхождение табака и его использования.

Табак обладал многими мистическими свойствами, одним из которых была возможность открыть двери в страну сновидений. Считалось, что если человек курил перед сном, сновидения, полученные под воздействием табака, были яркими и легко вспоминались. Интересно отметить, что два основоположника современной интерпретации снов, Фрейд и Юнг, были посвящены курению табака, и что их сны способствовали открытию новой области психологии. Возможно, сей любопытный факт доказывает, что священное использование веществ изменения сознания может все еще сохранить свой магический эффект, в то время как те же самые вещества, введенные в тривиальное или светское использование, не только потеряют свой священный эффект, но и могут оказать разрушительное действие. Этот принцип может быть отнесен к использованию многих веществ. Например, вино, как священный напиток в Иудаизме и Христианстве, принесло много вреда, когда стало употребляться вне священного контекста.

Другие методы изменения сознания также использовались среди коренных народов американского континента.

Танцы, барабаны, вдыхание не только табака, но и древесного дыма, наряду с употреблением многих трав и грибов все использовались в священных целях. Наиболее заметный и трагический пример этого — известный танец призраков, введенный пророком Уовокой, который получил в божественном откровении особый танец для того, чтобы дать его людям. Форма и ритм этого танца были уникальны. Как говорит его название, у этого танца был духовный подтекст; считалось, что танец возвратит индейцев из царства мертвых и восстановит былое величие индейской жизни, в то время как “белые” исчезнут с земли. Знаменитый вождь, бывший восторженным призрачным танцором, был убит армией трупов прямо после завершения танца.

Значением спиритуализма очевидно пренебрегают в современном американском обществе. Возрождение психоделических веществ и их частое использование в духовных целях с 1960-ых и в 1970-ых выдвигают на первый план именно эту потребность. Если такие потребности не будут удовлетворяться мудро и проникательно в свете дня, то они будут процветать в темноте ночи среди мятежных контркультур и нарушителей закона.

Влияние Шаманской Америки

Все это ясно дает понять, что многие отличительные особенности древней или шаманской Америки глубоко затронули белую культуру большинства, которая вытеснила ее в тень. В своем путешествии по Соединенным Штатам Юнг пришел к выводу, что психическое влияние коренной культуры все еще велико. Хотя внешних доказательств присутствия коренных народов почти не осталось, тайным, сокровенным путем древние образы и психологические архетипы продолжают влиять на нашу культуру.

Пример этого влияния — тот факт, что американские демократические институты в большей мере обязаны коренному населению, нежели любым европейским нововведениям. В то время как герметическая духовность и идеология

Просвещения, как мы говорили, была фактором психологической мотивации основателей американской республики, организационная структура индейцев послужила моделью для того, чтобы провести в жизнь эти идеалы. Федерация Ирокезов, объединяющая племена севера, дала основателям Америки структуру колоний, объединенных в национальную систему. Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин и Джордж Вашингтон оказывали поддержку индейцам и внимательно изучали их идеи. Отсюда может быть сделано превосходное предположение о том, что пока таинственный и герметический дух основателей республики не потеряет своей силы, влияние коренных народов будет продолжаться. Варварское и жестокое отношение к ним в более поздние времена выросло из культурного потока, очень отличающегося от идей отцов-основателей. (Читатель направлен к превосходному исследованию этого предмета антропологом Джеком Витерфордом под названием: "Дары индейцев: Как американские индейцы преобразовали мир"²⁷.)

Продолжение влияния шаманского потока в американском психэ также подтверждено многочисленными историческими событиями в нашей истории. Один из примеров — сильный индивидуализм, который засел в нашем коллективном психэ. Народы Северной Америки, хоть и жили племенами, ориентировались к своего рода индивидуализму. Более того, у них процветал шаманизм. Согласно авторитетному мнению Мирче Элиаде, шаманы — герои индивидуации сознания и проводники экстаза. Глубины американского психэ по крайней мере предоставляют кров большинству шаманов и охотников, воинов и торговцев. Великие коллективистские идеологии этого столетия, включая анархизм, марксистский социализм и коммунизм, были всегда чужды душе американского народа. Такие потоки в основном шли из Европы и процветали прежде всего среди недавних им-

---

²⁷ Jack Weatherford, *Indian Givers: How the Indians of the Americas Transformed the World*.

мигрантов. Ценность и сила личности всегда были основой мышления людей этой земли, и это может быть близко связано с забытой, но все еще имеющей мощное влияние, архаичной психикой.

Другую сильную шаманскую тенденцию, неоднократно выраженную в нашей культуре, можно было бы назвать явлением спиритуализма. Первоначально возникнув среди религиозных групп, таких как шейкеры и спикеры, крупное движение спиритуалистов середины девятнадцатого века стало основным воплощением шаманизма в современной культуре. Разговор с духами невидимого мира, часто с употреблением различных средств, — явление классического шаманизма во всех частях света. Это явление продолжало проявляться в форме множества сообщений о связи с пришельцами в течение 1950-ых, продолжившихся в 1970-ых и 1980-ых. Как отмечалось, психоделическая революция 1960-ых также была вдохновлена древним шаманством. Несмотря на свои злоупотребления, эта эра разожгла большой творческий, психический и духовный пыл в культуре, который еще не угас.

Все эти потоки объединяет одно: хотя они искренне связаны с шаманством, они испытывают недостаток в защите и контроле той традиции, в которой они пребывали в древнем обществе. Ответственность за успех или неудачу таких действий строго накладывается на конкретного практика. Это обстоятельство приносит опасности, когда практик обладает небольшим психическим развитием.

Наконец, наше шаманское наследие также нашло отражение в земной духовности последних лет. Как и приверженцы богини Геи, защитники экологии охраняют требования коренных американцев как свою собственную модель. Как это имеет место быть с очень многими популярными веяниями, это движение также нуждается в осторожном исследовании и оценке. Нет сомнения в том, что коренные американцы уважали землю и обладали мифологической основой для этого. К тому же, нужно помнить, что это

уважение никогда не принимало яростную форму, как это часто происходит среди современных энтузиастов. Имя, преимущественно используемое среди коренных американцев для обозначения земли, — это “мать”, но этот термин не несет в полной мере значения “мать-земля”, используемого поселенцами и несущего в себе темные хтонические тенденции. Кроме того, нужно помнить, что Солнце всегда представляется в древних учениях как “отец” и рассматривается как равное земле. (Друг Юнга вместе со своим народом считал своей обязанностью делать поклонение “отцу нашему Солнцу” каждое утро.) В целом, мало оснований для того, чтобы считать коренного американца последователем матриархального земного вероисповедания с эклектичным подтекстом.

Что же тогда относительно почтения земли вне индейских ассоциаций? Как красива фраза “наше родство с матерью-землей”! Они заставляют нас думать о плодородных полях, пышных лесах и текущих реках. Тем не менее, есть и опасности такого отношения к земле. Мы — культура, в значительной степени отчужденная от земли. В результате нашего господства над этим элементом, мы потеряли связь с ним. Из-за нашей самоизоляции от земли и природы, мы склонны идеализировать ее, переносить психологические проекции, которые часто являются неуместными. Поэтому мы не в состоянии видеть темную сторону природы, ужасающие аспекты земли, бескомпромиссные, жестокие и порабащивающие аспекты красивой, но все-таки опасной стихии на планете. Да, мы живем на этой земле; да, мы должны ответственно относиться к естественной матрице, в рамках которой мы существуем. Иначе мы будем неблагоразумными птицами, оскверняющими свое собственное гнездо. Но мы не должны забывать, что гнездо не то же самое, что и птица. Эзотерические и экзотерические традиции объявляют, что земля не единственный дом для людей, и что мы не росли как сорняки из почвы. В то время как наша материальная оболочка действительно скорее всего возникла на этой

земле, наша внутренняя сущность не отсюда. Иной взгляд помещает нас за пределы всех известных духовных традиций и отделяет нас от знаний провидцев и мудрецов всех времен. Будучи по своему мудрыми, коренные американцы имели пусть и небольшую связь с этим богатым духовным наследием.

Древняя Америка, шаманская Америка, еще с нами, и она может многому научить нас, хотя эти знания могут отличаться от наших представлений о них. Теперь, когда это учение вышло из тени, мы должны понять его сознательно. Это необходимо нам и духам наших культурных предков.

Глава 9. Герметическая и Пуританская Америка: Противоположности нашего общества

Современная общественная арена Соединенных Штатов характеризуется нестройным многозвучием перекрикивающих друг друга голосов, причем каждый из них желает стать подлинным, истинным голосом этой страны. С левой стороны социополитического спектра большинство голосов находится под влиянием европейских идей конца девятнадцатого и двадцатого веков. Я подразумеваю под этим прежде всего диалектический материализм Маркса и Энгельса в нескольких его вариациях, в том числе переосмысленный Лениным. Появившаяся на свет в Западной Европе и приплывшая вместе с обедневшими и беспокойными интеллектуалами-иммигрантами в Соединенные Штаты, марксистская мысль стала почти нормативом для американских левых. Хотя коммунистическое движение в США никогда не приобретало статус какой бы то ни было значимости, а различные явно социалистические группы оставались за бортом общества, марксизм и криптомарксизм все еще пребывает среди нас, и ему не угрожает опасность исчезновения. Возникает искушение повторить трагикомическую шутку, что в скором времени коммунизм и его союзники полностью исчезнут с лица земли, и его следы уцелеют лишь в определенных

американских университетах и в некоторых кругах нью-йоркских интеллектуалов.

На противоположном конце спектра часто затейливо смешиваются протестантизм девятнадцатого века или фундаменталистское христианство с одной стороны и экономическая перспектива Промышленной революции с другой. Поскольку левые прикрываются избитыми лозунгами о защите бедных и другими человеческими ценностями, это приводит к установке традиций, обычаев и семейных ценностей, взятых из трудовой этики прошлого столетия, половой дискриминации и угнетению почти любого кто не согласен с подобными тезисами.

Между этими полюсами образуется много оттенков мнений и различных последователей, склоняющихся к той или иной крайности. Соединение этих противоположностей в свою очередь поощряется, развивается и до некоторой степени сдерживается государственной системой, которая старше и умнее, чем любой из цветов социополитического спектра. Однако, эта правительственная система, основанная на независимости трех ветвей власти, — исполнительной, законодательной и судебной, функционирует на основе конституции, принятой в восемнадцатом столетии, — в эпоху, когда идеологии, а также достоинства и недостатки нынешнего общества еще не были явлены.

Так какова же тогда истинная Америка? Кто скажет об этом? Есть ли у свободной страны, обители смелых, земли возможностей, у нации Статуи Свободы истинный голос? Услышим ли мы сквозь многочисленные крики единственный голос этой земли и этой культуры? Поняв всю важность этих вопросов, и используя все доступные и полезные источники информации, эта глава пытается на них ответить.

На мой взгляд, есть три Америки. Первой является Древняя, или Шаманская Америка, описанная в главе 8. Второй является Герметическая Америка, к которой обращается эта глава. Третьей является Пуританская Америка, которая в большинстве своем действовала как противо-

стоящая сила Герметической Америки, и она также будет рассмотрена в этой главе.

Чтобы получить понятие Герметической Америки, мы должны вернуться далеко назад в историю, к александрийскому периоду поздней античности. Тогда греческий бог Гермес, сын Зевса, посланник богов и покровитель знания и торговли, был архетипически объединен с египетским богом Тотом, покровителем мудрости, писцом богов и управителем преобразования. Результатом этого объединения стала великолепная система мистического Гнозиса, духовно близко связанного со школой христианского гностицизма. Появился обширный и глубоко вдохновляющий блок мистической литературы, поэтически обращенной к Гермесу-Тоту, и предназначенной облегчить духовный поиск, преобразование и способствовать освобождению человеческой души.

Влияние герметического наследия утвердилось и несколько раз вновь заявляло о себе в истории Западной культуры. После глубокого влияния на раннюю христианскую мистическую мысль в первые четыре века Нашей эры, герметизм вернулся вновь в пятнадцатом веке и согласно историкам, таким как покойная Фрэнсис Йейтс²⁸, был ответственен за духовный аспект такого выдающегося культурного явления, как Ренессанс. Герметические письма, привезенные в Италию из Византии, были переведены под патронажем принцев Медичи и их содержание было распространено среди интеллигенции Европы такими людьми как Фицино, Пико делла Мирандола и Джордано Бруно. Таким образом, Средневековье завершилось шумом начавшегося Герметического Ренессанса. (Был и другой, намного менее духовный

---

²⁸ Англ. *Frances Amelia Yates*, 1899–1981 — английский историк культуры Ренессанса. Основная тема ее исследований — способы поддержания и передачи традиций в культуре, механизмы их синтеза и переработки в переходную эпоху Возрождения. Отсюда её интерес к проблематике “искусства памяти” и тайным наукам — эзотерическим, оккультным, герметическим, к таким фигурам, как Раймунд Луллий, Джорджано Бруно, Джон Ди и Шекспир.

“гуманистический Ренессанс”. Он был ознаменован, главным образом, возрождением классических наук.)

Герметический Ренессанс был в самом расцвете, когда Колумб прибыл в Америку. Он процветал в Англии во время Елизаветы I, а следовательно непосредственная этническая и культурная родина Северной Америки была полностью “герметической”, когда начала свое колониальную экспансию в мире. Герметические и неогерметические потоки были быстро перенесены из Англии в Америку и подкреплялись эмиграцией в Новый Мир европейских эзотериков герметического направления, таких как немецкие розенкрейцеры Центральной Европы. Начиная с лорда Бэкона, ученого времен Елизаветы и герметического философа, и Йоханеса Келпиуса, немецкого оккультиста, мистическое влияние главным образом герметического происхождения утвердилось в недавно основанных колониях Северной Америки.

Ко времени Американской Революции Герметический Ренессанс в значительной степени сросся с изначально французским движением Просвещения. Королевские дворы Франции, Австрии, России, и немецкие принцы были посвящены в герметическое искусство и учение. Поэтому главы Американской Революции, особенно ее интеллектуальное крыло, ведомое Бенджамином Франклином, были преисполнены духом Герметического Просвещения.

Основатели американской республики создавали образцово-показательное правительство, до настоящего времени невиданное в истории, республику, основанную на философии Герметического Просвещения с определенными изменениями, необходимыми той исторической эпохе, мудрости *Corpus Hermeticum* и других герметических трактатов. Так Гермес попал в Америку. Возможно, к неудовольствию некоторых, эта глава настаивает на том, что главным вдохновителем американской республики был не Моисей или Иисус, и даже не св. Августин или св. Фома Аквинский, а скорее древний Гермес Трисмегист. Гермес, который выжил среди алхимиков, магов, розенкрейцеров, масонов и французских

философов-просветителей, пересек Атлантику на своих крылатых сандалиях и присутствовал на первых собраниях Континентального Конгресса, возвысив в своих руках кадуцей.

Нет сомнения, что мистическое герметическое масонство сыграло огромную роль в создании республики на противоположной стороне Атлантики в 18 веке. Эмиссар французских колонистов-революционеров Бенджамин Франклин был ярким масоном, который имел тесную связь с ведущими представителями этого братства в Ложе Девяти Сестер во Франции. Там он встретил уже пожилого Вольтера, а позже присутствовал на масонской поминальной службе в его честь. Ложа Девяти Сестер почитала не только Вольтера, но и Лафайета, принца Шарля де Рохана и философа Гельвеция. Она была известна своей мистической и герметической направленностью, возглавляемая когда-то Куртом де Жобеленом, одним из самых ранних толкователей тайного значения карт Таро. В то время как многие вели себя дипломатично и осторожно, не высказывая открыто своих убеждений, Франклин свободно писал в письмах о своей связи и преданности герметической традиции²⁹

Наименее исторически уместны, но представляют наиболее символический и архетипический интерес два таинственных случая, связанные с основанием республики. Оба относятся к принятию национального флага. Таинственный человек, никогда не упоминавшийся по имени, но часто называемый “Профессором”, как говорят, внезапно оказался в комитете рассмотрения проекта национального флага в 1775 году. К нему относились с большим уважением Вашингтон и другие высокопоставленные члены комитета, он имел признаки знакомства с Франклином. Этот человек остановился на некоторое время у Франклина, и по слухам сделал предсказание относительно предстоящего признания новой американской нации различными правительствами

---

²⁹ См. ссылки в библиографии М. Холла — прим. автора.

мира. Эта история, основанная на сообщениях свидетелей, рассказана Робертом Алленом Кемпбеллом в книге “Наш флаг”. Еще больше известен случай о появлении таинственного незнакомца во время подписания Декларации Независимости, который выступил с воодушевляющей речью, побудив тем самым подписать этот документ даже тех, кто изначально выступал против. В заключение, как говорят, он произнес: “Бог создал Америку для свободы!” Легко посчитать эту фразу красивой метафорой. Однако, архетипические образы часто появляются в неожиданных и схожих ситуациях, и эффект их появления обычно внушителен и долговечен³⁰.

Передовая статья в журнале “Теософ” (Мадрас, Индия, 1883) подписанная Е. П. Блаватской содержит следующие строчки: “все же бесспорно, хотя это и личное суждение, что несколько Братьев Розового Креста... действительно принимали видное участие в американской борьбе за независимость. У нас есть документы на этот счет, и доказательства эти находятся в нашем распоряжении”. Эти слова одной из основных фигур эзотерического возрождения конца девятнадцатого века, имеющей отношение и осведомленной о деятельности многочисленных тайных обществ герметичного происхождения, не должны быть так легко отвергнуты.

Герметическая Америка

Теперь возникает вопрос: Каково содержание этого герметического учения, переданного основателям американской республики в различных кругах герметического, розенкрейцерского и масонского Просвещения? Чтобы ответить на этот вопрос, мы кратко обозначим те герметические принципы, которые имеют непосредственное отношение к основанию американской республики.

Первым из них, привнесенных в ткань нового Содружества наций от Герметического Просвещения, было разде-

---

³⁰См. Manly P. Hall, *America's Assignment with Destiny*.

ление церкви и государства. Этот принцип был неслыхан в любой части мира или в любом правительстве во время основания Соединенных Штатов. Согласно Конституции, ни одна религия не признавалась государственной. Согласно закону правительство полностью освобождало себя от вмешательства религии. Самым большим из того, что религиозные меньшинства могли ожидать от других государств до этого момента, была "толерантность". Это значило, что при официальной поддержке установленной ими государственной религии, власти будут снисходительно переносить (tolerate значит "переносить" на латыни) причастность некоторых лиц к религии иной. Опытным образцом толерантных монархов был без сомнения Фридрих Великий. Он произнес известные слова: "Позвольте каждому спастись на свой собственный манер", хоть и поддерживал Лютеранскую Церковь Пруссии. Основатели американской республики явно выходят за эти рамки.

Обычное оправдание теории о разделении церкви и государства в Америке состоит в том, что в те времена несколько религий процветали в различных колониях, и не было ничего лучше, кроме как сделать религию частным вопросом и тем самым предотвратить потенциальные разногласия. Однако, учитывая герметическое влияние, привнесенное основателями, можно предположить, что это не было единственной причиной такого решения. Герметическому Просвещению в целом было необходимо не просто отсутствие религиозной борьбы; скорее оно чувствовало, что что-то глубоко неправильно в богословии существующих религий нашей культуры, и поэтому ни одна из этих религий не должна быть поддержана. Проблема была не в том, что никто не знал, какая именно из религий была правильной, а скорее в том, что многие знали, или по крайней мере подозревали, что все они были неправы.

Одним из главных разногласий между Герметическим Просвещением с одной стороны и различными ветвями христианства и иудаизма с другой было понятие Бога. Весь хри-

стианский и мир тогда вместе с иудеями был сторонником теизма, веры в единого Бога-создателя, мирового судью, который лично управляет своим творением в каждый момент времени. В глазах герметических философов Просвещения это понятие имело не только теоретические недостатки, но также и повлекло за собой определенные практические беды, такие как божественное право правителей, присутствие религиозных стереотипов в обществе и многие другие. Если Бог активно вмешивается во все дела мира и людей, можно легко предположить, что этот самый Бог воздействует на существующую правительственную и социальную структуру, и государство должно провести в жизнь законы Бога, чтобы Ему угодить. Исходя из разделения церкви и государства, мы можем предположить, что основатели Соединенных Штатов не поддерживали такого Бога.

Мужчины и женщины Просвещения были в основном не теисты, а скорее деисты. Деисты признавали Высшее Существо как источник творения и вершителя судеб всех существ и Вселенной, но они были убеждены, что этот Высший Разум активно не управлял Вселенной и не вмешивался в дела человечества. Это был внешний Бог, герметикам и гностикам также известный время от времени как *Deus Absconditus*, “Бог ушедший”. (Эзотерики различных школ и исторических периодов расходятся между собой в этом вопросе. Вышеупомянутая Е. П. Блаватская решительно опровергала теистическое понятие Бога.) Неортодоксальные религиозные представления многих отцов-основателей не были только вопросом личного мнения: Бенджамин Франклин даже написал литургию для новой религии, основанной на деистических, герметических принципах, и послал копию этой литургии Жану Жаку Руссо, который в свою очередь принял ее с удовольствием и, по-видимому, с одобрением.

Второй отчетливо герметической особенностью американской республики была теория о трех ветвях власти. Хотя это не очень хорошо известно, Соединенные Штаты были и остаются действующей конституционной избирательной

монархией, в которой монарх (называемый “президентом”) имеет намного более широкие полномочия, нежели существующие конституционные монархии Европы. В то время, когда создавалась Конституция, были даже серьезные дебаты, что президент должен называться “Недостижимая Высота”, указывая на монархический характер должности. (Избираемый монарх республики ранее не встречался в истории; даже республики Венеции — выдающийся пример.) Герметическое учение никогда не было преобладающе республиканским, хотя оно и было настроено против абсолютных монархий. Фактически, абсолютные монархии были отжившим явлением в Европе; Священная Римская Империя, восходящая ко временам Шарлеманя, не была абсолютной монархией, а скорее представительским мистическим и мифическим объектом. Монархи в герметической системе понимались как олицетворение абстрактной бесконечной власти, в противовес конечной власти деистического Бога. Вероятно, что люди, поклоняющиеся традиционному образу Бога Иеговы, вряд ли создали бы такую схему герметического правления. Тем не менее, сторонники герметизма знают, что люди склонны присвоить себе полномочия и привилегии, которые должным образом принадлежат только истинному, конечному Богу. Такое поведение делает людей архонтами, что означает “переходный, или вторичный правитель” с подтекстом узурпации. Абсолютные монархи, против которых Герметическое Просвещение боролось во время американской Революции, воспринимались как архонты, а не как истинные представители духовной власти.

Теория о разделении властей на три ветви — исполнительную, законодательную и судебную предотвращает концентрацию безграничной власти в руках одного человека или группы людей. Такое правительство напоминает не что иное, как структуру управления Массонской Ложы, с ее тремя правящими офицерами, где Мастер Ложы занимает свой пост посредством выборов. Другая важная гермети-

ческая идея, отраженная в основании Америки — это источник легитимности правительства. В Европе тех времен подразумевалось, что источник законности — это воля, или “каприз Бога”. Однако, основатели Америки решили, что воля людей, или “справедливое согласие управляемого” — исток законности правительства.

Здесь мы вновь находим важный герметический принцип. Начиная с александрийского Египта, герметическое учение всегда давало высшую богоподобную власть и достоинства человеческой души. Человеческая душа — особое творение Бога, она имеет божественное происхождение и несет в себе его частицу, поэтому как таковая никогда не может быть подвергнута внешней власти. Человек был создан как некто, заставляющий события происходить определенным образом, а не как пассивный исполнитель божественной воли. Как независимые люди, граждане могут заключить контракт друг с другом, чтобы создать сообщества, такие как государство и нация, а не обязаны оставаться игрушками навязанных им правителей. (Теория Общественного договора Руссо также послужила источником вдохновения для этой особенности американского правления.)

Наконец, нужно рассмотреть герметический принцип алхимического взаимодействия и объединения противоположностей. Этот принцип, в большей мере, чем любой другой, нашел свое отражение не только в американском правительстве, но и во всей истории Соединенных Штатов. Герметическое мировоззрение объявляет, что жизнь — процесс трансформации. Поэтому жизнь не может быть управляема, а скорее должна регулироваться. С этой точки зрения правительство походит на мастера алхимического искусства, который отслеживает ход процесса, но не вмешивается в него. Чем меньше вмешательства правительства в процесс жизни государства, тем лучше. Если граждане могут получить собственный источник дохода, развивать отрасли, профессии и участвовать в бизнесе так, как они

того пожелают, то процесс идет правильно. Следовательно, политические, социальные и экономические силы, словно алхимическая Соль, Сера и Ртуть, свободно взаимодействуют друг с другом. Результат — рост, преобразование и раскрытие бесчисленных скрытых потенциалов благотворной природы. Руководящий принцип этого процесса — отнюдь не мелочный, одержимый и тиранический Бог Ветхого Завета, а скорее Гермес, как управитель бытия, помощник и мудрый алхимик, преобразовывающий мир.

Пуританская Америка

В отличие от герметического духа, есть и другой элемент американской жизни, которой в корне отличался и действительно был противопоставлен герметическому Просвещению. Этой противостоящей идеей стал пуританизм³¹, или кальвинистская протестантская форма христианства. Различными способами пуританизм стал образом жизни, значимой силой, влияющей на общественную жизнь на протяжении всей американской истории.

Пуританская составляющая американского общества берет свое начало в Англии. Она идет по стопам Жана Кальвина³², теократического тирана Женевы, который, как известно, бросал людей в тюрьмы за такие преступления как танец, и по стопам вдохновленного ученика Кальвина Джона Нокса в Шотландии. Английские пуритане стали причиной многих бед в их родной стране. Оливер Кромвель³³, сторонники которого безжалостно казнили Короля

---

³¹Пуританизм — (*purus*, лат., *pure*, англ. — чистый, истинный). Пуритане были сторонниками очищения английской церкви от либеральных тенденций и наследия католицизма, причем порой любыми и весьма радикальными средствами.

³²Фр.*Jean Calvin* (также *Cauvin*, лат.*Ioannes Calvinus*; 1509–1564 — французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма.

³³1599–1658, английский государственный деятель и полководец, вождь Английской революции, руководитель индепендентов, в 1653–1658 лорд-протектор Англии. В 1640 году Оливер Кромвель был избран в Долгий парламент. Один из главных организаторов парламентской армии,

Чарльза I, установил теократическую диктатуру, запретил праздновать Рождество, когда старая добрая Англия озарялась всеми цветами и оттенками красоты. Этот жестокий и скучный режим был в конце концов свержен восстановленной монархией палаты Стюарта, и пуританские друзья Кромвеля все больше осуждались обществом. Многие из них решили переплыть Атлантику, где стали известны как пилигримы [Pilgrims] и вошли в народную легенду посредством первого Дня благодарения и других историй³⁴.

Пуритан помнят в идеализированной литературе и искусстве как несчастных иммигрантов, ищущих религиозной свободы, отсутствующей на их родине. Но на самом деле они сами отказывали в этой свободе столь часто и столь долго, что были изгнаны со своей родины в наказание за

одержавшей победы над королевской армией в ходе гражданских войн (1642–1646, 1648). Опираясь на армию, изгнал из парламента пресвитериан (1648), содействовал казни короля и провозглашению республики (1649), власть в которой была сосредоточена в руках сторонников Кромвеля. С 1650 лорд-генерал (главнокомандующий всеми вооруженными силами). Кромвель подавил движения левеллеров и диггеров, освободительные движения в Ирландии и Шотландии. В 1653 установил режим единоличной военной диктатуры — протекторат.

³⁴К лету 1620 года через подставных лиц пуритане зафрахтовали в Англии старый парусник “Мэйфлауэр” и еще более древнее парусное судно “Спидуэлл”, которое не выдержало долгого путешествия и развалилось еще у европейского берега. 6 сентября в условиях глубокой секретности “Мэйфлауэр” вышел из Плимута, направляясь к неизведанным берегам Нового Света. Этих искателей религиозной свободы и стали называть “пилигримами”. Они основали колонию Новый Плимут.

В четвертый четверг ноября в США отмечают День благодарения (Thanksgiving Day). Это один из самых популярных праздников в стране. День благодарения впервые был отпразднован в 1621 году английскими колонистами, жившими в Плимутской колонии. Предыдущая зима была очень тяжелой и голодной, новая зима также сулила колонистам мало хорошего. Тогда губернатор Уильям Брэдфорд решил поднять дух своих подчиненных и организовал первый День благодарения. Праздник совместно отметили британские колонисты и их соседи-индейцы, благодаря помощи которых Плимутская колония выжила в первую голодную зиму. Пуритане привнесли в этот праздник глубокий религиозный смысл — они видели в нем способ поблагодарить Всевышнего за милости.

реальные преступления. Они вскоре отличились и в Новом Свете, убивая предполагаемых ведьм, и это в то время, когда практика сжигания ведьм уже повсеместно исчезла! Интересно отметить, что в более поздние времена голландские пуритане, обосновавшиеся в Южной Африке, стали изобретателями и применителями апартеида. Очень неприятное достижение, надо сказать!

К сожалению, этим не кончилось. Пуританская идеология оказала странное влияние на фактически все американское протестантство (и нужно признать на большую часть американского католицизма тоже). Не только прямые ветки кальвинистской традиции, такие как пресвитерианские и преобразованные церкви, но неисчислимые другие духовные школы были разбавлены кальвинистскими идеями, пуританскими ценностями и образом жизни. Непредсказуемым образом Соединенные Штаты стали очень кальвинистской страной, больше так чем Швейцария, Шотландия и Голландия, — изначальные цитадели этой веры. Деизм и герметичное мировоззрение обратились к культурной элите, в то время как пуританизм, первоначально зародившийся в Новой Англии, распространял свои принципы (видоизменяя их время от времени) повсюду среди широких масс.

Поддерживает ли он демократов Джексона или республиканцев Линкольна, для “обыкновенного человека” истории Америки всегда, по крайней мере частично, характерно наличие кальвинистской составляющей.

Следует обозначить четыре особенности кальвинизма (или пуританизма)

1. Прежде всего, образ бога кальвинистов — радикальный вариант бога Ветхого Завета. Лютер был реформатором, представляющим Христа. Кальвин представлял Иегову. Было мудро отмечено К. Г. Юнгом и другими, что местом поклонения Богу является психэ. Образ бога кальвинистов радикально противоречит деизму Отцов-основателей, и его влияние характеризуется резкостью, мстительностью и варварской жестокостью. (Нужно помнить, что Кальвин и его

сотоварищи не пользовались усовершенствованным и смягченным богословием более позднего раввинского иудаизма, в котором этот образ Бога подвергся благотворному переосмыслению. Бог Кальвина прибыл прямо из Ветхого Завета, и место его поклонения соответствует его образу.)

2. Кальвинизм по своей природе и истории ориентирован на теократию. Набожная диктатура была частью истории этой религии. Мелочный, жестокий и одержимый образ Бога было отражен в общественном поведении и политике его почитателей. Ранняя американская история свидетельствует о желании кальвинистов управлять не только общественной, но и личной жизнью. Ведьмы должны быть убиты, грешники должны быть пригвождены к позорному столбу или заклеены алой печатью — вот проявление этого синдрома. Довольно прямая связь проходит между Великой Матерью вместе с ее конторскими судьями и такими современными движениями как “Моральное Большинство”. Очевидно, что герметический принцип разделения церкви и государства никогда не воспринимался всерьез кальвинистским менталитетом.

3. Знаменательная особенность кальвинистской веры — доктрина предопределения. Изначально возникшая как абстрактная теологическая теория, эта доктрина приобрела новую универсальную интерпретацию, позволяющую признать, что представители кальвинистской морали были новыми “избранными людьми”. Материальное благополучие и успех понимались как божественная благодать, данная избранным для спасения. Поэтому кальвинисты были амбициозными, алчными и весьма часто безжалостными людьми. С точки зрения эвфемизма такое отношение было включено в безвредный термин “трудовая этика”, якобы достойной, здоровой и мужественной веры, которая в то же самое время несла огромную тень. Эта особенность кальвинизма вскоре образовала безобразный союз с капитализмом, рожденным промышленной революцией. Бароны-разбойники, или не выбирающие средств бизнесмены и женщины нашей культуры

являются не герметическими, а кальвинистскими фигурами. Следовательно, еще с тех времен кальвинистский или пуританский дух отменял и приуменьшал многие из огромных преимуществ, дарованных Америке духом герметическим. Эта тенденция не прекращается даже сегодня.

4. Наконец, пуританизм фактически стал разговорным термином. Он часто подразумевает чрезвычайное морализаторство относительно личной жизни и поведения, а также применение моральных принципов к политике или бизнесу. Он характеризует также внешне безрадостное, строгое отношение к радостной стороне человеческой жизни, компенсирующееся внутренней жестокой жадностью и жаждой власти. (Есть острая шутка на этот счет, что кальвинистский проповедник объявил, что мороженое, должно быть, было изобретено дьяволом, потому что оно имеет так приятный вкус.) Глубинная психология показывает, что такая одержимость и подавление образа жизни представляет большие опасности для психэ тех, кто ей подвержен. Во время своего первого посещения Соединенных Штатов Юнг говорил об этом вопросе в интервью, напечатанном в Нью-Йорк Таймс 29 сентября 1912:

Когда я вижу столько тонкости и столько чувственности, сколько я вижу в Америке, я ищу равное этому количество жестокости. Пары противоположностей — вы найдете их повсюду. Я нахожу больше всего самоконтроля в мире среди американцев — и я ищу его причину... Я нахожу много ханжества. Я спрашиваю, что является его причиной, и я обнаруживаю жестокость. Ханжество — всегда прикрытие для жестокости. Это делает жизнь возможной, пока вы не увидите в себе зверя и не возьмете на себя реальный контроль над ним. Если вы сделаете это в Америке, тогда вы станете самым чутким, самым темпераментным и наиболее прогрессивным народом в мире.

Естественный результат недостатка самопознания — жесткий контроль над сиюминутными желаниями. Те, кто

сами себя не знают, не должны пытаться управлять собой, не понимая, кем или чем они собираются управлять. Кальвинистская мораль — прямая антитеза Гнозису, представленному Юнгом. Ханжество, угнетение и искусственные правила морали служат только для того, чтобы скрыть (время от времени, чтобы закрепить) опасные инстинктивные силы и психологические комплексы в бессознательном. Поэтому Юнг предвидел многие из будущих проблем американской культуры.

Защита нашего герметического наследия

С этой точки зрения ясно, что основные особенности Герметической Америки и Пуританской Америки противоречат друг другу, и эта борьба продолжается по сей день. Глубинный, и видимо непримиримый конфликт разрывает душу Америки напополам. Хотя с некоторыми тонкостями этот конфликт может быть понят как составляющая алхимического процесса, ответственность за его проведение все еще возложена на тех, кто пытается защитить герметическое наследие этой страны и спасти его от захвата противника. Только с учетом памяти и соблюдения герметических условий изначального американского видения эта задуманная основателями алхимическая операция пройдет успешно.

Каков же тогда должен быть план действий тех из нас, кто приобрел некоторую информацию о Герметическом компоненте ранней Америки и почувствовал его ценность? Ответ на этот вопрос может быть дан в трех пунктах.

Во-первых, давайте признаем существование конфликта, осознаем и ясно сформулируем его характер и значение. В легенде о чаше Грааля Парсифаль сталкивается с раненым королем-рыбаком Амфортасом и задает этому больному простой архетипический вопрос: “Что Вас беспокоит?” Если, как Парсифаль, мы зададим правильный вопрос, мы сможем вылечить царство. То, что беспокоит нашу культуру больше, чем что-либо иное — это продолжающийся, коварный и рискованный конфликт между герметической архетипиче-

ской матрицей республики с одной стороны, и пуританским комплексом с другой. Рост преступлений, экономические трудности, промахи во внешней политике, человеческие недостатки государственных деятелей: все это — признаки глобального основного конфликта. Герметическое мировоззрение будет преобладать? Или вмешательство архаичной, бессознательной религиозности, навязывание мировоззрения и образа жизни, основанного на ней, будет уводить американский народ и культуру все дальше и дальше от целей, поставленных теми, кто вдохновившись прекраснейшим, старым как мир видением, обещающим вечность, основал Герметическую республику на земле Дикого Запада?

Во-вторых, мы также должны узнать о философских и мистических корнях Герметической Америки и изучить эти знания в этом свете. Сегодня эта задача легче, нежели чем когда бы то ни было. Некоторые документы, относящиеся ко времени раннего расцвета гностической и герметической мудрости стали доступны только в последние десятилетия. Развитая субкультура, часто называемая Нью Эйдж, в то время как полностью не осведомлена о своих собственных глубоких корнях и возможностях, находится в гармонии с Герметическим духом древних и может способствовать его возрождению.

Наконец, мы должны принять нашу точку зрения и начать действовать, чтобы отделить герметические зерна от пуританских плевел в современной общественной жизни. Консерваторы не должны позволить себе поддаться лозунгам и идеям, которые на самом-то деле нисколько не консервативны. Лозунги наподобие “иудо-христианских семейных ценностей”, придуманные с целью государственно навязать ценности и образ жизни кальвинистской религиозности, имеют мало общего с духом Декларации Независимости и Конституции, принятой на ее основе. Мы должны сохранить на этой земле не мрачное наследие Жана Кальвина, а дух, завещанный нам Вашингтоном, Франклином и их единомышленниками. Какой нормальный человек во време-

на Франклина мог предположить штурм клиники, где могли проводиться аборты? Томас Джефферсон разве мог позволить правительству вмешиваться в частную жизнь граждан и нарушать неприкосновенность их домов? Эти люди, как и прочие разумные люди повсюду, знали, что свобода едина и неделима; они знали, что люди либо свободны и лично и публично, либо они не свободны вовсе.

В свою очередь либералы должны прекратить искать средство от всех бед в сильном правительстве, его вмешательстве и контроле. Принятие многих законов, как признал Лао Цзы, приводит к еще большему беззаконию; множество указаний лишь увеличивает беспорядок и непослушание. Правительства не созданы для того, чтобы управлять и контролировать жизнь граждан, а чтобы обеспечить условия, в которых неотъемлемые права и таланты людей могут развиваться и процветать. Каждое хорошее правительство в истории было небольшим, ограниченным в своей власти и держалось на расстоянии, когда дело касалось личных, экономических и политических свобод и частной жизни граждан. Наведение порядка не должно использоваться в качестве оправдания для расширения правительства и посягательства на свободу и инициативу людей.

Герметическая Америка содержит средство от бед, случившихся с нами в эту эпоху. Это средство — свобода. Свобода, духовная алхимия, исправит недостатки культуры и устранил излишки цивилизации.

В течение приблизительно ста лет некоторые люди в Соединенных Штатах обращались к низшим доктринам, взятым непонятно откуда, считая их панацеей, избавлением от всех проблем на этой земле. Фашизм, марксизм, анархизм и другие схемы, которых слишком много для того, чтобы перечислять, плавали по морям и принимались людьми, которые, казалось, не знали или не заботились о Герметической Америке. Возможно теперь, когда многие из вредоносных схем, рожденных лихорадками девятнадцатого и начала двадцатого века, потерпели неудачу, больше

внимания можно уделить сокровищу, все это время находившемуся в поле зрения. С пониманием и осознанием мы можем открыть вновь Герметическую Америку и помочь ей стать реальностью.

Глава 10. Общество против личности в Америке

Название этой главы могло бы показаться нелепым и парадоксальным на первый взгляд. Разве Соединенные Штаты не та пресловутая земля, где правит человек, личность и индивидуализм? Как может такое общество, основанное на ценности личности, в то же самое время этой личности противостоять? На этот вопрос нелегко ответить. Любая попытка должна быть ясно сформулирована с учетом оценки века.

Оборот назад

Как говорилось в главе 9, основатели республики были вдохновлены видением человека, который жил и внешне и внутренне согласно герметическим и гностическим принципам. Хотя мы слышим противоречащие этому утверждения, мировоззрение основателей не было традиционным иудейско-христианским, которое управляло европейским обществом приблизительно с пятого столетия. В первые три или четыре века, в значительной степени под влиянием гностицизма, христианство проявляло серьезный положительный интерес к ценности личности и понятию свободы, которая вытекает из этого соображения. Однако, начиная со Святого Августина в конце четвертого и начале пятого века, это раннее либертарианское христианство подверглось радикальным изменениям. Вместо того, чтобы подчеркнуть человеческую свободу, обусловленную тайной искупления, Августин подчеркнул порабощение человечества во грехе. Из этих соображений вытекало его суждение, что люди, изначально рожденные во грехе не способны обладать моральной, религиозной или политической независимостью.

Элейн Пэджелс в своем исследовании, посвященном влиянию Августина на христианство, ставит вопрос ясно:

Действительно ли люди неспособны к управлению? Христианские последователи, поскольку преследовались римским правительством как преступники, решительно бы заявили, что да. Но в четвертом и пятом веках, после того, как сами императоры стали покровителями христианства, христиане постепенно подходили к тому, чтобы сказать нет.

Адам, Ева и Змей

Эта идея Августина в конечном счете была признана нормативной во всем христианском мире, что привело к созданию христианского общества в средневековой Европе, бывшего в большей мере коллективистским, нежели индивидуалистическим. В средневековом европейском обществе, единственном фактически христианском обществе, бывшем когда-либо, ценность и достоинство личности не принимались всерьез. Те, кто утверждает, что идеалы свободы и независимости человека так или иначе основаны на иудейско-христианской этике, игнорируют ясное доказательство истории. Западное общество не произрастает из иудейско-христианской морали, а из эры Возрождения и Просвещения, когда гностические и герметичные ценности были основными.

Чтобы подтвердить эту точку зрения, рассмотрим кратко общество Средневековья. Это христианское общество преимущественно было попыткой понять “Град Божий” св.Августина. Следовательно, оно было иерархическим, статичным и коллективным. Его фундаментальная теория состояла в том, что Богу принадлежит весь мир; люди просто управляют его частицами. Папа Римский и император были его высшими агентами; они предоставили королевства, княжества и другие доминионы другим. Ни одному человеку в действительности ничего не принадлежало; любое имущество или положение было предоставлено взаймы и могло быть свободно отобрано. Власть, богатство и почет прибывали сверху; никто не обладал этими качествами по справед-

ливости. Правители восседали на троне по “Божьей воле” и с согласия представителей Бога. Оправдание их состояло в том, что все люди, даже при том, что могут быть королями или королевами, в основном лишь недостойные грешники, которым Бог своей волей присудил власть сверху. (Для выявления большего количества достоинств и недостатков средневекового общества, см. главу 7.)

Коллективистских особенностей этого общества множество. Например, и для государства и для церкви сама организация всегда имела больший вес, чем человек, занимающий в ней ответственный пост. В то время как выдающиеся личности действительно время от времени появлялись на историческом горизонте, они вписывались в существующую ранее структуру организаций и зачастую выполняли коллективные цели общества. Те же самые безличные особенности характеризовали многие аспекты семьи. Браки заключались без учета личных предпочтений и чувств. (У всплесков романтической любви было немного или ничего общего с ортодоксальными религиозными принципами; скорее это явление характеризовалось отчетливо неортодоксальными потоками духовности и близостью к гностическим и магическим традициям.)

Психоисторически эти особенности средневекового христианского общества отражают архаичные, в значительной степени недифференцированные отношения человеческого эго и бессознательного. Бессознательное бесконечно, и когда человеческая жизнь и общество сосредоточены на бессознательном, они имеют тенденцию застывать на месте. Это заявление не несет цели обесценить бессознательное. Бессознательное — также источник творческого потенциала, и его динамика может произвести полезные изменения на многих уровнях человеческой жизни. К тому же нет никакой замены для хорошо психологически развитого здорового эго. Творческий потенциал, гибкость и креативность зависят не от эго или бессознательного, а от творческого взаимодействия между ними. В средневековом обществе эго

было в значительной степени подавлено, и в результате коллективные структуры управляли им под влиянием бес-сознательного.

В эпоху Ренессанса развитие эго в западной культуре ускорилось, таким образом ясно показывая истинного человека. Почему так произошло? В отличие от мировоззрения Августина, герметическое видение признавало божественную суть человека. В герметическом представлении нет никакого грехопадения, и поэтому нет никакой личной или коллективной вины. В герметических трактатах говорилось, что человек — не творение Демидурга-бога, а искра божественной целостности. Мы не только создания, мы — создатели; не грешники, а боги в изгнании, стремящиеся понять нашу истинную природу Гнозиса. Под воздействием духа Герметического Ренессанса впервые, спустя более чем через тысячу лет, люди начали признавать себя создателями и творцами. Художник больше не был неизвестным мастером в гильдии, или скромным монахом в келье, переписывающим рукописи, а человеком, требующим личного признания и получающим его. Будто бы у архитекторов вдруг появились имена, в отличие от анонимных строителей соборов предшествующих лет. Личность появлялась!

Когда Микеланджело поставил свою подпись «Я, Микеланджело, скульптор», он действовал как человек эпохи Возрождения; ведь даже столетием ранее такой индивидуализм был бы немыслим. Вскоре подобные заявления слышались и в религии. Известная фраза Мартина Лютера «Здесь стою я и никто другой» стала криком пробужденного человечества. Реформация прежде всего была движением от имени индивидуальной веры, основанной на личном религиозном опыте, даже при том, что эти ценности быстро потерялись в ходе последующего исторического развития.

Конечно, теневая сторона индивидуализма не заставила себя ждать. Макиавелли, например, был убежден в том, что правителям нужно разрешить фактически неограниченную власть и освободить их от моральных правил. Рост тор-

говли, питаемый личной инициативой, направил общество на долгий путь к господству денежной власти. Во время Реформации множество мелких правителей закрепили за собой феодальные владения, которыми они управляли по воле Папы Римского или императора. (Так появилось много независимых немецких княжеств и другие небольшие светские государства, воспринимаемые как личное имущество своих правителей.) Однако, появление тени лишь свидетельствует о существовании света; огромные преимущества, привнесенные новым индивидуализмом, не должны быть недооценены из-за злоупотреблений им.

Спустя приблизительно двести лет после Ренессанса наступила эпоха Просвещения. В этот период принцип индивидуализма проник в другие области и коснулся жизни большего количества людей. Мало того, что человек теперь был удостоен называться художником или гением, было признано, что он еще и обладал личными правами. В то время как привилегии раньше даровались по Божьей воле, теперь было признано, что люди имели врожденные и неотделимые права. Простой факт, что человек был человеком, даровал ему *“le droits humains”* — права человека. Таким образом, был сделан еще один важный шаг в сторону герметизма и гностицизма. Само собой разумеется, что у этой эпохи также была своя тень. Она называлась рационализм, — вера в то, что разум должен быть основанием для установления духовной истины. Так же, как в действительности было два аспекта Ренессанса, один герметический, а другой “гуманистический” (в том смысле, что классические науки воспринимались как потенциальный фактор искупления культуры), также было и две стороны Просвещения. Рационализм, казалось, сначала был полезным инструментом против темного мракобесия, преобладающего во многих религиозных кругах. Философы, такие как Вольтер, открыто провозгласили рационалистические принципы, тайно возвращая герметические идеи в своей личной жизни и в ложах тайных орденов, к которым они присоединились. К сожалению, рационализм,

как начинающий необузданный маг, убежал от своих искусных учителей и принес много вреда, продолжающегося вплоть до настоящего времени.

Соединенные Штаты оказались посреди этой философской борьбы. У герметически-гностического мировоззрения Просвещения — с его вниманием к творческому и духовному потенциалу, а, следовательно, и к правам человека — теперь был шанс построить свою собственную священную землю. Мало того, что люди имели права, они еще были объявлены независимыми и признаны источником законной власти в государстве. (Эта проблема подробно рассмотрена в главе 9.)

После основания Соединенных Штатов силы герметического индивидуализма с одной стороны, и коллективизма с другой, продолжали бороться. Однако, в течение долгого времени сама ткань этих двух противников изменилась существенным образом. Герметический индивидуализм все больше и больше пропитывался идеями Промышленной революции. Как следствие, истинно благородный философский принцип герметического видения начал принимать грубую, даже примитивную материалистическую форму. В конце концов, герметический индивидуализм превратился в грубый индивидуализм. Философы-просветители и государственные деятели, такие как Франклин или Джефферсон, уступили баронам-разбойникам промышленности и бизнеса. Некоторые из этих новых промышленных магнатов обеспечили индивидуализму дурную славу. Во многих случаях бизнес и промышленность сделали правительство подвластным своим собственным интересам, но редко признавали, что при этом они совершали серьезную ошибку. Возможно эти слова, приписанные лидеру промышленности, характерны для такого близорукого отношения: “Что хорошо для General Motors, хорошо для страны”.

Реакция на подобное отношение не заставила себя ждать. Коллективизм нашел новое оружие — идеологию Маркса и Энгельса. Эта политическая философия была

призвана защитить слабых, — тех, кого задавило грубым индивидуализмом. Главный конфликт двадцатого века начался.

Он может быть последовательно представлен следующим образом:

Шестнадцатый и семнадцатый века: Герметический Ренессанс создает духовную основу для Индивидуализма. Этот ведет к религиозному, политическому и коммерческому индивидуализму, а также создает индивидуальную основу для творчества и культуры.

Восемнадцатый век: Просвещение порождает новый герметический индивидуализм, основанный на признании потенциала личности. Возникают идеи о разделении церкви и государства, ограничении полномочий правительства и неотъемлемых правах человека, а в некоторых случаях эти идеи реализуются на практике, как и в Соединенных Штатах.

Девятнадцатый век: промышленная революция достигает наибольшей силы. Соединенные Штаты становятся страной, характеризующей индустриальную эпоху, со всеми ее достоинствами и недостатками. Грубый индивидуализм занимает место герметического индивидуализма. Возникают социальные проблемы, для решения которых предлагаются европейские коллективистские теории, популярные в Америке среди европейских иммигрантов. Вскоре борьба между индивидуализмом и коллективизмом приводит к тому, что изначальное мировоззрение Герметической Америки и ее духовный индивидуализм почти полностью забыты.

Двадцатый век: борьба между новым коллективизмом европейского происхождения и индивидуализмом достигает своей наивысшей точки в период с 1917г. по настоящее время. Коллективизм проникает все в больше областей американской жизни, включая образование, правительство и искусство. Это вмешательство достигает впечатляющих размеров, когда в начале 1990-х коллективистская система рушится и отвергается многими странами, где она была

первоначально создана или применена. Возникает неразбериха. Многие мыслители начинают вновь обращать свой взгляд к свободе, хотя меньшинство все еще упорно хранит верность коллективистским идеям.

Молодость свободы

Последний пункт приводит нас к современности. Без преувеличения, мир сегодня наполнен возможностями, казавшимися маловероятными или невозможными еще несколько лет назад. Это — нынешняя молодость свободы. Как американцы распорядятся ею? Хотя мы можем надеяться, что новое мироустройство позволит небольшим странам освободиться от гнета этнического большинства, наряду с ослаблением централизованного правительства и снижением аппетита к пожиранию индивидуальных прав граждан, мы не можем знать, до какой степени эти надежды осуществимы. Все же, чтобы приступить к реализации некоторых из этих больших надежд, мы — американцы — должны сначала достигнуть ясного видения и понимания, что требует высокой степени психологического и даже духовного развития. Такое развитие не дается легко. Оно не имеет ничего общего с оппортунизмом или провозглашением клише, чем увлекаются многие в нашей культуре. Некоторые такие клише показывают презрение “сепаратизма”, (без сомнения — отражение травмы американской гражданской войны). Другие требуют, чтобы иностранные правительства строили свою политику согласно американской модели, доказавшей превосходство республики по отношению к монархии. (Как ни странно, все жестокие диктатуры нашего времени были именно республиками.) Оставшаяся часть этой главы посвящена некоторым предложениям по поводу того, как американцы могут лучше всего использовать этот период молодой свободы.

Юнг настаивал на том, что самая большая опасность человечества состоит в потере его индивидуальности в массовом обществе при чрезвычайно централизованном правительстве. Этих опасностей можно избежать, утверждал он,

только посредством сознательного культивирования индивидуального понимания, личного морального выбора и психологического самопознания. Американцы далеко ушли от верований основателей Герметической Америки. Коллективизм различных видов, с разнообразными идеологическими основами вечно нападает на нас. Нас неоднократно учат воспринимать себя как членов групп или общностей, а не как людей. Некоторые из этих определений кажутся безвредными, такие как “яппи” или “родившиеся во время демографического взрыва”; другие более коварны, например “радикальные феминистки” или “приговоренные к пожизненному заключению”, но все в какой-то мере умаляют или ограничивают свободу личности, мысли и действия.

Марксизм в своем откровенном выражении и в скрытых проявлениях способствовал очень грустному состоянию нашей психологической коллективизации. Есть также много безличного, даже жестокого коллективизма во многих аспектах бизнеса и производства, несмотря на его функционирование в рамках системы свободного предпринимательства. Думаем ли мы о нас как о пролетариях (не очень популярное слово сегодня), как о членах этнических или политических общностей, как о сотрудниках компании, или даже как о членах обеспеченного общества, мы упускаем суть нашей уникальной индивидуальности.

“Семь наставлений мертвым” Юнга содержат берущее за душу символическое заявление: “К каждому благословению Бога Солнца Дьявол добавляет свое проклятие”. Нигде истинность этого заявления более не очевидна, чем в большом психологическом перевороте, который американская культура испытала в конце 1960-ых и 1970-ых годах. Ясно, что “Бог Солнца” — свет Гнозиса, сознания и свободы, сияющий ярко в эти бурные, но тем не менее творческие годы. Однако, проклятие “дьявола” не обошло их стороной, и его эффекты все еще с нами. Марксистские коллективистские взгляды отразились во многих движениях и идеологиях, защитники которых даже не подозревают об этом. Например, женское

движение, молодежное сознание, политическое этническое сознание, и даже так называемый мультикультурализм — все еще содержат весомую долю вдохновенного марксистами коллективизма. После идей некоторых мыслителей, таких как Герберт Маркюзе³⁵, много людей близки к тому, чтобы принять искусственное разделение человечества на антагонистические общности, предназначенные для продолжения борьбы, смоделированной на марксистском понятии классовой войны. Адаптация понятия классовой войны к большому разнообразию социальных ситуаций стала главной проблемой крипто-марксистских кругов в семидесятых и восьмидесятых годах. Результат забавен, примерно все непосредственно взаимодействующие или принадлежащие к некоторой угнетаемой группе принимают антагонистическую позицию некоторой другой группы.

С учетом этих и других разговоров особенно необходимо сегодня привлечь внимание к первостепенному значению личности, вокруг сознания которой образуют созвездия общество и история человечества. Прежде групп, классов или общности должна стоять личность. Ничто не может произойти без участия людей, является ли это участие сознательным или бессознательным. В “Нераскрытой Самости” Юнг описывал человека как “ячейку в структуре различных международных организмов... вовлеченную в их

---

³⁵ Нем. Herbert Marcuse; 1898–1979 — немецкий и американский философ и социолог, представитель Франкфуртской школы. В отличие от Маркса, Маркузе не верит в решающую роль рабочего класса, считая, что общество потребления развратило всех. В знаменитой книге “Одномерный человек” все жертвы и все зомбированы, никто не действует по собственной воле. На Западе человек одномерен, поскольку им манипулируют. Общество стало бесклассовым, но оно далеко от марковского идеала коммунизма. Вместо коммунизма получилось одномерное общество, неототалитарная система, существующая за счет гипноза средств массовой информации, которые внедряют в каждое индивидуальное сознание ложные потребности и культ потребления. Революционная роль перешла к маргиналам и представителям авангардного искусства. Единственное, что они могут противопоставить Системе — это Великий Отказ, тотальное неприятие Системы и её ценностей.

конфликты.” В этом отношении не имеет значения, что люди сегодня часто сознательно чувствуют себя бессильными жертвами неуправляемых сил. Фактически, к счастью или к сожалению, они вовлечены в действия общности, даже если их причастность является бессознательной.

Одна из наибольших трудностей, — то, что личность часто не знает о своем бессознательном. Глубинная психология существует уже почти сто лет, но многие люди все еще действуют так, как будто бессознательного не существует. Рационализм, явленный теневой стороной Просвещения, рассматривает психэ как своего рода бесформенную или чистую единицу, рожденную в этом мире, которая может быть превращена соответствующей окружающей средой и образованием в то, что пожелают доминирующие социальные слои. Мы настолько не осведомлены об этих влияниях, что можем стать жертвами архаичных культурно-социальных идей и методов, которые не в состоянии принять во внимание и обеспечить выход для нерациональных, бессознательных импульсов психэ. Результат — больше индивидуального бессознательного влияния и меньше самопознания. Непризнанные бессознательные импульсы в этом случае подавлены и искажены, и вместо того, чтобы выражаться должным образом в личной жизни людей, они спускаются в коллективное бессознательное, откуда проявляются в виде опасных психических эпидемий и массовых психозов.

Этот процесс дал начало великому тоталитарному злу нашей эры, такому как немецкий национал-социализм и советский коммунизм, но он также сыграл существенную роль в широко распространенной склонности к разрушительным наркотикам и другим социальным порокам. Кроме того, огромные надежды раннего периода американской истории на систему свободного государственного образования все более и более себя не оправдывают, таким образом опровергая одно из главных рационалистических утверждений, что мы спасем нашу культуру посредством образования. В разгаре своей материальной власти наша цивилизация

и культура подвергается опасности из-за непонимания психологических сил, требующих индивидуального, а не коллективного решения.

Вызов Свободе

Явная опасность коллективистского взгляда, и для общества и для индивидуального психэ, состоит в том, что граждане современной Америки подвержены отрицательному влиянию личного и коллективного бессознательного.

Первая задача человека состоит в том, чтобы познать свою Тень. Так много пишется сегодня о Тени, что само это понятие начинает походить на штамп. Однако, тень реальна, и не принимать ее в расчет очень рискованно. Так как бессознательное (как и сознание) бывает и личным и коллективным, есть также и коллективная тень, которая может быть определена как непризнанная, обратная сторона социальной общности, такой как группа или нация. У Америки есть уникальные проблемы с ее коллективной Тенью. Они в значительной степени есть результат продолжающегося конфликта между герметическими и пуританскими силами национального психэ, рассмотренными в главе 9. Герметическое мировоззрение может быть описано как экзистенциальное; оно признает темный и некорректный характер многих аспектов бытия и борется за освобождение Гнозиса в этих условиях. Пуританское мировоззрение, наоборот, склоняется к греху. Так как мир создан справедливым Богом, все недостатки земного существования должны быть результатом человеческой ошибки. Следовательно, вина за наши индивидуальные и коллективные недостатки — общее условие для всех нас. У американцев есть постоянная тенденция к прагматизму и фактической мотивации своих действий с одной стороны, и к чувству вины с другой стороны. Частый случай в нашем обществе — безжалостное, практическое действие, сопровождаемое ноющим чувством вины.

Поскольку мы не можем столкнуться с Тенью, мы изобретаем компенсации, чтобы минимизировать нашу вез-

десущую вину. Поэтому жизни многих в этой культуре потрачены в попытках доказать себе, что они в действительности — добропорядочные люди, независимо от того, сколько доказательств существует на этот счет. Причуды и моды социополитического характера, которые имеют тенденцию раздувать проблемы и придавать им ту важность, которую те не заслуживают, обычно мотивируются динамикой, следующей из неосознанной Тени. Когда мы, американцы способствуем психологической популярности семинаров о диетах как панацее от бед нашей культуры, мы чаще всего не видим нашей собственной Тени. Зигмунд Фрейд заявил однажды, что надеется на то, что психоанализ не станет популярным в Америке, поскольку американцы превратили бы его в религию. В то время, как это странное отношение может временно позволить нам почувствовать то, что современный жаргон описывает как “чувствовать себя хорошо повсюду” вина и беспокойство, явленные Тенью, всегда возвращаются.

Следующий шаг — то, что можно было бы назвать “демистификацией” социологии и политики. Основываясь на понятиях рационализма, много людей обратилось к политике как к источнику потенциальных решений для искупления жизненных бед и невзгод. Великие тоталитарные идеологии нашего времени были фактически псевдорелигиями, замаскированными под политику. Например, митинги Гитлера были тревожным подобием евангелистских проповедей. Общие методы промывания мозгов, используемые Китаем, также напоминают пагубную религиозную идеологическую обработку. В настоящее время большая часть веры, энтузиазма и надежд, которые люди имели обыкновение связывать с политическими движениями, иссякла. Хранившийся в бутылке религиозный инстинкт, переливаемый в верность политическим идеалам, медленно заканчивается. В глубоком значении это не только идеал всемогущего государства и всемогущего правительства, который потерпел крах, но и понятие политики как центральной задачи и главного интереса для мужчин и женщин.

Этот вывод психической энергии из социополитических проблем должен благотворно повлиять на жизнь американцев. Если духовные интересы, являющиеся изначальными, заменят политическую активность в сторону более индивидуального и интровертированного пути выражения, то велика вероятность, что часть потерянного Герметического мировоззрения Америки будет восстановлена. Когда это напряжение и конфликт человеческого психэ, источником которого служит бессознательное, а не политические причины, больше не будет проецироваться на политический процесс, он будет освобожден от этого тяжелого и искажающего компонента.

Сегодня обстоятельства указывают на возможность более чем поверхностных изменений в Америке. Коммуникации чрезвычайно развились, тем самым облегчив международный обмен идеями между культурами, который когда-то казался невозможным. Многие стали разочаровываться в политических идеологиях и просто в политическом решении проблем современной жизни. Кроме того удобное проецирование коллективной тени Америки на Советский Союз больше невозможно, вследствие радикального преобразования этого давнего врага в несколько жалостливого просителя американской дружбы. Определенный скептицизм в отношении материализма, науки и совершенства мира и людей обещает восстановить более объективное и реалистическое отношение многих людей. Поиск психологической целостности и опыта совершенства, начавшийся в шестидесятые, все еще с нами. Миф сознания вновь затрагивает наше внимание.

Глава 11. Америка и новый миф сознания

Одним из наиболее интересных явлений в культурной жизни Америки за последние годы стало повторное открытие природы и ценности мифа. Спровоцированный частично рядом фильмов, основанных на дискуссии между Джозефом Кемпбеллом и Биллом Мойерсом в 1985 и 1986, огромный

всплеск интереса к мифологии охватил страну и все еще не ослабевает. В результате миф вновь стал уважаемым источником истины, используемый с этой целью все большим числом художников, режиссеров, духовных учителей, так же как и обычных мужчин и женщин в нашем обществе.

Мифическое возрождение тем более примечательно, потому что мифы пользовались небольшим уважением среди многих лидеров науки и культуры в течение долгого времени. Науке были интересны только факты, установленные посредством экспериментов, в то время как религия была посвящена вере в то, что доказать невозможно. Между фактом и верой не остается особого места для мифа. Это условие привело к большому обнищанию нашей культуры. Заглянув в прошлое, мы находим, что каждое жизнеспособное общество обладало своим основным мифом, и когда этот миф был развенчан, общество сильно страдало, а иногда находилось на грани распада. История говорит нам, что в прошлом людям был предоставлен смысл жизни, заключающийся не в знании факта и не в системе веры, а погружении в миф, который играл центральную роль в их культуре.

Также полезно помнить, что мифы были необходимы не только народам архаичных культур, у которых был относительно низкий уровень психологической дифференциации и интеллектуального развития. Греки, бывшие превосходными создателями мифа, и при этом обладали острым интеллектом, занимались осмыслением мифических тем, известных им как “теории”. (Отсюда происходит слово теорема, означающее “взгляд на мир”, аналогичное нашему “мировоззрению”). В то время как менее сознательные слои греческого общества, возможно, проживали свои мифы более или менее бессознательно, интеллигенция ясно сформулировала мифы и интеллектуально преобразовала их так, что они стали теориями, или способами понимания мира.

В отличие от греков, у американцев больше нет жизнеспособного, действующего мифа. Они не одиноки в этой

беде, поскольку большинство крупных мировых культур находится на пути полного или частичного отсутствия мифов. Эдвард Эдингер описывает результат в книге “Сотворении сознания”³⁶:

Расстройство центрального мифа походит на разбитый сосуд, содержащий драгоценную сущность; жидкость вытекает и впитывается окружающей недифференцированной материей. Смысл потерян. На его месте образуется примитивное и атавистическое содержание. Ценности дифференциации исчезают и заменяются элементарными желаниями власти и удовольствия, а иначе человек противопоставлен пустоте и отчаянию. (9–10)

Юнг и миф сознания

Юнг первым сформулировал проблему современного человечества, существующего вне мифа. В работе “Воспоминания. Сновидения. Размышления”, Юнг писал, что в 1912 году, незадолго до своего разрыва с Фрейдом, пришел к выводу, что он жил без мифа, который он мог сознательно ясно сформулировать. Христианский миф, как он подавался традиционной церковью, больше не имел смысла, но никакого другого он пока еще не нашел. Несколько лет спустя Юнг сознательно обнаружил свой собственный миф (он стал думать о себе как своего рода гностическом маге по образу Мерлина), и он прожил длинную и творческую жизнь, вдохновленной этим личным мифом.

Опыт Юнга с его потребностью в мифе, и последующим открытием своего личного мифа может быть взят в качестве примера того, что могло быть коллективно сделано нашей культурой. Поскольку человек, страдающий от нехватки личного мифа, может создать его, тем самым обнаружив высший смысл и творческий потенциал, то также и вся культура после долгих лет отчуждения может сделать открытие аналогичного характера и извлечь из него пользу.

---

³⁶ Edward Edinger, *The Creation of Consciousness*

Это несомненно возможно с учетом недавнего возрождения интереса к мифу в Америке, что может стать началом поиска мифа нового. Также возможно, что миф, который мы найдем, может быть подобным тому, который Юнг нашел в ходе своей собственной жизни. В свою очередь заявление Юнга о природе этого мифа является особенно важным:

Наша эпоха переставила все акценты на здесь и сейчас, что привело к демонизации человека и его мира. Утверждение диктаторов и все страдания, принесенные ими, возникают из того факта, что у человека отнята превосходство близорукость суперинтеллектуалов. Как и они, люди стали жертвами бессознательного. Но задача человека полностью противоположна этому: стать сознательным, а не бессознательным. И при этом он не должен ни противостоять своему бессознательному, ни отождествляться с бессознательными элементами его существа.... Насколько мы можем различить единственную цель человеческого существования — это разжечь свет в темноте озера бытия.

Подтверждая это заявление в “Ответе Иову” Юнг написал: *“Бытие только тогда реально, когда оно осознается кем-то. Именно поэтому Создатель нуждается в сознательном человеке даже при том, что чисто бессознательно он хотел бы воспрепятствовать обретению им сознания.”* Сознание — стать и остаться сознательным — и тем самым осветить темноту бытия, даже темноту Бога: такова сущность нового мифа Юнга.

Более широко в своей автобиографии Юнг дает определенные примеры более высокой методологии, с помощью которой этот миф может быть осуществлен, больше задач и целей, которых он должен достичь. Как и во многих других примерах, Юнг использует алхимический язык для описания цели мифа. *Coniunctio oppositorum*, или “союз противоположностей” как результат психо-духовного алхимического процесса, объединяет не только человеческое и божественное, но и намного большие, важные и удиви-

тельные противоположности образа Бога, такие как тенденция Создателя к гневу и милосердию. Юнг рассматривает это окончательное объединение, это исправление ошибки образа Бога, как кульминацию Великой Работы человеческого сознания:

“Наибольшая услуга, которую человек может оказать Богу, — явить свет во тьме, чтобы Создатель узнал свое творение, а человек познал себя самого”.

Не знакомые глубоко с мыслью Юнга, или, что еще более важно, с архетипическим характером его идей, родственных древнему гностицизму, могут счесть эти заявления трудными для понимания. В общем, Юнг говорит, что цель человеческого существования — сознание, или, как его когда-то называли, Гнозис. Для гностиков и Юнга Создатель не был тем конечным Богом, как он преподносится в каббале или в теософском учении Е. П. Блаватской) В то время как окончательная Божественность — чистое сознание, Бог-Создатель (Демиург) не знает своего происхождения, и поэтому лишен сознания. Из этого следует, что люди, хоть и не чета Создателю в силе и власти, но превосходят его своим сознанием. Становясь более сознательными — достигая Гнозиса — люди могут увеличить сознание Творца. Для Юнга “сознание” означало знание в психологическом смысле. Такое сознание находит живой отклик в сознательном и бессознательном аспекте бытия и своего истинного я. Провозгласив такие незаурядные идеи о Боге, Юнг нажил себе много врагов, особенно из разряда духовенства. Однако, он продолжал проповедовать свое гностическое психо-богословие. Моя цель в этой главе состоит в том, чтобы сделать миф Юнга более постижимым и более значимым, чтобы представить постепенную схему пути, которым может быть воплощен этот миф. Самая главная задача человечества, согласно Юнгу и гностикам — рост нашего сознания. Мы не только должны прийти в сознание (после того, как уделим должное внимание этой задаче), но мы должны прийти в сознание не только для нашей собственной пользы, но

и ради искупления мира, Вселенной, истинного Бога. Слово “Сознание” [conscious] происходит от латинского *con* или *sit*, означающих “вместе”, и *scire* “знать”, “предчувствовать”. Получается “познать вместе”. Родственный термин в немецком языке (оригинальный язык глубинной психологии): существительное “сознание” звучит как *Bewusstsein*, полученное от глагола *wissen*, “знать.” У каждого из этих терминов есть определенное отношение к греческому слову Гнозис, самому древнему и самому выдающемуся синониму для “сознания” в его психологическом значении.

Чтобы продемонстрировать глубину термина, рассмотрим несколько ранних определений сознания, данных древними гностическими учителями в то время, когда “сознание” было еще известно как Гнозис [Gnosis]. Во втором веке Феодот определил Гнозис как ответ на вопросы “Кто мы? Кем стали? Где мы? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся? Что такое рождение и что возрождение?” Гностик Моноимус написал: “Оставь поиски Бога и другие внешние вопросы. Ищи Гнозис, бери себя как отправную точку. Познай внутри себя того, кто говорит: “Мой Бог, мой ум, моя мысль, мое тело”. Изучи истоки горя, радости, любви, ненависти..., если ты тщательно исследуешь эти вопросы, то найдешь, что все это внутри тебя самого”. Современный исследователь гностицизма Жиль Киспель часто переводил “Gnosis” как “самопознание”. Это определение очень близко к тому, что Юнг и другие аналитические психологи называют “сознанием”. Кроме того, точно так же, как современные психологи пришли к тому, чтобы использовать термин “сознание” как обозначение противоположности “бессознательного”, также и гностики утверждали, что Гнозис — противоположность Агнозиса, то есть, “незнания” или “бессознательного”.

Предварительные Соображения

Прежде, чем миф сознания начал действовать, должны произойти изменения в двух направлениях. Во-первых, должно

произойти определенное разочарование в науке. Другими словами, иллюзия того, что существующее экзистенциальное условие достаточно и удовлетворительно, должна быть рассеяна. Признание может быть испытано как осмысление того, что что-то является неправильным. Это признание может быть выражено следующим образом: есть недостаток в жизни, в моей жизни, в общей жизни. Есть недостаток в мире, в моем мире, в мире каждого. Религиозная вера, философское рассуждение, технологические навыки, художественные и эстетические украшения не могут исправить этот недостаток, также как власть или богатство может привести лишь к чувственному возбуждению или инстинктивному удовлетворению. Когда все сказано и сделано, когда все испробовано, ошибка все еще остается. В теории мы могли легко достичь этого признания в Америке. Практически, возникают препятствия к этому, такие как система взглядов пуританской Америки. Пуританский идеал говорит: “Это Земля Господня, и Он — Создатель ее”. Поэтому было бы кощунством предположить, что мир, созданный Богом, мог быть изначально несовершенен. Второе препятствие — почти юношеский энтузиазм американского психэ, предполагающий, что вещь либо изначально хороша, либо она, разумеется, может быть исправлена. Большинство американцев, верующие они или гуманисты, консерваторы или либералы, разделяют это предположение и оптимизм. Если мы будем делать добро, то Добрый Бог поможет нам, подразумевает религия. Если мы будем упорно трудиться, будем экономить наши деньги, развивать индивидуальное предпринимательство и проявлять мужество, то мир улучшится, скажет большинство консерваторов. Если мы будем управлять должным образом на правительственном уровне, если мы примем достаточно законов, потратив тем самым достаточно много налоговых денег, то мир будет намного лучше, — скажет либерал. Но когда все сказано и сделано, как отмечено ранее, мы понимаем, что ошибка по-прежнему не исправлена.

Американцы должны усвоить, что не все можно исправить. В некоторых случаях мы должны признать — природа ошибки такова, что наше вмешательство не поможет. А еще мы должны понять, что человек должен измениться прежде, чем его действие станет эффективным. Китайский мудрец сказал, “Если недостойный человек использует верные средства, они работают верно, но в недостойном направлении” С точки зрения юнгианского мифа мы можем сказать, что человек должен быть сознательным, иначе его действия будут иметь разрушительный характер. Двадцатый век убедительно доказал истинность этого принципа на коллективном уровне. Нерациональные, бессознательные решения на мирных конференциях по окончании обеих мировых войн привели к миру, неизбежно порождающему войну и угнетение (см. эпилог). Мы должны понимать, что делаем, а в нашем случае это означает, что мы должны быть сознательными.

Второе предварительное заключение, к которому мы должны прийти прежде, чем принять миф сознания, состоит в том, что несовершенство нашего экзистенциального условия не ошибка кого-то конкретного, и даже не наша собственная. Выявление вины — это форма отрицательного проецирования, которое в лучшем случае может дать нам лишь искаженную картину динамики событий и состояний. Наши родители, наше общество, наша политическая и экономическая система на самом деле не виновны в нашем экзистенциально затруднительном положении. Иудо-христианский первородный грех не объясняет наше состояние. Пришло время заявить, что мы не грешники, мы не виноваты! Мы можем нести ответственность за промахи в делах и личные проступки, но глобальная фундаментальная проблема несовершенства бытия не является результатом человеческой ошибки. Как только мы признаем, что мир является изначально несовершенным, и что мы не можем никого обвинить в этом несовершенстве, мы будем готовы сделать первый шаг на пути к сознанию. Новый миф из теории станет реальностью.

Воплощение мифа сознания

Первый шаг в реализации мифа сознания — это позволить разрушиться тому миру, в рамках которого мы существовали. Это подразумевает прежде всего “релятивацию” нашей личной реальности. Личная реальность — наше собственное восприятие действительности — поэтому ее изменение должно быть ограничено только нами самими. Релятивация подразумевает, что не исчезновение прежних ценностей, а скорее придание относительности тем понятиям и ценностям, которые мы ранее понимали как абсолютные. Личные ценности начинают преобладать над коллективными. Конкретные факты становятся более важными, нежели абстрактные принципы. Хотя это и страшно звучит, но в результате этого процесса мы становимся в некотором смысле беспринципными. То, что происходит в реальности, становится наиболее важным, абстракции сведены к минимуму. Когда мы входим в практическую сферу мифа сознания, мы входим в неощутимую тончайшую, подвижную среду психической реальности, где все правила, высеченные на камне, теряют смысл. Привязанность к абстракциям, теориям и разнообразным доктринам уменьшается, и в конце концов исчезает. Остается живая реальность глубинного психэ, действующая по своим собственным законам и воле.

Этот вид духовного прагматизма довольно совместим с американским психэ. Прагматизм всегда был одной из наиболее заметных и замечательных особенностей американского мышления. Не важно, насколько хорошо звучит теория, часто говорят американцы; главное — как она работает на практике. Такое отношение связано с герметическим духом ранней республики, которая предполагалась как глобальный исторический эксперимент, практическая испытательная площадка свободы. Тем не менее, герметической гибкости и практичности противостоит незыблемая склонность Ветхого Завета к абстрактному принципу и закону, который характеризует Пуританскую Америку. Поэтому

американцы — прагматически настроенные люди, которые, тем не менее, почитают законы больше, чем любая другая страна на земле. “Должен быть закон!” — заявление, высказываемое всякий раз, когда возникает малейшая трудность или сомнительная ситуация. Хотелось бы надеяться, что герметический компонент в американском психэ все-таки победит пуританский элемент и утвердит интуитивный прагматизм, который требуется для воплощения мифа сознания.

Второй шаг в реализации мифа — вступление психэ в процесс творческого конфликта. Это означает, что мы должны оставить позади нашу тенденцию переоценивать спокойствие, а также здоровье, богатство и власть. Один из способов приблизиться к этому — противопоставить состояние статике динамике. Мы должны признать, что спокойствие, мир, здоровье, богатство и власть — все это статические условия. Это не процессы, а состояния. Сознание, с другой стороны, является процессом, а не состоянием. Это поднимает вопрос обязательства. Чему должен быть верен человек, преследуя миф сознания? Он должен быть всегда верен процессу и к никогда результату. Люди, символы, идеи и идеалы могут найти надлежащее место в этом процессе, но сам процесс должен браться за основу, а все остальное играть меньшую роль.

Поскольку прежние неоспоримые факты отклонены в первой фазе процесса, на второй требуется понести бремя творческого конфликта. Эта задача представляет трудность для любого психэ, но особенно для американского. Диалектический процесс никогда не был актуален во время обсуждения вопросов образования или социального взаимодействия в Америке. Некая персонифицированная связь с эго, характерная для американцев, всегда имела тенденцию предполагать, что если кто-то не соглашается с нашей точкой зрения, это — нападение на нашу личность. Мнение о том, что истина могла родиться в споре, никогда не принималось никем всерьез, за исключением лишь адвокатов в зале суда. Политические споры между кандидатами

в президенты, так же как и дебаты на Конгрессе часто имеют место, но их цель почти всегда не открытие истины, а скорее получение политического преимущества. Большинство из нас отказывается поместить наши идеи и суждения на разделочную доску диалектического процесса. Точно так же кажется, что наше психэ чрезвычайно уязвимо для внутреннего конфликта, а конфликт, рожденный диалектическим процессом, способствует депрессии и другим невротическим расстройствам. Эти черты американского психэ мешают преобразованию в миф сознания.

Роль творческого конфликта в росте сознания можно ощутить более легко, если мы рассмотрим этапы классической греческой драмы. Первая фаза — сражение или конфликт, в котором антагонисты сталкиваются с друг другом. Вторая фаза — поражение, в котором большинство главных героев побеждены, и обычно убиты. Третья фаза — сочувствующая, когда поются траурные песни о побежденных и мертвых героях. Четвертой фазой является выход бога, *deus ex machina*, который механически опускается на сцену и разрешает драматический конфликт. Из этой схемы мы можем получить двойной урок. Прежде всего, суть драмы души — рост через конфликт. Обретение и расширение сознания не может произойти без творческой алхимии конфликта. Второй урок — это то, что в конфликте мы, возможно, должны принять поражение и смерть прежде, чем на нас снизойдет архетипическая благодать. Если этот процесс прерван, то он становится темным и болезненным, а возможность разрешения уменьшается.

Таким образом, в конфликте воли и неволи, да и нет, принятия и отрицания, и с помощью окончательного архетипического разрешения этих конфликтов, сознание рождается и расширяется. Пары противоположностей — условие этого процесса, в котором психэ вынуждено сделать выбор, не продиктованный внешним законом, а осознанно принятый и понятый. Цель этого процесса — не совершенство морали, а сознательная целостность психэ.

Затем мы сталкиваемся с другим затруднением. Если мы следуем мифу сознания, мы не можем подчиниться моральному импульсу предпочесть одну противоположность другой (даже добро злу), у нас больше нет роскоши ощущения справедливости. Мы больше не “добропорядочные” мужчины и женщины. Мы не можем “чувствовать себя хорошо повсюду”, что становится одной из наших излюбленных тем в последние годы (как отмечалось в главе 10). Вместо этого мы должны стать алхимическими сосудами, где свет и тьма, добро и зло, мужское и женское борется, мирится, смешивается, соединяется, умирает и рождается. Все наши излюбленные этические верования — единобожие, вера евреев и кальвинистов в то, что они — избранный народ, предопределенный для справедливости — исчезают на наших глазах. Наше моральное превосходство испаряется вслед за ними. Мало того, что мы больше не в состоянии осуждать других, которых мы можем посчитать несправедливыми, но мы также не в состоянии осудить ту сторону нас самих, которую нас учили презирать и ненавидеть. Мы обязаны любить тех, кто рядом с нами, и мы должны также любить себя самого, полностью признавая обратное. В этой любви самопринятия мы открываем великую тайну, сокрытую в завете “полюби ближнего своего как самого себя”.

Третий шаг в актуализации мифа — объединение противоположностей, которое следует за их борьбой и взаимодействием. Этот шаг представляет наилучший механизм для рождения сознания. Когда происходит союз противоположностей, рождается сознание. К сожалению, это легче испытать, чем объяснить. Тем не менее, мы и в самом деле часто испытываем этот союз в нашей жизни. Досуг и работа, альтруизм и эгоизм, юношеская энергия и зрелая мудрость, идеалистическое самопожертвование и здравый смысл часто борются и объединяются в нас, приводя тем самым к развитию и росту сознания.

Одна из главных противоположностей человеческой жизни — полярность между мужским и женским. Постиге-

ние анимы и анамуса — одна из главных задач процесса индивидуации (см. главу 3). Объединение противоположностей мужского и женского начала в нас самих напоминает гностическое таинство священного брака, когда человеческое я сакрально объединяется с божественным Я. Эти мистические обряды всегда предполагались как иерогамия, hieros gamos, “священный брак” Проницательное современное описание этого явления может быть найдено в описании Андрогина Юна Синглера: *Андрогин не пытается управлять отношениями между противоположностями; он просто плавает между ними. Нельзя пересечь реку, можно стать ей. Ничего нельзя сделать, кроме как варьировать между Мужским и Женским, быть и тем, и другим, уступая всем препятствиям и тем самым преодолевая их...* человек, который стал Андрогинном есть скрытая река, которая поднялась до предела, почувствовала свой собственный уровень, и не оставляет мир равнодушным без каких-либо особых усилий сделать это. Вода нежна, но она точит камень. Это сила потому, что она по своей сути не имеет противодействия; и при этом сама природа не противоречит ей. И также может быть с человеком, который выбрал путь Андрогина.

Люди, совершившие внутренний брак, становятся психически андрогинными. Истинный признак целостности состоит в том, что две основных полярности, мужская и женская, объединились во внутренней гармонии. Было бы преждевременно размышлять о возможности развития такой интрапсихической андрогинности в американской культуре. Все же возможно, что в некоторой степени путь к этому уже готов. Радикальные изменения в роли и отношении полов и разрушение твердых стереотипов пола указывают на такую возможность. Хотя эти внешние изменения важны, мы должны понять, что миф сознания в его различных фазах нужно переживать внутренне. Опасная экстраверсия нашей культуры всегда оставляет много искушений на нашем пути, которые часто умаляют внутреннюю работу наших душ.

Если эти искушения будут успешно преодолены, будущее этого шага к мифу кажется многообещающим.

Четвертый и последний шаг мифа — тот, на который мы ссылались ранее в связи с идеями, высказанными Юнгом в “Ответе Иову”. Эдвард Эдингер назвал этот шаг “преобразованием Бога”. Следует признать, что эта концепция имеет много недоразумений. Как отмечено ранее, Бог упомянутый нами как Создатель-демиург гностиков, не тот Бог, которому поклоняются господствующие религии Запада. Мы впадаем в замешательство, когда слышим, как слова Юнга интерпретируются согласно традиционным представлениям нашей культуры. Мы должны помнить, что Юнг также настаивал на тесной взаимосвязи Бога с Самостью. (Хотя это может показаться странным, но это утверждение мало чем отличается от учения Св.Павла, когда он говорит: “Христос внутри нас”.) Кроме того, в отличие от гностиков, не говоривших о возможности искупления Демиурга, Юнг снова и снова повторял, что Бог-создатель может быть искуплен и обрести сознание, и что это могло быть обеспечено человечеством. В то время как господствующее христианство придерживается того, что Бог — искупитель человечества, Юнг считал, что люди — искупители Бога. Вопрос состоит в том, как это искупление может быть достигнуто?

Бессознательность Бога (Демиурга), по словам Юнга, проявляется одним основным условием — утратой его женской стороны. В “Ответе Иову” Юнг написал, что у Бога-создателя однажды была женская сторона, которая была его сестрой, супругой и возможно матерью, ее имя — София, что означает “мудрость”. Потеряв контакт с Софией, Бог стал неблагоразумным или, на языке психологии, бессознательным. Поэтому очевидно, что путь Бога к сознанию приводит к женскому началу, которое он должен признать и реабилитировать, и с которым он должен достичь союза.

Духовный феминизм Юнга недооценивается большинством людей в нашей культуре. Его подход был тонким, психологически зрелым и никоим образом не политизирован-

ным, эти качества отличают его от многих авторов, которые обращаются к теме женского начала в наше время. Однако, подход Юнга заслуживает должного внимания, поскольку основан на его обширном эмпирическом опыте психэ и его столь же обширном понимании психологической обусловленности таких протопсихологических и протофеминистических символических систем как гностицизм, герметизм, алхимия и прочие.

В наше время, когда люди начали спрашивать, может ли бы Бог быть женщиной, немногие помнят, что именно Юнг говорил приблизительно семьдесят пять лет назад, что в далеком прошлом Бог, вероятно, был женщиной. Основываясь на теориях ученого девятнадцатого века Дж. Дж. Бачофена, Юнг поддержал идею, что перед 4500 или 4000 лет до н.э., матриархальная культура, основанная на культе богине матери, вероятно, была распространена в Европе и части Средиземноморского региона. Впоследствии, ученик Юнга Эрих Нойманн написал несколько психоисторических исследований, где он развивал теорию четырех фаз личного (а возможно также коллективного или культурного) психологического развития: уроборическую, матриархальную, патриархальную и составные фазы. Джозеф Кемпбелл и другие исследователи мифов после шагов Юнга и Нойманна популяризировали понятие “Эпохи Великой Матери”, тем самым дав почву многим феминистским теориям и авторам нашего времени.

Но мы должны помнить, что Юнг никогда особенно не настаивал на исторической точности теории Бачофена; он просто чувствовал, что она имела психологический смысл с точки зрения концепции роста и развития индивидуального человеческого психэ. Мы также не должны забывать, что когда ранний наставник Юнга, Фрейд, попробовал свои силы в любительской антропологии в таких работах как “Тотем и табу” и “Моисей и монотеизм”, он преуспел только в создании анекдотов. История и психоистория — не одно и то же.

Последователи Юнга могут учесть печальный пример Фрейда и проявить сдержанность в одобрении исторической точности популярных мнений о Богине и постулируемом матриархате, в который она, как предполагают, правила. Скептицизм относительно этих теорий в академических кругах только нарастет, несмотря на их широкое одобрение за пределами традиционной науки. Согласно мнению весьма уважаемых ученых — среди которых швейцарский ученый Уолтер Беркерт и Венди Дониджер из Чикагского университета — хотя много женских тотемов и было найдено в поселениях эпохи неолита, нет никаких точных доказательств, что они были посвящены единственной богине, или что эта богиня, которой поклонялись, не была частью политеистической системы. Нет неопровержимых доказательств, что поклонение богиням было обязательно связано с политической системой матриархальной природы. Комментируя эти пробелы в доказательствах, Беркерт написал: “Следовательно, интерпретация Богини Матери должна быть воспринята со скептицизмом”.

Существенный вывод для нас здесь состоит в том, что, в то время как целостность, необходимая Создателю, требует спасения и возвышения Божественного Женского, эта задача не должна быть предана историческим и антропологическим теориям, которые очень спекулятивны. Потому обретение целостности одиноким, раздражительным и частично бессознательным Богом-создателем мужского пола — не политическая задача, а психологическая, и даже духовная. Проблема этой задачи, как очень прямо сказал Юнг, состоит в том, что “Америка — экстравертный ад!” Способность людей нашей культуры последовательно выполнять задачи, являющиеся психологическими и поэтому внутренними, прискорбно невелика. Деньги, престиж и власть — цели, которые преследуются излишне экстравертным психом; психологического преобразования не происходит. Этот экстравертный менталитет снова и снова подвержен такому влиянию как марксизм (материальная прибыль, ведущая

к выгоде системы), и может преуспеть в переносе понятия классовой войны в те области, где ее применение оправдано еще меньше, нежели это предлагалось в оригинальном контексте.

Поэтому мы должны признать, говоря о противостояния Бога и Богини, речь идет не о классовой войне или политической власти, а скорее о психологической, и в конце концов психической целостности. Те люди, которые признают это ясно и готовы следовать этим путем — истинные герои сознания. Они помогут восстановить целостность и явить сознание в души мужчин и женщин, а кроме того, в тонкое, метафизическое измерение богов и богинь. Снова процитируем Эдингера: “Как только людей постепенно, одного за другим, посетит озарение, что преобразование Бога не забавная идея, а живая реальность, она может начать функционировать как новый миф. Тот, кто признает этот миф как свою собственную личную реальность, посвятит свою жизнь ее воплощению”.

Этим мы заканчиваем описание последней стадии процесса воплощения мифа сознания. Четыре его стадии — глубокая, внутренняя алхимия, которая очень необходима нашему миру и всему человечеству, если верить словам Юнга о природе Бога. Будет ли это понято в наши дни? Сыграет ли народ Америки, с их давней традицией свободы и ценности личности, важную роль в решении этой проблемы? Эти вопросы легче задать, чем ответить на них. Ответ будет дан историей, а в пределах исторической структуры — мужчинами и женщинами из плоти и крови, трансформирующими свое индивидуальное психэ. Суть этой трансформации — свобода. В прошлом мы пытались быть свободными бессознательно, и свобода изменилась в свою противоположность на наших глазах. Кроме того, когда мы боролись за сознание в условиях недостаточной свободы, мы жили плохо. Возможно, именно теперь настало время объединить свободу и сознание. Такова моя надежда.

Эпилог: Мысли о возможном новом мировом порядке

На рассвете двадцатого века все больше возрастал оптимизм, что 1900-ые будут самым благополучным столетием, которое когда-либо видел мир. Наука, финансовый рост, быстрая индустриализация и перспектива мира во всем мире породили такие большие надежды, что будущее выглядело и в самом деле многообещающим. Однако история развернулась совсем по-другому. Две разрушительных мировых войны, Великая Депрессия, и воцарение тоталитарных диктатур беспрецедентной власти и преступного характера — включая Нацистскую Германию и марксистских гигантов, таких как Советская Россия и коммунистический Китай — принесли много горя. Теперь, когда двадцатый век приближается к концу, еще раз возникла возможность компенсировать тот оптимизм, преобладающий на рубеже веков. На этом опасном рубеже может быть полезно задать два вопроса: Что пошло не так как надо в начале столетия? И, наоборот, что происходит прямо сейчас, в конце 1900-ых?

В ответ на первый вопрос мы могли бы сказать, что мироустройство, которое появилось после двух мировых войн в значительной степени не принимало в расчет один ключевой элемент: свободу. Несмотря на громкие лозунги о самоопределении национальностей, высказанных на мирных конференциях после Первой мировой войны, много небольших стран были вынуждены объединиться в империи и миниимперии, в составе которых их участь была печальна. Текущий распад Российской империи и борьба, разгорающаяся сегодня в странах центральной и восточной Европы, являются результатом создания искусственным путем мультинациональных государств на конференции в Версале.

Одновременный со строительством многонациональных государств был беспрецедентный акцент на важности централизованного правительства. В то время как национальности были лишены гражданских прав, частные лица потеряли

свою свободу владения, производства и обмена материальными товарами без правительственного вмешательства. Национальные, экономические, политические и религиозные свободы были пресечены, во многих случаях полностью устранены. К середине века свобода была в мире наиболее спекулятивным товаром. Было много примеров убедиться в этом. Немецкий национал-социализм обещал расширение границ (жизненное пространство), так же как военную и индустриальную мощь; международный марксизм обещал равное распределение богатства и рай для рабочего класса. Ни одно из этих обещаний не было выполнено; а вместо этого свобода была потеряна во многих областях жизни.

Конец 1980-ых и начало 1990-ых принесли драматическое окончание тенденций, доминирующих в более ранние десятилетия нашего века. Это завершение было в значительной степени вызвано крахом централизованного правительства. Сегодня коммунистические и другие тоталитарные правительства теряют контроль. Поскольку их гражданам предоставляют некоторые свободы, они желают еще больших. Стены, которые держали в плену миллионы мужчин и женщин, рушатся; границы пересматриваются; собственность и прибыль стали приемлемыми и даже желательными мотивами для людей. Желание личных свобод, наряду с моральным и экономическим банкротством системы, побеждает тоталитарных завоевателей предшествующих лет.

Не только тоталитарный марксизм уходит с исторической арены, но также и более умеренные формы централизованного экономического планирования и социальной разработки расшатаны. До недавнего времени мы много слышали о шведской модели социализма. Но вероятнее всего, что с этого времени мы будем слышать о ней все реже. В сентябре 1991 Социал-Демократическая Партия Швеции потерпела разрушительное поражение на выборах, которое может свидетельствовать о том, что после пятидесяти трех лет правления эти защитники массивного доходного перераспределения могут исчезнуть навсегда. Даже если

эта шведская партия поднимется снова на других выборах, кажется вполне очевидным, что шведская модель, которую долго хвалили сочувствующие во всем мире никогда не будет такой как раньше. Более чем вероятно, что другие социалистические эксперименты, проведенные в других странах, не справились бы с суровостью двадцатого века. Все пошло не так, как надо в нашем веке из-за недостатка свободы. То, что происходит сейчас — обретение свободы. Это столь же просто, как и удивительно.

Алхимическое преобразование

Эти соображения подводят нас к предмету, который мог бы сначала показаться не связанным с такими проблемами как социализм, капитализм, политическая свобода и существующие изменения в мироустройстве. Этот предмет — алхимия.

Алхимия не была лишь донаучной химической дисциплиной, обычно связываемой с получением золота. Доказательства указывают на то, что древнее гностическое понятие духовного роста через взаимодействие творческих противоположностей в душе было известно некоторым алхимикам, особенно гностическому учителю третьего века — Зосиме. Возможно, он и другие практики объединили эту идею в искусство алхимии. Основываясь частично на этих доказательствах, Юнг развивал свою науку, показывая, что современная глубинная психология в свою очередь близко напоминает древнее учение алхимии, особенно относительно анализа, призванного обеспечить психологическую целостность посредством интеграции. Основная алхимическая мысль — идея, что непосредственный процесс медленного роста лежит в основе жизни и структуры Вселенной. Неочищенные и неблагоприятные проявления бытия медленно растут и созревают в достойные и чистые формы посредством чрезвычайно медленного процесса естественного роста. Менее оптимистическая версия этой теории держится на том, что природа развивается не так, как трансформация, и никакое творческое изменение благотворного характера не может

произойти из этого ненаправленного процесса. Живя этим мифом, алхимики чувствовали, что они обладают тайнами, позволяющими им ускорить постепенные процессы изменения в природе. Они говорили, что условием природы является рост, в то время как алхимический путь — преобразование, и между тем и другим есть большая разница.

Принцип естественного роста может быть иллюстрирован примером роста дуба из желудя. Потенциальный дуб полностью присутствует в желуде, и посредством процесса линейного роста этот потенциал осознает себя с течением времени, поскольку семя превращается в рассаду, которая вырастает в дерево. Алхимия наоборот — работает скорее подобно трансформации гусеницы в бабочку. В определенный момент трансформационного процесса гусеница прядет кокон, который в буквальном смысле представляет темную массу начального органического вещества, не обладая качествами ни гусеницы, ни бабочки. Тогда начинается таинственная перестройка темной массы. Результат состоит в том, что в конечном счете появляется бабочка.

Кокон, говорили алхимики, алхимическое условие, сосуд преобразования. Тело гусеницы — известная природная материя, состоящая из четырех элементов — земли, воды, огня и воздуха. Природная материя сначала подвергается радикальному распаду; она становится темной творческой массой, “*Massa confusa*”, которая уподоблена первобытному хаосу, предшествующему созданию космоса. Эта темная масса, также известная как *Prima materia* — вещество, не обладающее естественной способностью к росту, а массой с потенциалом для творческого преобразования. На данный момент аналогия бабочки и гусеницы завершена, и для алхимической парадигмы теперь необходимы две полярные противоположности (часто называемые “король и королева,” “солнце и луна,” “сера и соль”) появляющийся из массы прима материи. Творческое и сложное взаимодействие этих противоположностей в конце концов ясно показывает исход алхимического процесса: Философский Камень. Помощник

этого процесса — третья сила, алхимическая ртуть, без которой заключительная фаза преобразования невозможна.

Таким образом, мы находим, что в алхимии творческое изменение вызвано не линейным ростом и единственным принципом, а скорее соединением двух двойных противоположностей, которые, объединяясь, дают результат Великой Работы. Юнг предполагал, что алхимическая модель преобразования очень четко соответствовала процессу интегрального развития человеческого психэ. Развитие психэ от незрелой фрагментации до индивидуальной целостности не соответствует модели однонаправленного роста, а скорее напоминает алхимическую трансформацию. В “Психологии и алхимии”, “Алхимических исследованиях” и “Mysterium Coniunctionis” Юнг продемонстрировал в подробностях общие черты психологического развития индивидуальной психической целостности и трансформационного процесса Великой алхимической Работы.

Доказательства, которые он привел в поддержку своих доводов, очень убедительны. Интересно то, что он приводил не только аналогии глубинной психологии и алхимии, а также видел, что алхимические принципы могут быть применимы в физике и других областях науки. Например, Юнг писал об алхимическом понятии тонких тел человека (популярная доктрина в наше время, затронутая теософией Е. П. Блаватской) в своей книге “Психология и алхимия”:

Момент, когда физика затрагивает “ранее неизведанные области” и когда психология должна в то же самое время признать, что есть и другие формы психической жизни, помимо обретения личного сознания — другими словами, когда психология тоже вступает в непроглядную тьму — тогда промежуточная сфера тонких тел оживает снова, физическое и психическое вновь слиты в неразрывном единстве. Сегодня мы подошли очень близко к этому переломному моменту.

Теория Юнга о процессе преобразования и других особенностях алхимии предполагает, что эта наука может быть

плодотворно применена во многих других областях деятельности, включая природный порядок и человеческий разум. На этих заключительных страницах я хотел бы предложить еще одну область, где могут быть применены алхимические принципы: человеческое общество и его преобразование.

Преобразование человеческого общества

Если мы хотим применить алхимическую модель к человеческому обществу, мы можем изначально предположить процесс медленного органического развития, когда общество следует линейной модели дуба. Традиционные общества действительно растут, но настолько медленно, что их рост может быть замечен только спустя много веков, или даже тысячелетий. Но меркурианский дух, катализирующий трансформационный рост никогда не отступает. Снова и снова герои, подобные Прометею, крадут своего рода божественный огонь, который облегчает преобразование человеческой жизни и общества. Наша культура видела много таких преобразований: завоевания Александра Великого, приход христианства, Ренессанс, Промышленная революция. Все это в своё время обеспечило высокий потенциал для технологического развития и способствовало росту человеческого сознания.

Давайте рассмотрим два из этих алхимических событий более подробно. Промышленная революция свела много аспектов общественной жизни к состоянию прима материи. Такие понятия как день и ночь; зима, лето, весна и осень; и много других обстоятельств, ранее ограничивающих человеческую жизнь стали относительными и потеряли свою значимость с помощью технологий, способных бросить вызов природе. Современный промышленный прогресс был проявлением того, что алхимики называли *opus contra naturam* — работой трансформации, которая своим путем идет вопреки природе, ее естественному пути и тенденциям.

Этот мрачный этап алхимического преобразования всегда носит дезориентирующий, болезненный, пугающий и от-

чуждающий характер. Но из темной “*Massa confusa*”, из ее копоты и ветхости, из дезориентации ранее прочного класса и властных структур возникло много сильных и в конечном счете творческих алхимических пар: рабочая сила и капитал; демократия и аристократия; консерватизм и либерализм; религиозность и атеизм и много других. Дуальности боролись и мирились, объединялись и распадались, умирали и возрождались в длительной и изумительной последовательности алхимических трансформаций. Очень похоже, что человечество сейчас находится на пороге нового этапа трансформации, природа которого исследуется ниже.

Существует один главный аспект этого процесса алхимического преобразования — работой общественной трансформации нельзя управлять внешне. Алхимик готовит определенные предварительные условия этой трансформации, такие как перегонный куб, реторта и медленный постоянный огонь, но во всем остальном процесс должен идти своим путем. Применяв этот принцип к человеческому обществу, мы должны признать, что через конфликт и неудачи, спад, депрессии и неорганизованность общество должно прийти к более значимым и творческим достижениям. (Тем не менее, мы не отрицаем, что проницательные и сострадаательные организации — мы надеемся, неправительственного характера — должны облегчить страдания человека, вызванные неудачными эпизодами в рамках процесса преобразования.) Как раз когда индивидуальное психэ совершит собственное преобразование в процессе индивидуации, в то же самое время творческий дух коллективными человеческими усилиями преобразует себя через конфликт и возможное объединение социальных противоположностей.

Давайте посмотрим на некоторые области, где применяются эти принципы. На экономическом рынке конкуренция приводит к более желательным результатам, нежели централизованная административная экономика, испытывающая недостаток в конкуренции и выгоде. (Крах коммунистических и социалистических экономических систем во всем

мире появился именно из-за пренебрежения этими принципами.) На рынке идей только тогда возникают лучшие и самые творческие проекты, когда в полной мере реализована свобода мысли, науки и информации. Эта истина лучше всего доказана на арене свободного алхимического взаимодействия. Мир видел слишком много “полиции нравов” и слишком много пропаганды различного характера. Точно так же в личной жизни люди должны вершить свою собственную моральную алхимию, если, конечно же, она не противоречит моральной независимости других людей. В этом отношении Юнг отметил: “Нет никакой морали без свободы”.

Здесь вновь очевидна аналогия между психэ и обществом. Когда разумом управляют обманом или эксплуатацией, он прекращает совершенствоваться и стремиться к целостности. Испытывая недоверие к модели психэ, некоторые люди пытаются навсегда подчинить свои умы. Такая тенденция существует в психологии, экономике, политике и других областях. Те, кто не доверяет жизни, ищут необходимость управлять ею, и результат этой манипуляции как правило плачевен. Как отмечалось ранее, преобразованию нужно позволить пройти; оно не может быть сделано своими руками. Таково истинное, психологическое оправдание свободы, и причина, по которой любая тирания, независимо от того, насколько хорошо продумана, обречена на крах.

Джордж Оруэлл, в его пророческой книге “1984” дал тирании, ложной алхимии двадцатого века подходящее имя: “Старший брат”. Это имя высокомерного и патерналистского обмана, так свободно осуществляемого диктаторами, подобными Гитлеру, Сталину и Мао. Старший брат следил за миром в этом веке больше лет, чем кто-то желает помнить. Возможно, для Старшего брата наконец настало время уехать. Немногие, если таковые найдутся, будут лить слезы после его отъезда.

С наступлением последнего десятилетия двадцатого века алхимическое преобразование нашей культуры перешло на следующий этап. Некоторые называли его “Новым миро-

вым порядком,” — термин, который мы можем принять при условии, что его значение отличается от общепринятого. Новый мировой порядок не будет наднациональным правительством; он не будет новой идеологией, берущей начало среди губительных идеологий прошлого; он не будет создавать огромные, коллективные системы с целью управления людьми или передела мира. Вместо этого мы надеемся, что этот этап сделает людей свободнее, чем они были когда-либо прежде. Наступление этой новой фазы ознаменуется многими событиями, которые происходят уже сейчас.

Знамена времени

Первым из многообещающих знамений времени, упомянутых ранее, является крах централизованного правительства, приведший к крушению тоталитарных режимов с их характерным недостатком индивидуальной и экономической свободы. К нему можно добавить крах империй, или многонациональных государств, подобных советскому блоку.

Нынешний рост этнического национализма может научить нас тому, что вещи не должны быть большими, чтобы быть хорошими. Концентрация державной мощи на правительственных верхах не сделала нашу жизнь легче, не принесла мир и не дала никаких результатов. Вероятно, что следующее десятилетие увидит даже больше политических распадов, сопровождающихся ростом экономической интеграции. Процветания и социального прогресса могут достигнуть и небольшие, независимые государства, не требующие централизованной структуры управления. Хороший пример — Финляндия, которая успешно отсоединилась от Российской империи в 1917 и сумела остаться независимой до сих пор. Сегодня Финляндия — небольшая страна, где живет меньше шести миллионов человек, — стала одной из наиболее преуспевающих стран в Европе. Нет никакой причины, почему другие небольшие страны, такие как Страны Балтии, Украина, и угнетенные азиатские страны, такие как Тибет, не могут последовать примеру Финляндии. Как

только огромный идол пал, люди поняли, что любая страна, независимо от того, насколько она мала или зависима, может добиться суверенитета и процветания.

Второе знамение времени, жизненно необходимое для воцарения Нового мирового порядка — развитие высоких технологий. Технология часто воспринимается как угроза свободе личности. Само это слово вызывает мысли об огромных, безличных тиранах, пожирающих корпорациях, организациях и странах. Многие из нас видели фильмы, в которых безумные компьютеры хотят захватить мир. “Ад 2001” — всего лишь один их примеров. В то время как у технологии ясно есть своя теневая сторона, довольно вероятно, что революция на основе высоких технологий последних лет станет скорее освободительной силой.

Индустрия прошлого этапа цивилизации (так называемая “низкая технология”) была большой тяжелой промышленностью, подразумевающей гнетущую атмосферу. Новая высокая технология, однако, носит другой характер. В то время как старая технология производила и распределяла материальные ресурсы, новая технология производит и распространяет информацию. Ресурсы, используемые высокими технологиями, скорее интеллектуальные, нежели материальные. Под воздействием высоких технологий мир все больше и больше переходит от физической экономики к экономике метафизической, как ее можно было бы назвать. Мы подходим к признанию того, что сознание, а не сырье или материальные ресурсы составляют наше истинное богатство.

Никакое изобретение не способствовало этому признанию в большей мере, чем компьютер. Компьютерная микросхема может приниматься как великий символ технологии освобождения, которая в настоящее время развивается. Микросхема, к слову, может быть сделана за десять центов из пластмассы и бумаги, плюс несколько центов на другие материалы, но содержать в себе программу, стоящую сотни долларов. Поэтому часть программного обеспечения представляет собой то, что можно было назвать “метафизиче-

ским богатством.” Минимальный размер компьютерной микросхемы и минимальное количество физических ресурсов, потраченных на ее создание, говорят о том, что цивилизация перешла от большой, тяжелой и угнетающей технологии к микроскопической, мобильной и прежде всего сосредоточенной на сознании. Это не означает, что производство и распределение материальных ресурсов в прошлом, но акцент сместился в противоположном направлении. Кроме того, высокие технологии — влиятельный враг тиранов и бюрократов. Использование их в обществе не угнетает людей; а скорее освобождает их от централизованного управления и дарует им большую власть над своей собственной судьбой.

Последнее обнадеживающее знамение — возможность морального возрождения как часть новой тенденции цивилизации. Поскольку психологический центр тяжести культуры перешел от материальных ресурсов к сознанию, необходимо удостовериться, что качество сознания растет. Возрождение личной морали, личных ценностей можно отметить в этом контексте как побочное явление трансформации сознания. Развитие индивидуального психэ и личные стандарты дисциплины — все это часть поиска Великого царства внутри нас. Всеобщее моральное возрождение никогда не будет следствием идеологической обработки и особой системы ценностей любой религиозной или культурной традиции (см. главы 2 и 4). Фактически, события последних лет указывают на то, что духовные взгляды и методы, поддерживаемые нынешним автором, включая психологию Юнга, тайную, теософическую, и гностическую мысль, значительно способствовали изменениям, имеющим место в прежнем Советском Союзе и других тоталитарных странах. В век информации качество нашего сознания затронет нашу политику, нашу экономику и наше реальное будущее больше, чем когда-либо в прошлом.

Томас Джефферсон предупредил, что, “если страна надеется быть невежественной и свободной цивилизацией, она надеется на то, чего никогда не было, и никогда не

будет". Он был сторонником свободы, которая восходит на горизонте нашего мира сегодня, когда люди в полной мере осознают, чем они владеют. Самое большое невежество — невежество глубинной духовной природы, как утверждал Джефферсон и многие другие мыслители прошлого. Поэтому важно не поддаться искушению приуменьшить существующие алхимические изменения в мире до масштаба простых экономических измерений. Свободное предпринимательство — важный аспект свободы, но много бед этого века последовало из-за его переоценки.

Однако, свобода все еще во власти глубокой, могущественной и всеохватывающей тайны. Эту тайну называли многими именами: Бог, Дух, Бытие, Добродетель. Эту последнюю и все же непостижимую тайну Юнг описывал в своих "Семи наставлениях Мертвым": "К ней идет долгое путешествие души...; в этом сияют все вещи, которые иначе могли бы отпугнуть человека от великого мира своим высшим светом".

На более ранних фазах алхимического делания к этой тайне можно было приблизиться прежде всего путем веры. Сегодня вера была заменена во многих умах тем, что аналитические психологи называют сознанием, а в древние времена называли Гнозисом. "Иметь веру в чью-либо веру", как выразился Уильям Джеймс, больше многих не устраивает.

Мы должны убедиться, что нынешнее моральное возрождение — часть всеобщего роста человеческого сознания. На предыдущих алхимических этапах нашего века мы забыли о том, что материальный прогресс бесполезен без прогресса морального. Социальная политика была нравственно нейтральна или "свободна от оценочных суждений", но впоследствии выяснилось, что она чревата пагубными моральными последствиями. Очевидно, что сегодня должны быть найдены другие пути. Среди них мы могли бы серьезно рассмотреть путь Гнозиса с точки зрения психологии Юнга. Привлечь внимание к этой возможности и надежде — главная цель моей работы.

Стефан Хёллер

Психология и эзотерика свободы

М.: Клуб Касталия. 2014. — 224 с.

Перевод: Юлия Трусова

Редактор Алекс Мома

Обложка: Надежда Столярова

Оглавление

Вступление. Гнозис Свободы	5
Глава 1. Индивидуальная Душа против массового мышления	12
Глава 2. Ветхая религия в современном обществе	33
Глава 3. Анима и Анимус в обществе: о равноправии полов	66
Глава 4. Психология, Гнозис и новая мораль . . .	80
Глава 5. Психология и мистика тирании	90
Глава 6. Утопия возможна или необходима? . . .	112
Глава 7. Дао Свободы: к добровольному обществу	124
Глава 8. Шаманская Америка: древний фундамент американской культуры	136
Глава 9. Герметическая и Пуританская Америка: Противоположности нашего общества	156
Глава 10. Общество против личности в Америке .	174
Глава 11. Америка и новый миф сознания	187
Эпилог: Мысли о возможном новом мировом порядке	204

Стефан Хеллер

ПСИХОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ СВОБОДЫ